

"Случайный билет в детство (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

СЛУЧАЙНЫЙ БИЛЕТ В ДЕТСТВО

Глава 1

Догонять поднимающийся лифт то ещё развлечение. Мне и Олегу Жихареву места в кабине не досталось и, проклиная её маленькие габариты и внушительных напарников, мы несёмся вверх по лестнице. На площадку последнего этажа выскочили одновременно с открывающимися створками лифта.

— Однако! — удивленно покачав головами, вывалились ребята.

— В следующий раз побежите вы, — выдыхает Олег, — для фигуры полезно.

Легких и Любшин смеются и поднимаются по лестнице, ведущей на крышу.

— Что там? — спрашиваю остановившихся ребят.

— Закрыто тут, — гудит Андрей.

Только я собрался доложить о проблеме, как что-то треснуло, и дверь распахнулась.

— Уже открыто, — хмыкает Любшин, откидывая сломанный замок. Ворвавшийся в душный подъезд, свежий ветерок принёс облегчение.

Тут, на крыше, обалденная прохлада, а в подъезде духота и смрад. Не завидую штурмовой группе, что засела на лестничной площадке.

Быстро готовим альпинистские веревки.

Наша задача — обеспечить прикрытие с тыла, а именно — контроль окна девятого этажа, выходившего на противоположную сторону жилой высотки и, если необходимо, штурм через него. Другие группы расположилась комфортнее нас — они сидели на другой стороне дома, в лоджиях квартир этажом выше. Им штурмовать по трём путям — в лоджию, в окна, смежной комнаты и кухни. Остальные, готовясь к штурму, скучились на узкой площадке у двери квартиры.

Пристегнувшись к веревке, я подошел к краю и глянул вниз. Жихарев стоит в двух метрах. Паша Легких и Андрей Любшин пойдут вслед за нами.

— Прошу сударь, — куртуазно кланяясь Жихареву, повожу рукой за край парапета, — уступаю вам право первому сделать шаг в бездну.

— Ну что вы, мсье, — так же шутовски кланяется тот, — только после Вас.

— Кончайте паясничать, мужики, а то сейчас Белкин зарывкает.

Любшин как сглазил — в гарнитуре зашипело, и рация голосом подполковника Белкина спросила:

— Там, наверху, чего телепаетесь? «Стена-пять», «Стена-шесть», ускорьтесь.

— Вас понял «Штаб», ускоряемся, — ответил я в рацию и, посмотрев вниз, пробормотал, — вот

только быстрее десяти «же», ускориться никак не смогу.

— Придётся спускаться медленно и печально, — усмехнулся Олег, — ну что, вперёд?

Только мы шагнули к парапету, как зашипела рация:

— Внимание! «Стена-семь», «Стена-восемь», вернуться на исходную. «Стена-пять», «Стена-шесть», работаете одни.

Чёрт, чего это Белкин ребят отзывает? Запрашиваю по рации:

— «Штаб», вы уверены?

— Уверен, — резко ответил Белкин, — к вам направляется более худая замена.

Мы переглянулись. Легких и Любшин смотрят на друг друга, оценивая — прошёл бы он через створ окна, или нет. По лицам видно, что если надо, то ребята влезли бы и в кроличью нору, но раз командир приказал, значит надо идти вниз. Они шумно вздыхают и снимают свои бухты, оставляя их пока на крыше.

— Ладно хоть надо вниз, а не вверх, — ворчит Андрей, — Паш, давай на лифте?

— Не, командир сожрёт, пешком спустимся.

Они уходят, а мы вынимаем ОЦ-27 «Бердыш», дослаем патроны и, поставив на предохранители, убираем их в кобуры.

— Вперёд?

— Вперед.

Стукнувшись шлемами, разошлись на два метра и заскользили по «перилам» вниз. Опустились до десятого этажа и зависли рядом с окном.

— Уточнение обстановки и доклад, — прозвучало в наушниках.

— «Гнездо-раз», готов.

— Я «гнездо-два», готов.

— «Гнездо-три», готов...

Докладывали снайперы, контролирующие окна и лоджию на восточной стороне дома.

— «Гнездо-девять», готов. Западное окно даёт блик.

— «Гнездо-десять» подтверждаю, видимость ноль. Солнце бликует.

Это уже снайперы с нашей стороны, сидящие в здании напротив. Хреново, раз они не видят, что творится в комнате.

— «Стена пять и шесть», что у вас? — Это уже нам.

— «Стена-пять» готов, — доложил Жихарев.

— «Стена-шесть» готов. — Сказал я в микрофон и покосился в близкое окно десятого этажа, где на подоконнике сидела кошка и пялилась на меня.

— Понял вас. Ждите.

Сдвинул очки на шлем и подставил лицо ветерку. Когда ещё наше начальство решит задачу со многими неизвестными? Покосился на Жихарева, тот тоже «прохлаждался». Кошка потеряла ко мне интерес и начала умываться.

— Хоть бы удачу намыла.

— Что? — Не расслышал Жихарев.

Показал ему на окно.

— А, понял.

Наконец рация ожила:

— Внимание, «Гнездо-пять», «Гнездо-шесть» контроль, «Стена пять и шесть» поставить «глаз».

Мы с Олегом переглянулись. Предстояло незаметно установить маленькую, но весьма многофункциональную камеру на стекло окна. Такие же камеры имели другие группы, но там мешали газеты, наклеенные на стёкла изнутри.

— Серёг, я ставлю «глаз», ты прикрываешь.

— Добро. — Ответил я и сказал в микрофон: — «Штаб», ставим «глаз».

Спускаемся к девятому этажу и переворачиваемся. Я замираю в полутора метрах выше окна, прицелившись из пистолета. С другой стороны, завис Жихарев, держа в руках камеру-таблетку. Он протянул руку и быстро прилепил камеру к стеклу, в самый верхний угол. Затем мы отодвигаемся от окна в стороны. Я докладываю «Штабу»:

— «Глаз» установлен.

— Понял вас.

Опять ждать. Сдвинул очки на шлем, всё легче и прохладней. Сейчас в штабе долго будут решать — что делать? Посмотрят в камеру, определят — сколько преступников присутствует в комнате, уточнят количество заложников, и решат — с какой стороны начинать штурм квартиры.

Есть три варианта. Первый — это входная дверь, но есть один неприятный момент — дверь железная. Спецы сказали — это не проблема, но прозвучало не совсем уверенно, что заставило напрячься и почесать лоб начальству. Вариант два — лоджия и окна на восточной стороне, то есть окно кухни и двух комнат. Но там все окна закрыты, почему-то, газетами. И вариант три — западное окно, ничем не занавешенное, выше которого висим мы. Плюс, возможные комбинации.

Наверно преступники решили, что с противоположного здания, стоящего в трёхстах метрах их не достанут. Наивные. Хотя, отчасти они правы. К этому окну доступ сложнее, да и солнце на этой стороне даёт блик и снайпера пока ничего не видят. Может, удастся потянуть время, чтоб блик сошел, вот только висеть на солнцепеке в нашей черной спецуре не «комильфо». Ветерок

не приносит должного облегчения. Это другим группам в тенишке, на восточной стороне высотки хорошо, а нам...

Скорей бы «штаб» определился с дальнейшими действиями.

Это сотрудники из наркоотдела лопухнулись. Почему-то пошли на захват вчетвером, а наркокурьер оказался прикрыт, причем хорошо прикрыт. Результат — три оперативника ранены, и один из них попал в заложники, а курьер и ещё четверо боевиков, заперлись в подвернувшейся квартире, где возможны ещё заложники. Наркоотдел почесал репу и вызвал нас, то есть городской спецназ. Вот и висим вдвоём, как марионетки, ждём «с моря погоды».

Тут я вижу что к нам спускается боец. Сразу узнаю в нем Валеру Истомина. Он зависает в четырех метрах выше и докладывает:

— «Штаб», я «Стена-девять». На месте.

— Принято «Стена-девять», — тут же отозвалась рация, — внимание, всем приготовиться!

— Давно, блин, готовы, — проворчал я и, похоже, не только. Эхом прошла в эфире готовность от всех, произнесенная несколько раздраженно:

— Готов...

— Готов...

— Готов...

— «Стена-пять», готов. — Прошипел Жихарев.

— «Стена-шесть», готов. — Выдохнул я.

— «Стена-девять», готов.

Все давно готовы, только «фас» сказать, но «штаб» опять заткнулся.

И вдруг:

— Внимание! «Стена пять и шесть» цель зашла в комнату, впереди заложница. Подошел к окну. Прикрывается заложницей. Смотрит.

Жихарев и я «прилепились» к стене. Преступник нас не увидит, если только он не откроет окно и не высунется. Ну не дурак же он? Хотя, нам его «дурость» здорово бы помогла и тогда из «гнезда» прилетело совсем не «яичко». Наши снайпера ушлые, но в этот момент, как назло, слепые из-за бликующего солнца. «Штаб» продолжал передавать то, что видит через «глаз»:

— Заложница прикована наручниками к батарее отопления, преступник из комнаты вышел.

— Внимание всем! — прошипела рация голосом Белкина. — Общий штурм через окна. Как поняли?

— «Стена-раз» принял.

— «Стена-два», принял...

— «Стена-пять», принял. — Отозвался Жихарев.

— «Стена-шесть», принял. — Доложил я.

— «Стена-девять», принял.

Всё, команду «фас» и... но «Штаб» опять чего-то ждёт.

Группам «Стена» на восточной стене хорошо, там прохлада и висеть, как нам не нужно, лоджии, практически рядом, а мы скоро тут запечёмся.

Рация прошипела докладом снайпера:

— Я «Гнездо-два», вижу движение. Вроде кто-то борется.

Вдруг в квартире что-то бумкнуло. А рация голосом «Штаба» истерически заорала:

— Штурм! Штурм! Всем группам штурм!

Истомин моментом соскальзывает до девятого этажа и, оттолкнувшись от стены, ногами бьёт в стеклопакет.

Тресь! — Вниз летят осколки стекла, и вместе с ними супер-пупер камера, а я влетаю в проём следом за Валерой.

«Бердыш» уже ищет цель. Отстёгиваюсь и перекатом в сторону. Рядом пронзительно визжат.

— Тихо, — одновременно шипим мы заложнице, — отодвинься в угол.

Девушка замолкает, кивает, сдвигается и в этот момент в окно влетает Жихарев.

Взяли дверь на прицел. Валера замирает рядом с дверью. Там идёт пальба и кто-то матерится. Чего они там телепаются? Докладываю «Штабу»:

— Западная комната чисто!

— Принято! — отзывается «Штаб».

За дверью орут:

— Глаза!

Бум! И вместе со вспышкой, дверь распаивается и влетает габаритная фигура. Мгновение сопровождаем пистолетами полёт туши, затем я мягко принимаю её в жесткие объятия. Но этот «жирдяй» вдруг очухивается, дёргается и, взревев, начинает подниматься. С трудом удерживаю его. На помощь приходит Жихарев, и вместе быстро скручиваем задержанного.

— Здоров, зараза! Наручники только-только влезли, — кряхтит Олег, прижимая толстяка к полу болевым.

— Чисто! — кричит Истомин.

— Чисто! — Кричат в глубине квартиры.

Туша под нами матерится и рычит, наносим по удару, тот затихает. В двери появляется два

спецназовца. Это Любшин и Легких.

— Чисто! — орут они.

Бах!

Как во сне вижу, брызги крови и заваливающегося набок Олега.

Бах!

Три выстрела сливаются в один. Дёргает бок. «Заложница» отлетает в угол, теряя пистолет.

— У нас трёхсотый! — Орёт кто-то из наших, что стрелял вместе со мной.

Жихарева выносят, а я присаживаюсь у стены. Тут и так полно народу, чтоб со всем разобраться.

Как же так? Откуда у неё пистолет и почему она в нас стреляла? Вот так косяк!

Держа на прицеле замершую в углу девушку, приближаются Любшин и Легких.

— Готова. — Склонился над телом Андрей, потом показал на сгиб её руки. — Наркоманка. Она, похоже, из той же компании.

Паша подбирает пистолет и с удивлением говорит:

— Ого! Смотри, с чем нарики разгуливают. Это же «Глок».

Туша «жирдяя» заворочалась, повернула голову к окну и дёрнулась в сторону тела:

— Светка!

— Лежать! — Его сразу прижали к полу.

— Суки... падлы... порву... — Он рычит с подвывом. Поворачивается. Вижу его бешеные глаза. Он смотрит на меня и вдруг яростно хрипит:

— Вяз, ты труп. Ты труп, понял? Ты труп! Я найду тебя. Закопа...

Загнув боковым, преступника выводят.

Он меня знает? Откуда он меня знает? Лицо его знакомо, вот только вспомнить не могу. Такого «жирдяя» я бы всяко запомнил. И «Вязом» меня называли только в школе.

Точно! Вспомнил!

Этого толстяка зовут Макс Громин, по кличке «Громила», но, помнится, в школе его все называли «Громозека». Вот так встреча! Он постоянно с Вершининым и Тощевым тусовался. Эта тройка была поперёк горла всей школе. Там Громин и его «компания» не учились, а просто посещали. Учителя, чтоб не портить показатели, ставили по всем предметам тройки, и терпели Громинские «выкрутасы» из-за его отца, который был какой-то шишкой в горуправлении.

Игорь Вершинин, по кличке «Вершина», тощая каланча, баскетбольного роста, которого втихомолку все называли — «Пик коммунизма» и Вячеслав Тощев, с тучной фигурой, полной

противоположностью фамилии и прозвищем «Толща», вместе с Громозой промышляли тем, что отбирали деньги у младших школяров. Часто доставалось и мне, но я с этим не мирился и рыпался в ответ. Потом приходилось молчать и не отвечать на вопросы мамы, скрывая синяки. Не хотелось вмешивать взрослых и прослыть «стукачом».

Объединяло их одно — хулиганство и унижение слабейших, постоянное издевательство над младшими. Если у кого были деньги, то они переключивались им в карманы. Школу они так и не закончили, пропав куда-то после девятого класса. Я тогда только седьмой класс закончил.

Передо мной присаживается Истомин.

— Серёга, ты как? Тебя вроде задело.

Провожу рукой под мышкой. Пуля прошла по касательной, не задев даже бронежилет, только пропорол спецуру.

— Нет, я в порядке. Как там Олег?

— Не знаю, — хмуро пожимает плечами Валера, — его уже в больницу увезли.

Вместе смотрим на труп в углу.

— Наручниками приковали. И кто знал, что эта дура с ними заодно? Ну и косяк, мля!

— М-да, — вздохнул Истомин, — а у того типа какой-то супер-пупер броник был надет. По нему из «бердышей» в упор лупят, а ему хоть бы хны. «Зарей» ошеломили, так он к вам улетел.

В комнату врывается подполковник Белкин. Перескакивая через валяющиеся вещи, он подходит к телу девушки.

— Мать-перемать! — Произносит он свою любимую поговорку. — И какого хэ её тут наручниками к батарее пристегнули?

Затем, присев, внимательно осматривает осколки под окном и говорит в рацию:

— Шамаров, пошукай-ка внизу, с западной стороны, «глаз» упавший поищи.

Оборачивается к нам.

— Тот верзила на весь подъезд орал, что закопает какого-то там «Вяза».

— Того верзилу, — поясняю я, — зовут Громин Максим Викторович. Мы в одной школе учились.

— Ясно, — Белкин поднялся, — в рапорте все изложишь. Супермены, мать-перемать!

— Пойдём, Серёга, — подал мне руку Истомин, — вечером в «Погребке» посидим, снимем стресс. Хороший же у тебя выдался последний день перед отпуском.

— Да уж.

У автобуса собрались все бойцы, но в салон не входили. Сняв шлемы и расстегнувшись, тихо переговаривались между собой:

— Что про Олега слышно?

— Как там он?

— Жив?

Рядом туда-сюда ходил Белкин, разговаривая с кем-то по мобиле.

— И что? — Он резко остановился, а мы затихли. Подполковник мрачно выслушал он кого-то, спросил тихо:

— Какая нужна? Понятно.

Выругался, при этом обозвав «нерадивых» медиков, заменив на «п» первую букву.

— Ну почему всегда так погано в неподходящий момент? Вечно чего-то не хватает!

Он обвёл нас взглядом.

— Значит так, мужики. Жихарев в тяжелом состоянии. Срочно нужна кровь четвёртой группы.

Поднимаю руку.

— У меня четвёртая.

— У меня. — Махнул Легких.

— И у меня. — Сказал Любшин. — Сдадим сколько надо.

По странному совпадению, в нашей четвёрке у всех оказалась одинаковая группа крови.

Заверещал телефон Белкина. Он так озлобленно нажал на кнопку, что чуть не сломал мобилу пополам.

— Да. — Проорал он в трубку. — Что?

Затем внимательно выслушал, а мы так же внимательно смотрели. Может, что новое про Олега?

— Понял, едем. — Нажав отбой, сплюнул. — Так, мужики, в аэропорту захват. Легких и Любшин в больницу, сдавать кровь, Вязов...

Он взглянул мне в глаза.

— Серёга, всё будет путём. Ты нужен нам здесь.

Легких и Любшину наказали звонить и сообщать о состоянии Олега, а сами загрузились в автобус, где Белкин сразу стал давать предварительную вводную:

— Итак, мы имеем захват самолёта. Тип борта — сто пятьдесят четвёртая «тушка». Террористы требуют деньги, водку и «бла-бла-бла», как всегда, а так же свободный коридор до Ирана, мать-перемать! Придурки, мля. Грозят взорвать борт, хотя вряд ли у них есть ве-ве. Началось всё в момент прихода пилотов, но там террористам обломилось — летуны успели запрыгнуть в кабину и закрыть дверь. Пилоты передали о двух террористах, но не факт что их только двое,

так же возможны «тихушники» среди пассажиров. Борт откатали с глаз долой на дальнюю стоянку. — Слова подполковника Белкина вылетали четко и громко, как выстрелы. — Это пока всё, остальное на месте.

Кто-то спросил из глубины салона:

— Но почему именно мы?

— Да потому, что мы единственная группа в городе, на данный момент, прошедшая курс по освобождению самолетов. Ещё вопросы?

Вопросов больше не задавали. Ехали молча, чего давно не было. Каждый думал о своём.

Я, из-за этой неожиданной встречи, вспоминал своё «боевое» детство. Как раз после седьмого класса я и начал активно заниматься спортом и, можно так сказать, что «Громозека» со товарищи и дали такой толчок. Собирался стать военным, как отец, и стал им.

А вчера опять звонил мой друг, Савин Олег. С ним я с первого по десятый класс сидел за одной партой. Он, не знаю в который раз, интересовался — когда я снизойду до того, что, наконец, выполню обещание и появлюсь на встрече выпускников, и так пропустил уже двадцать «сборищ». А я что могу сделать? В отпуск не отпускают. Второй год, без него родимого. Мало того, мы уже полгода находимся на казарменном положении. Но вчера мой рапорт, наконец, подписали, с завтрашнего дня я в отпуске. Только последний день больно уж динамичный выдался.

* * *

Самолёт стоял на самой дальней стояке. На самом краю летного поля маячили многочисленные пожарные машины. Белкин выпрыгнул из автобуса и сразу заорал, показывая на пожарные расчёты:

— Убрать с глаз долой. Пусть будут поблизости, но не на виду.

Обернулся к высаживающимся бойцам.

— Всем приготовиться, Вязов со мной.

— Николаич, я то зачем тебе в штабе?

— Будешь за моего зама, раз остался без группы.

Прошли к одноэтажному кирпичному зданию, ошетилившемуся множеством антенн. В комнате, уставленной аппаратурой, у большого стола сгруппировались люди, очевидно, входящие в «Штаб».

Командир сразу представился:

— Подполковник Белкин. Новости есть?

— Требуют немедленного вылета, иначе взорвут самолет. — Доложил седой майор. — Тянем время, как можем.

— Сколько пассажиров на борту?

— Сто семьдесят два. Есть дети, их пятнадцать. Уже получены все данные о пассажирах. Так как террористы мужчины, то после того как поговорили с пилотами, по описанию нападавших, определили двоих. Вот их данные.

Мы склонились над снимками, сделанными с камер видеонаблюдения. На фото стояли типичные европейцы. Данные регистрации подтверждали — русские они.

Наблюдатель вдруг выкрикнул:

— Внимание! Открылась дверь.

Мы припали к окнам. Из передней двери самолета выкинули какой-то предмет. Он покатился по бетонке, и вдруг...

Бабах!

— Мать-перемать! Как могли пронести в самолёт взрывчатку?

Белкин повернулся к техникам.

— Связь с бортом есть?

— Да, пилоты на связи.

Подполковник взял трубку.

— Говорит подполковник Белкин, с кем я говорю?

— Командир корабля пилот пе-ка Астанычев.

Майор пододвинул листок с именами экипажа. Белкин пробежался глазами по списку.

— Как обстановка, Александр Сергеевич?

— Требуют немедленного вылета, а то взорвут самолёт. Орут, что такой взрывчатки у них в бутылках много. Ещё требуют открыть кабину, иначе начнут резать заложников.

— Понятно. Связь с салоном есть?

— Да есть.

— Переключи. — Белкин закрыл рукой микрофон и тихо сказал технику:

— Включи на динамик.

В динамике раздался испуганный голос бортпроводницы:

— А-ало?

— Спокойно, не надо нервничать, они рядом?

— Да, тут.

— Передай трубку.

Раздался грубый голос:

— Слушаю.

— Говорит подполковник Белкин. С кем я говорю? — Спросил Белкин, косясь на лист с данными регистрации.

— Не важно, начальник. Важно как скоро самолёт поднимется в воздух.

— Раз я слышу голос, то у него есть имя.

— Хорошо, начальник, называй меня просто — Дед.

— Пусть будет Дед, — усмехнулся одними губами Белкин, — я слышал, лететь собираетесь аж в Иран, а не подумали, что горючки не хватит?

— Не твоё это дело, начальник. Сами разберёмся. Ты давай решай с вылетом, а то мы начнём заложников на мелкие кусочки шинковать.

— Мне нужно время. Три часа.

— Полчаса, начальник, а дальше будет первый труп. А если что... ты видел — взорвать самолет у нас есть чем. Решай.

Белкин положил трубку и матюгнулся.

Тут дверь распахнулась, и в комнату быстро вошел седовласый, плотный мужчина в темном костюме. Все подобралось, так как это был генерал-лейтенант Авраменко Борис Иванович, начальник областного управления. Он крут на быстрые меры, независим от вышестоящего начальства и славился новаторством, которым всегда экспериментировал в подразделениях. Носил негласное прозвище «Большой аврал», о чём знал и старался оправдывать.

Сразу потребовал доклад, который ему совсем не понравился. Особенно о присутствии детей на борту и наличии взрывчатки у террористов.

— Говорите продемонстрировали?

— Так точно, кинули на бетонку малый заряд. На вид будто бы бутылочка. Возможно какая-то жидкость.

— Пронести на борт отдельно индигриенты к жидкой взрывчатой смеси можно. А вот сколько её у них?

Генерал забарабанил пальцами по столу.

— Хреново. А сколько горючки в баках?

— Сорок тонн. Под завязку.

— Черт! — Авраменко опять забарабанил пальцами. — Какие будут мысли? То, что у террористов есть «Ве-Ве», не отменяет операцию. Выпускать в полёт потенциальную бомбу нельзя. Кто знает чего там у них на уме? И куда на самом деле они полетят? Вдруг, уронят борт на кремль или ещё куда?

— Но в пилотскую кабину они не попали. И направить самолет, куда им вздумается, они не смогут.

Генерал взглянул косо на седого майора.

— А вы уверены, что пилоты не под контролем у террористов?

— Уверен, товарищ генерал-лейтенант.

— Мне бы твою уверенность, майор. Так что думайте — как будем действовать, а я обеспечу всем, что понадобится.

— Надо как-то вывести детей из самолета. На что-нибудь обменять. — Сказал Белкин.

А если? От пришедшей мысли чуть не подскочил. Зашептал на ухо Белкину:

— Есть идея, Николаич.

Но у генерала чересчур чуткий слух:

— Чего там шепчетесь? — Раздраженно сказал он. — Говорите всем, если дельная мысль.

— Капитан Вязов, — представился я и начал излагать идею:

— Не известно, куда они на самом деле полетят, но от дозаправки точно не откажутся. Сообщить, что топлива на борту мало, хватит только до места назначения рейса. Предложить в обмен на него отпустить женщин и детей. Только под видом дозаправки наоборот слить горючее, но так, чтоб движки поработали немного. Это хоть как-то снизит вероятность пожара в случае взрыва.

Многие скривились. Ясно, что такие меры от взрыва горючего не спасут, но хоть что-то.

— Продолжайте. — Кивнул Авраменко.

— Пока сливают горючку, разместить штурмующие группы у аварийных люков, в том числе в пилотской кабине. Затем, зацепить самолет тягачом и имитировать его движение по рулѐжке, чем немного ослабим внимание, затем тягач разворачивает борт у ве-пе-пе, типа на взлет, и тут штурм.

— Что же, возможно это самый подходящий вариант. — Генерал взглянул на Белкина:

— При таких условиях твои бойцы смогут сработать чисто?

— Смогут, товарищ генерал! — Браво ответил подполковник Белкин и незаметно для Авраменко, показал мне кулак.

— Хорошо, — кивнул тот, — готовьтесь. А я прикрою вас от трусов свыше.

Сам он трусом никогда не был. Начинал простым опером и славился не только крутым характером, но и физической силой, отличаясь от типичного образа «брюхоногого» генерала.

Авраменко поднялся и наставил палец на Белкина:

— Будешь руководить операцией. Справишься — станешь полковником, нет — разжалую до

лейтенанта. Всё, работайте.

И вышел. Белкин тут же на меня зашипел:

— Ты как себе всё представляешь? Мать-перемать! А если при движении самолёта бойцы с корпуса послетают?

Затем вдохнул-выдохнул и сказал спокойно:

— Ладно, будем работать. Ты давай распределяй людей по группам, вводи в курс, затем на общий инструктаж. А я поторгуюсь насчет «доптоплива».

* * *

Заправщик медленно выруливал к стоящему самолёту, отвлекая на себя внимание. Со стороны кормы, в слепой для террористов зоне, бойцы подбежали к самолёту, поднялись по приготовленным спецтрапам, осторожно прошли по верху самолёта и распределились по штурмующим группам у аварийных выходов.

Террористы на дозаправку согласились сразу, правда, выпустили только детей. Но и это прошло под жестким контролем с их стороны. К самолёту подъехал трап, но к выходу его принять отказались. Потребовали отогнать его и приставить к плоскости крыла. Сами, из-за приоткрытой двери, контролировали подходы к самолёту, не зная, что над ними находятся группы, готовые начать штурм. А детей начали выпускать из аварийного выхода, находящегося в середине корпуса. Они спускались на крыло, потом бежали, оглядываясь, к приставленному трапу, где их принимали бойцы. Бойцы, на корпусе, распластались, чтобы не заметили дети. Вдруг кто-нибудь из них покажет рукой? Снайпера, сидевшие на краю летного поля, со скрипом в зубах докладывали о готовности начать стрельбу, но пока на борту дети...

Рация прошептала доклад:

— Я «Гнездо-пять», в проеме вижу цель, прикрывается заложницей. Уточняю — бортпроводницей. Она подаёт знаки. Какие — не разобрать.

— Я «Гнездо-четыре», подтверждаю. Знак вижу, похож на «фак», вроде, только средний палец вниз.

— Что значит «фак»? Доложить точнее! — Резко отозвался «штаб».

— Я «Гнездо-четыре», уточнить не могу, дверь закрылась.

Загудели насосы. Цистерна подключилась к сливному клапану и начала сливать горючее. Спереди к самолёту, подъехал тягач и подцепил борт на жесткую сцепку. Как отъедет заправщик, пилоты запустят двигателя, затем тягач двинет самолёт по рулёмке, а там...

Подаю знак «делай как я» и начинаю спускаться к открытой форточке пилотской кабины. Следом за мной скользят Истомин и Карачаев, это моя группа, мы будем работать из пилотской кабины.

Матерясь, протискиваемся через открытую форточку.

— Не могли побольше сделать окошко, мля. — Шипит Карачаев, зацепившись кобурой, а я отвечаю, помогая ему:

— Осторожно, лишнего чего не нажми.

В кабине сразу стало очень тесно. Рокировались с экипажем, как головоломку решали. Штурмана отправили через форточку наружу, а то, как кильки в банке — не повернуться.

— «Штаб», группа «Курс» на месте. Группа «Конвой», примите штурмана.

— Принимаем.

Выпроводили штурмана, вроде свободней стало. Истомин зашептал:

— Серёга, а ты уверен, что у объектов нет сканера?

— Пусть даже и есть, невелика беда. Что они услышат? Тут аэропорт, эфир забит до отказа. И пусть попробуют найти нашу частоту и что-нибудь понять.

Ладно, пора. Нажимаю тангенту и говорю:

— Всем группам, доложить о готовности.

Пошли доклады:

— «Борт-раз», готов.

— «Борт-два», готов...

— «Борт ...», готов. — Доложила группа у крайнего левого аварийного выхода.

— «Конвой», готов. — Это группа, которая обеспечит внешнее прикрытие и будет принимать пассажиров снаружи. Она же резерв и будет двигаться к месту, разместившись на тягаче.

— Я «Курс-раз», — говорю в рацию, — внимание, всем! Закрепить заряды и приготовиться к движению.

Немного погодя, внешние группы доложили об установке вышибных зарядов, и что ручки аварийных выходов при этом поставили в положение «открыть».

— Давайте, мужики, — киваю пилотам.

Сразу началась переключка экипажа. Загудели гироскопы, запищали системы управления. Пилоты речитативом комментировали свои действия, аккомпанируя щелчками клавиш и тумблеров. Получалось забавно, словно звучал этакий технический рэп. Слышал подобное в фильме «Экипаж».

— Во, дают, — шепотом прокомментировал Истомин.

За дверью заорали:

— Эй, в скворечнике, ... твою мать, открывайте дверь!

Знаками показываю наклониться бортинженеру и шепчу:

— Скажи — пока не взлетим, дверь не откроем.

Тот кивает и орёт в дверь:

— Некогда. Сядь и пристегнись, сейчас взлетать будем.

— Открывай, сука, сейчас баб ваших стругать мелко начнём. — И звучат глухие удары.

Знаками показываю — занимайтесь своим делом. Бортинженер косится на дверь.

— Как взлетим, откроем, — кричит он, бледнея, а я киваю и показываю «о-кей».

— ...! — Матерятся за дверью.

Обернулся первый пилот:

— Всё, двигателя на холостом ходу.

— Двигай туда, — шепчу бортинженеру, — и сядь так, чтоб на одной линии коридора не быть.

Тот переместился вперёд и скрючился за пилотским креслом, а мы сгруппировались у двери.

— Внимание группам, говорит «Курс-раз», начинаем движение. «Штаб» продублируйте «Поводырю».

— Понял, «Курс-раз». — Прошипела рация.

— Двигателям прибавь немного звука.

Пилот кивнул, поморщившись. Ну, не знаю, как тут газ обозвать!

Гул двигателей чуть прибавил тон и самолет покатился. Водитель на тягаче, насмерть заинструктированный, хорошо сработал — стронул борт мягко.

Как только тягач вытянет борт и развернёт курсом на полосу, начинаем штурм.

— Эй, в конуре, — заорали за дверью, — открывай, мать вашу!

И опять звучат глухие рыдания бортпроводницы. Перехватив панический взгляд бортинженера, первый пилот протянул руку и успокаивающе прижал тому плечо. Я присел, Истомин встал за мной, взяли дверь на прицел, Карачаев разместился слева и приготовился её открыть.

За переборкой продолжалась возня и рыдания. Ничего, сейчас откроем дверцу и...

— Полоса, — шепчет первый пилот.

Самолёт замер. Работаем. Командую в рацию:

— Штурм!

Бум!

Весь корпус вздрогнул — это одновременно сработали вышибные заряды. Мишка распахивает дверь и в серой дымке, от сработавшей «Зари-2», вижу ноги в серых штанах, торчащие из-за угла. Тут простых пассажиров быть не может, поэтому сразу стреляю. После срабатывания вышибных зарядов и светозвуковых гранат, может быть небольшая контузия, но контроль не помешает.

— А-а-а! — Заорал террорист, схватившись за ногу. Вместе с ним завизжала бортпроводница за углом, а из салона неслась какофония криков:

— Сидеть!

— Руки за голову!

— Всем руки за голову!

Истомин проскакивает в салон и орёт в унисон остальным:

— Не двигаться! — И тут же:

— Куда?

Бах! Бах! Бах! — Стреляют в первом салоне.

Я и Карачаев в коридоре, рядом с «клиентом». Почему-то нет группы, что должна работать через первую дверь, или они уже проскочили? Сама она в стороне, но проём что-то серо-оранжевое загораживает и при этом шевелится и шипит.

Я прикрываю, а Мишка Карачаев «пеленает» террориста.

Стало светлей и я понял, что за серо-оранжевая масса загораживала проход — это сработал аварийный трап. Он развернулся и выпрямился, а рядом с ним застыли бойцы поддержки. Киваю на выход:

— Давай гаврика туда.

Выкидываем преступника наружу.

Только вылетел скованный и орущий террорист, в проёме, наконец, появляется боец группы «Борт-раз».

Понятно, что они не могли войти как раз из-за раскладывающегося аварийного трапа. Только и успели «Зарю» кинуть. Карачаев проверяет туалет, затем выдвигаемся в салон. Пассажиры сидят, сложившись пополам, с руками на затылке. Скулёж и ор от страха идёт повсюду. Постепенно крики в салоне смолкли, и вдруг...

Бах! Бах! — Это во втором салоне.

— «Штаб», минус один. Прятался в туалете. Оказал сопротивление. Заряда при нём нет.

Пошли доклады от других групп:

— Второй салон контроль.

— Принято.

— «Конвой», готов.

— Первый салон контроль. — Докладываю и осматриваюсь.

Бойцы держат свои сектора, посматривая на середину прохода. Там один из бойцов накрыл

какое-то тело. Подхожу.

— Что тут?

Тот поднимает лицо, и я вижу обливающегося потом Истомина.

— Серёга, у него тут шесть полторашек жидкой дряни, и вот... — он чуть сдвинулся, показывая зажатые обеими руками пальцы мертвого террориста, а под ними корпус детонатора и кнопку, — успел перехватить, а то бы...

Вот мля!

На всякий случай отхожу на пару метров по проходу. Мощность рации не больно велика, чтобы навести в детонаторах ток, но кто знает?

— «Штаб», я «Курс-раз», у нас проблема. Подгоните трап ко второй двери и сапёров сюда. Код два!

— Понял, «Курс-раз».

Я присел рядом с Истоминным и сказал Карачаеву, пропуская его мимо себя:

— Миша, иди дальше, во второй салон. Там должен сидеть ещё один «тихушник» с бомбой.

Предполагалось, что «тихушник» с зарядом будет сидеть именно во втором салоне, где рядом, в крыльях, находятся топливные баки. Таких оказалось двое.

Карачаев кивает и уходит, а я склоняюсь к Истомину:

— Валера, сколько сможешь держать?

— Хрен его знает, Серёга, — тяжело дышит он, — пока держу, но лучше всех удалить к чертям.

Слышавшие эти слова пассажиры, вздрогнули. Женщины, тонко заскулили, кто-то из пассажиров начал читать молитву. Поднимаю голову и показываю бойцам из группы «борт раз» на передние кресла.

— Начинайте людей выводить через первую дверь. Там примут.

Первый салон небольшой, всего двадцать четыре кресла, из них пустует пять. Отхожу, нажимаю тангенту и говорю в рацию:

— Внимание, начинаем вывод людей из первого салона. «Конвой», принимайте.

И пассажиров начинают выводить. Передние кресла быстро пустеют.

Сзади появился боец.

— Трап у борта.

— Хорошо, выводите остальных. — И в рацию:

— «Штаб», я «Курс-раз», где сапёры?

— Сапёры у борта, пропускают заложников.

Всё, первый салон пустой. Склоняюсь к Валере:

— Ты как, держишься?

— В порядке. Шел бы ты, а?

— Счас, только стельки смажу.

Поднял голову и сказал оставшимся бойцам:

— Так, мужики, валите во второй салон и помогайте выводить людей.

Они уходят. Появляются два сапёра.

— Что тут?

— Сюрприз, мать его, — крихтит багровый Истомин, — Александрыч, невмочь уже, руки затекли.

— Давай...

Перехватываю и сжимаю мертвые пальцы, держащие кнопку.

Валера тяжело поднимается и отходит назад, опускается в кресло. Сапёры откидывают мешающие спинки и перелезают вперёд. Подсвечивая фонариком, внимательно изучают конструкцию заряда. Немного погодя выносят вердикт:

— Всё руки закрывают, и не понять, как тут и чего. — Бурчит Орлович. — Выносить надо, тут не обезвредим.

Оживает рация:

— «Курс-раз», доклад.

— Валера, ответь, только отойди подальше от заряда, — говорит Орлович.

Истомин шагнул от нас на пару метров.

— Так нормально? — спросил он, сапер кивнул.

— Заряд на месте не обезвредить. — Доложил Истомин. — Что там во втором салоне?

— Всё ещё выводят пассажиров.

— Понял вас «штаб». Ждём.

Переглядываемся.

— Как будем выходить?

Тащить тело и держать активатор? В тесноте салона-то?.

— Мужики, — говорю сапёрам, — надо фиксировать. Иначе никак.

Сапёр достал скотч.

— Перемотать руки и можно нести. — Говорит он, разглядывая клубок пальцев. — А как?

Действительно, как? Мертвец держал устройство левой рукой, прикрывал её правой. Даже удивительно — как смог Истомин успеть перехватить пальцы, готовые отпустить кнопку. Хватал так, как успел схватить — и теперь из-за такого переплетения безопасно зафиксировать кнопку — проблема. А ещё держать неудобно.

Плевать. Говорю сапёру:

— Мотай вверх.

— Что?

Приподнимаю клубок пальцев с детонатором в центре и повторяю:

— Мотай вверх, говорю. Вместе с моими. Так надёжней будет.

— Не очень хорошая идея. — Произносит Истомин, наблюдая, как сапёр фиксирует скотчем наши руки. Как не старался убирать пальцы, но три, которыми я прижимал кнопку, вместе с пальцами террориста, оказались примотаны лентой.

— Всё, хватит. — Останавливаю сапёра. — Ждём полной эвакуации и выходим. Валера, запроси обстановку.

— «Штаб», я «Курс-два», что с эвакуацией?

— «Курс-два», половина салона выведено. Ждите.

Что-то медленно они выводят заложников. Первый салон вон как быстро эвакуировали, правда, во втором кресел больше в четыре раза, чем в первом.

— А-а-а!

— Лежать! На пол! Руки!

— А-а-а!

Бах! Бах!

Истомин рванул во второй салон, за ним следом один из сапёров.

— Стоять!

Что там случилось? Я, примотанный к самодельной бомбе, остался в компании с мертвым террористом и вторым сапёром. А из второго салона зазвучал голос Истомина:

— Спокойно! Спокойно, я сказал!

— Я держу, я держу, — хрипло кричит кто-то.

Это ещё кто? Чего он держит? Голос какой-то странный.

— Глянь, что там?

Сапер кивает и исчезает за занавеской. Через полминуты появляется и сообщает:

— У меня две новости. Хорошая — второй «тихушник» объявился и был сразу обезврежен. Как очередь подошла на выход идти, вскочил и сразу активировал детонатор. Но тут закричал и вцепился в него пассажир, что сидел рядом. Плохая новость — теперь мы имеем два трупа террориста и два аналогичных заряда.

Он приседает на кресло и мрачно говорит:

— Там Орлович фиксирует руки скотчем, так же как и здесь. Только кнопку держит тот пассажир, что не дал террористу подорвать заряд. Вцепился, как клещ в детонатор и не отпускает.

— Понятно. Просто заклинило от адреналина. Поторопи «Штаб» с эвакуацией, да и транспорт нужен.

Поспешаев кивает и, отойдя, говорит в рацию:

— «Штаб», я «Спец-раз», ускорьте эвакуацию. И приготовьте кары для транспортировки зарядов в безопасное место.

— Вас понял, «Спец-раз», — прошипела рация голосом Белкина, — не кипишуйте, о транспортировке уже позаботились.

— Я не кипишую, просто некоторым держать бомбу в компании с трупом, как-то не камильфо.

Подробностями «Штаб» пока не стал интересоваться, а я свободной рукой грожу кулаком шутнику.

— Последний! — Раздалось в проходе самолёта, и в рации:

— «Штаб», я «Борт-два», эвакуация из салона закончена.

Ну, наконец-то!

— Внимание! — Прошипела рация. — Всем группам покинуть самолёт. Обеспечить безопасную зону. Эвакуировать персонал на безопасное расстояние. Группам «Курс» и «Борт-четыре» приготовиться к выходу.

Из второго салона вернулся Истомин.

— Так, там я трёх парней оставил, — сказал он, и показал на двоих, — ты и ты, помогите вынести, остальные — на исходную.

Бойцы вышли. Истомин достал откуда-то свёрток и развернул кусок брезента. Двое бойцов, что остались, помогли приподнять труп и подсунуть брезент.

— Группа «Курс» к выходу готова.

— Понял вас, «Курс», выходите. Группа «Борт-четыре» приготовиться к выходу.

Захотелось перекреститься, но Истомин сам, вдруг, мелко перекрестился и выдохнул:

— Ну, пошли, с Богом.

Начали пятиться, таща за края брезента труп в связке со мной. Рядом семенит сапёр,

контролируя заряд. В коридоре свернули на выход. Только на воздухе заметил, что в салоне было прохладно. Из самолета как в парную вышли.

У трапа ждали два транспортных кара с багажным прицепом. Медленно, чтоб не оступиться, спускались по трапу. Аккуратно положили труп в тележку, а я сел рядом.

— Всё, мужики, дуйте отсюда. Дальше мы сами. — Сказал сапёр.

Бойцы потрусили в сторону КП.

— Валера, тебя это тоже касается, — говорю Истомину.

Он отрицательно качает головой.

— Счас, только стельки смажу.

И садится за руль кара.

Тележка мягко покатилась, а сапёр начал детально обследовать взрывное устройство. Я больше смотрел на трап, где в это время должна была выйти группа «Курс-два» со вторым взрывным устройством.

— «Штаб», я «Борт-четыре», мы выходим.

Ага, вот и они. Выходят пять человек. Один из них гражданский и видно, что ему совсем плохо. Еле идёт и его поддерживает один из бойцов. Понимаю, от таких «сюрпризов» всяко поплохеет, но уж впрягся в эту упряжку, то тащи. Хотя, упряжка не совсем обычна — мертвец, бомба и...

Скованны одной цепью, мля.

— Имеется шесть пет-бутылок, — бубнит рядом сапёр, — наполненных маслянистой, или скорей всего желеобразной жидкостью. Цвет желтый с красным оттенком.

— Слушай, а это не нитроглицерин, часом?

— Нет, не нитроглицерин, — покачал головой сапёр, — он бы давно рванул, тепла он не любит. Да и не стали бы они замораживаться с нитроглицерином. Очень, эта сволочь, нестабильная.

— Если, только, они не на всю голову звезданутые, — добавил Истомин, крутя руль.

— Нет, всё-таки они звезданутые, — говорю, косясь на мертвеца. — на что вы, придурки, надеялись, а? Думали, выйдет угнать борт?

Валера обернулся и, усмехнувшись, ответил:

— А на руководителей что в таких ситуациях теряются, понадеялись, да на привычную сумятицу при этом, но не предвидели, что у нас есть «Большой аврал». И мы тут, кстати, хорошо сработали. Разве что за применение «Зари», по загровку получим.

— Вряд ли.

Но об этом я бы не спорил. Применение «Зари-2» на борту не согласовали со «штабом». Это моя личная инициатива. Ладно, хоть, кидали только в коридорах, а не в салоне.

— Это скорей всего акватор, — сказал Поспешаев, почесав пинцетом лоб, — но, не уверен. Возможно какая-то подобная самопальная взрывчатка. Химиков, мля, развелось...

— Далее, — продолжил он, — каждая бутылка оплетена проводами. Очевидно, это типа «неизвлекаемость» такая. В каждой бутылке — детонатор. Очевидно тоже самопал. Все соединено с активатором в виде джойстика с кнопкой. Так, посмотрим...

Сапер пинцетом сдвинул один из проводов, вглядываясь куда-то под руки.

Пи-и-и-и!

Тележка заметно дёрнулась и остановилась.

— Ой! — Отдёрнул руки сапёр, и уставился на активатор в руках мертвого террориста.

— Что!

Несмотря на жару, по спине потек холодный пот.

— Не знаю, — пробормотал побледневший сапёр.

— Я подумал, что сейчас рванёт, мля. — Свободной рукой я вытер лоб. — Даже показалось, что мертвец улыбнулся.

Истомин зло бросил через плечо:

— Давай больше без этих «ой» и «извините». Это, любезный, без нас. Не наш профиль. Наш профиль морды бить.

Да, Истомин прав, лучше бы против ста террористов с автоматами, чем в обнимку с бомбой, хрен знает из чего сделанной.

— А сильно бы вдарило? — Уже спокойней спросил Валера.

— Достаточно, чтоб тонким слоем размазать нас по бетону. — Ответил Поспешаев. — Если я точно определил вещество.

Зашипела рация:

— «Курс», я «Борт-четыре», у вас пиццало?

Это спросили с кары, что на расстоянии двухсот метров ехала вслед за нами. Та группа тоже встала. Сапер отошел от тележки и спросил в рацию:

— Пиццало. А что?

— У нас тоже. Сильно не газуйте, а то мы отстали, — ответила рация, — возможно устройства имеют меж собой связь. Будем держать расстояние в сто метров.

— Группы «Курс» и «Борт-четыре», поосторожней, ребята. Успокойтесь и разберитесь там. Вы мне живые нужны.

Ну, Белкин, ну и успокоил! Поосторожней, блин.

Поспешаев нажал кнопку на рации и спросил:

— «Спец-два», насчет состава идеи есть? Предполагаю акватол.

— Возможно, но с добавками, так как слишком жидок.

Истомин дождался приближения второго кара, тронул наш.

Кары медленно катились в сторону леса по бетонке, где была какая-то площадка. Очевидно, там и будут работать сапёры. Остановились недалеко от бочек с водой.

— Сейчас мы подумаем — как обезвредить заряды. — Сказал сапёр. — А вы посидите тут не шевелясь. Ладно?

Подбадривает, шутник?

— Я-то посижу, куда денусь? — Отвечаю и показываю на труп террориста. — А вдруг он опять что-нибудь угнать захочет?

Сапёр слабо только улыбнулся.

— Слушай, в порядке бреда, — говорю вдогонку ему, — может просто выкачать жидкость шприцами?

Тот кивнул и направился к другой тележке.

* * *

Аэропорт жил своей обычной жизнью. Взлетали и садились самолёты. Возможно, там и не представляли о том, что творится на этой дальней площадке. В таких ситуациях информация придерживается насколько возможно. Даже родственники заложников порой узнают о случившемся, только после освобождения последних. Может журналисты что-нибудь и пронюхали, но «Большой аврал» не зря хлеб ест — оцепление выставлено, да и инфу придержать должны. Если только с борта кто-нибудь не отзвонился.

За нами с КП наблюдают, только молчат что-то последнее время.

А борт с взлётки убрали и сейчас шерстят на наличие других ВВ.

Мы в глухом месте, почти рядом с лесом. Отсюда и аэровокзал-то не видно. Это, наверно, старый аэродром или запасные стоянки. По крайней мере, коммуникации кабелей для питания бортов есть. Недалеко присутствует болото или пруд, так как нас начала атаковать всякая «гнусность» в виде слепней, оводов и строк, вдобавок перемешанная комарами. Хоть и вечер, а солнце всё ещё палило и мы, потные как тягловые лошади, представляли для них лакомый кусочек. А мне деваться некуда, как говорится — сижу на попе ровно, одной рукой отмахиваясь от летающих тварей, другой держась за надоевший труп с бомбой.

Истомин матюгнулся, присев рядом, и замахал руками, помогая отгонять гнус.

— Вот ведь, наказание-то! Слушай, — спрашиваю у Истомина, вспомнив его выражение на борту, — а с каких пор ты Бога поминать начал?

— Ну, так, работа у нас такая. — Он прихлопнул укусившую его строку и показал вверх. — С ней, родимой, у него можно очень быстро оказаться.

— М-да, все там будем...

Я посмотрел на мертвеца, затем на полторашки со смесью.

— Я понимаю, что своих не бросаем, но шел бы ты, Валера, отсюда лесом, а? — Кивнул в сторону города. — Не забыл, что дома жена и дети ждут? Если эта смесь бабахнет, кто домой-то вернётся?

— А ты меня не гони, сам уйду, — оскалился Истомин, — вот вытащим твою задницу, и уйду.

— А вот не уйдёшь, — оскалился в ответ я, — сначала все вместе в «Погребок» причащаться пойдём.

Валера вздохнул и произнёс:

— Точно. Такой стресс снимается только алкогольным «забвением».

Подошли сапёры.

— Ну как, — спрашиваю у них, — что решили?

— Твоё «бредовое» предложение откачать жидкость принято, можно просто прорезать бутылку и слить, но видишь, какое дело, — нахмурился сапёр, — конструкция на устройствах больно замудрёная. В бутылках могут быть датчики давления.

— Да ну, не думаю. Откуда у них такие штучки? — Я даже привстал, заглядывая под пробку, где угадывались трубки детонаторов. — Мне интересно другое — почему они не подорвали заряды? Ведь времени было достаточно. Ни первый, которого Валера перехватил, ни второй, в которого тот гражданский вцепился...

— Вот у того, как раз времени было достаточно. — Поддержал меня Истомин. — А в своего я сразу вцепился, как только тот активатор достал и кнопку нажал.

— А может это не взрывчатка вовсе, а сироп какой-нибудь? Ну не смертники же они в натуре? — Я не то чтобы нервничал, просто одолело уже это всё — жара, труп, бомба, и твари эти, кровососущие. Устал. И ребята устали.

— Ведь время было, чтоб подорваться, но ничего...

— Смертники не смертники, — задумчиво говорит сапер, — но исходить надо из худшего. Тогда стоило ли им всё это городить?

— Ну, чтоб достоверней...

— Внимание группе «Курс», есть новости. — Прошипела радиостанция.

— О, проснулись, наконец, — прокомментировал Истомин.

— Хорошие новости, — продолжала вещать рация голосом Белкина, — Олега прооперировали. Жить будет.

Новость действительно хорошая. Даже стало легче. Тем временем Белкин продолжал:

— Служба безопасности аэропорта прошерстила все данные регистрации и досмотра.

Личности преступников уже установлены. Один сотрудник, что находился на пункте досмотра, вспомнил, что такие бутылки были у многих. Но у четверых их было по три.

Ага, на нашем трупe шесть полторашек. На том тоже.

— На вопрос — почему так много — пояснили, что сироп везут для пчел.

— Вот идиоты! — Истомин засмеялся:

— Ну да, теперь при досмотре каждая бутылка будет вскрываться, а ещё на вкус проверять будут.

Видно новости кончились, так как Белкин вещать перестал. Мы переглянулись.

— Может действительно сироп? — Спросил я.

— А что тогда они подорвали там?

— Да хе их же, — разозлился Валера, — может, жидкости у них было с гульки хрен, так, для демонстрации. А эту лабуду соорудили для запугивания пассажиров с пилотами. Поэтому и не подорвали.

Истомин резко поднялся, отошел от тележки и нажал на тангенту:

— «Штаб», я «Курс-два», а что на этот счет сказал задержанный?

Все уставились на рацию, но молчание затягивалось. Только Валера собрался повторить запрос, как она шипнула и выдала:

— Клиент пока не сможет говорить, — скорбно сообщили нам, — по техническим причинам.

— Техническим, — передразнил Белкина Истомин, — наверняка ребята перестарались.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Или Серёга вместо ноги что-то другое отстрелил.

— Стрелял куда положено, — отрезал я, — чтоб шок обеспечить и клиента живым взять. Конвою его вполне живым сдавали, — и повернулся к саперам:

— Ну что, так и будем сидеть и трепаться?

— Да, — кивнул Поспешаев, вытирая потный лоб, — раз другой инфы нет, то начнем с этого заряда.

Он показал на Истомина и Орловича:

— Отойти, буду работать я один. Тот труп с зарядом снять с тележки, перевернуть и укрыться за ней. И гражданского успокойте.

— Ну, Серёга, помни, тебе ещё за отпуск проставляться, — шепнул Истомин, — так что не отлынивай тут.

И вместе со вторым сапером удалился ко второй тележке. Там Истомин помог перевернуть

кару, затем вместе с бойцом отошел на двести метров, а Орлович остался с гражданским.

— Так, приступим. — Поспешаев достал нож.

— Надеюсь, мы правы, предполагая, что там нет датчиков давления.

— Будет смешно, — говорю я, — если там окажется простой сироп.

— Будет ещё смешнее, — бурчит сапер, — если там окажется настоящий акватор, или что-то подобное. Иногда эти доморощенные Менделеевы изобретают такое...

Смех смехом, а по спине опять побежали ручейки пота. Холодного. Предчувствие чего-то не хорошего?

Тем временем Истомин докладывал в «штаб»:

— «Штаб», я «Курс-два», начинаем разминирование.

— Ни пуха, ни пера, — отзывается Белкин, — вы осторожней там, ребята.

— К черту, — одновременно говорим мы с сапером.

Тот склонился над зарядом, а я, отмахиваясь от гнуса, смотрю на его осторожное шевеление.

— Красный... желтый... зелёный... — пинцетом перебирает провода Поспешаев, — а ещё белый и черный.

Замер, размышляя — какой провод резать.

— Мне зелёный больше нравится, — предлагаю я, — режь его. Или, может, сразу сливать начнём?

Тот что-то пробурчал под нос и обтер пот на лице.

— Ты меня не торопи, — тихо бормочет он, — тут надо осторожно и вдумчиво, а то, как в присказке — пух-х-х! И мы уже с Господом беседуем.

И развёл руками, изображая взрыв.

— Типун тебе на язык, — отвечаю, — твоё бормотание и так на успокоительную похоже. Лучше бы ты в семинарию пошел. Тоже к Богу близко.

Тот убирает руки от проводов и смеётся.

— Не смеши, блин. Я тут и так сосредоточиться не могу из-за этой летающей заразы.

— Извини, это у меня от стресса. И чем так воняет?

Переглянулись. Затем посмотрели на труп.

— Нет, не может он так быстро, того...

— Скорей всего ветром навевает.

Прихлопнув на щеке слепня, сапер говорит:

— С проводами полный песец. Ничего не разобрать. Ладно, будем резать бутылку. Надеюсь, там нет датчиков давления.

Поворачиваем террориста боком, так чтоб бутылки оказались над краем тележки. Сапер сходил к бочке, зачерпнул воды и подставил ведро под край, затем приподнял одну из полторашек и сделал маленький надрез. Тихо пшикнуло. На миг замерли.

— Пока живы, — бормочу я, глядя как сапер осторожно начинает расширять разрез.

— Густая, зараза. Не вытекает. О, пошла.

Я, вытянув шею, смотрел, как желтовато-красная масса огромной каплей вытянулась и медленно потекла в ведро.

— На вид действительно похоже на сироп или мед.

Сапер кончиком ножа поддевает немного состава и нюхает.

— Пахнет ванилью и чем-то кислым. Скорей всего ароматизатор и добавлен для досмотра. Чтоб понюхали и убедились что сироп.

— А ты языком попробуй, — шутливо советую я, — может на вкус тоже, на мед похоже.

— Этим пусть другие занимаются, — бормочет он и делает надрез на следующей бутылке.

— А в воде она растворяется?

— Должна, — пыхтит сапер, направляя тягучую струю в ведро, — если спецдобавок нет. Потом подъедут и уберут эту гадость.

Потекла жидкость из последней бутылки. Сапер слабо улыбнулся:

— Ну вот, нет никаких датчиков.

— А я говорил.

— Да, но в этом деле лучше семь раз перебдеть.

Мы вместе смотрим под кару, где в ведре, вытеснив воду, образовался темный кисель.

— Так, я счас ведерко в сторону отнесу, а потом займёмся вторым зарядом.

Поспешаев не поленился отнести ведро на двести метров в сторону леса. Вернулся ко мне.

— Ты только рук пока из-под ленты не вынимай, — предупреждает меня он, — мало ли что. У нас ещё один заряд. Вдруг они на самом деле имеют связь.

Пожимаю плечами.

— Да ничего, мы ещё посидим. Правда, дружище? — И толкаю труп в плечо. — Вот видишь, молчание — знак согласия.

Сапер хмыкает.

— Ладно, я туда. — И направился ко второй тележке.

— «Штаб», я «спец-два», из первого заряда состав слит, — доложил на ходу Поспешаев.

Рация отзывается нейтрально:

— Принято.

Принимаю удобное положение, чтоб видеть, что творится на второй тележке и отмахиваюсь от кровососов, которые к вечеру обнаглели окончательно. Как всё закончится, первым делом положу в разгрузку репеллент. Пригодится в следующий раз. Истомин со вторым бойцом с самого начала отошли на двести метров и ждут, лежа на газоне рядом с бетонкой.

Со вторым зарядом тоже все идет нормально. Вижу, что оба сапера выпрямляются и вытирают пот. Затем Орлович относит ведро подальше, а Поспешаев направляется ко мне.

— Все. Можно убирать руки с детонатора.

Начинаю шевелить пальцами, потихоньку вытаскивая их из-под ленты. Ух, вытащил и затряс рукой. Только сейчас стало понятно — как она затекла. А у террориста ничего и не сдвинулось. Его мертвые пальцы продолжали удерживать кнопку.

— Пошли, мы своё дело сделали.

От той тележки быстро идут сапер и гражданский.

Делаем шаг и вдруг аппарат в руках мертвого террориста прерывисто запищал.

— Бежим, — орет сапер.

Уже на бегу спрашиваю:

— Чего бежать-то? Вроде слили всё.

— Не всё. На стенках осталось достаточно для хорошего бабаха.

Слева тоже резво бежали двое от второй тележки.

Что-то лицо мне этого гражданского знакомо.

Да-да-дах!

Двойной взрыв хорошо приложил по ушам и солидно подтолкнул в спину. Справа от меня рухнул гражданский, слева сапер. Слышу его голос:

— Наверно пальцы с кнопки сползли.

Приподнимаюсь и смотрю назад. Транспортную кару перевернуло и отбросило метров на десять. Но ведра, стоящие вдалеке, целы.

— Вот так сироп! — Это Истомин приседает рядом. — Я с этих пор и к мёду буду осторожно относиться. Вдруг бабахнет?

Осталось одно — доложить, а то со всех сторон к нам летят машины, сверкая синими маяками. И Белкин там, наверняка, с ума сходит. Докладываю «Штабу»:

— «Штаб», у зарядов самоподрыв. Жертв нет. Все целы.

Затем снимаю каску и подставляю под ветерок лицо. Благодарь!

— Сергей? Вязов, это ты?

Поворачиваюсь и пристально смотрю на того гражданского.

Вот это да! День неожиданных встреч. А я думаю, что это лицо такое знакомое? Это же мой учитель по математике и физике Василий Владимирович Коротов. Постаревший, лет за шестьдесят наверное, но такой же поджарый, как я его всегда помнил.

— Здравствуйте, Василий Владимирович.

Нас прорывает, и начинаем сыпать друг другу вопросы, вспоминать прошлое. Рядом тормозят машины, окружают люди. Коротова уводят к машине скорой помощи. Он хоть и крепкий старик, но годы берут своё. А после того что случилось, возможны нервные срывы. Нам-то проще, заточены мы под такие ситуации, хотя стресс постоянно снимаем. В баре «Погребок», что находится недалеко от управления.

Рядом возникает Белкин, сияя как новый железный червонец.

— Живы! Мать перемать! — Он сминает нас в объятиях. — И руки-ноги целы!

— Выпить бы, Николаич, — улыбается Валера, — за удачное завершение.

— И за «мон колонель», — добавляю я.

— Выпьем, непременно выпьем. — Спокойно говорит наш пока ещё подполковник. Но мы знаем, что своё слово «Большой аврал» всегда держит.

Глава 2

От мерного гула двигателей самолета клонило в сон. Лететь предстояло около четырёх часов, я откинулся в удобном кресле, но уснуть, никак не удавалось. Первые полчаса полета внимательно поглядывал на пассажиров. В каждом подозревал затаившегося террориста и напрягался при виде бутылок с напитками. Пассажиры же косились на меня, почувствовав пристальный взгляд.

Стюардесса, катившая тележку с напитками и прочими вкусняшками, остановилась рядом.

— Это вам, — и протянула пузатый бокал с янтарной жидкостью. Заказов я не делал, но мягкий букет ароматов задрознил свежестью лета. От коньяка не откажусь, но, все-таки интересно — от кого?

Но бортпроводница тут же пояснила:

— Это вам от Александра Сергеевича.

«Пушкина?» — пронеслось в голове, но тут же вспомнил — это Александр Сергеевич Астанычев, пилот первого класса. Я сидел в первом салоне и видел проход экипажа. Один из пилотов посмотрел в салон. Мы узнали друг друга сразу. Надо же, лечу рейсом, а экипаж тот, что был на захваченном борту. Интересные совпадения! Хотя бортпроводницы другие.

— Спасибо.

— Это вам спасибо, — улыбнулась она, — если бы не вы...

— Работа у нас такая, — прервал я, поглядывая по сторонам. На наш разговор уже обратило внимание пол салона.

— Если что захотите, кнопка вызова рядом. Всегда буду рада помочь.

Ещё раз улыбнулась и покатила тележку дальше, предлагая желающим напитки и конфеты.

Коньяк разлился теплом и успокоил. Мерно гудели двигатели, за иллюминаторомплыли облака. Все дальше и дальше я отдалялся от каждодневных тревог, планов перехватов и постоянных тренировок на полигонах, стрельбищах и в спортивных залах. А также тех, кому не сидится мирно и законопослушно. Теперь никто не нарушит мой законный и очень долгожданный отпуск — ни упившийся паленой водкой работяга с ружьем, ни террористы, ни бандиты с наркоманами, ни прочая мафия. Всё. Они остались там, на другом конце воздушного моста. Там я оставил все свои проблемы. Зачем они мне в городе, в котором вырос, где прошло моё детство, где я учился, и где остались почти все мои школьные друзья.

Закрыв глаза и тут же вспомнил вчерашний день, а точнее утро. Последствия после «снятия стресса», как всегда напоминали состояние — пили с русскими летчиками за то, что вчера не умер...

Мой юмор с бодуна обычно оригинальностью не блещет...

Какими летчиками?! Их сразу куда-то увезли! А пили в баре «Погребок», где почти всем отрядом стресс снимали. Что интересно — проснулся в своей постели. А как попал домой, не помнил. Хорошо посидели, раз память украсилась белым пятном.

На прикроватной тумбочке кто-то заботливо оставил бутылку водки и стакан, наполненный наполовину. Кто, интересно, такой заботливый? Спасибо три раза скажу ему за оставленный опохмел. А это не Маринка мне «живую воду» оставила? Кстати, где она? Но опохмеляться не стал. Есть другие средства. Сегодня мне нужно посетить множество мест, причем мотаться придется на машине. Контрастный душ хорошо взбодрил. Остатки хмеля выветрились. Затем побрился и с удовольствием обозрел в зеркале вполне приличную физиономию.

Мы ввалились в «Погребок» почти всем личным составом, после того как сдали всё и вся. Не хватало только пятерых ребят, которых жены встретили у входа конторы и сразу «уволокли» домой, категорично обламывая мужиков от привычного «снятия стресса». В баре нас уже ждали Любшин и Легких. Они заранее договорились с хозяином заведения и, до нашего прихода, отшивали желающих выпить в сторону.

Столики уже сервированы. На каждом водка и закуска. Садимся и разливаем беленькую.

Первую, как водится — за успешно заверченный рабочий день. Вторую — за выздоровление Олега Жихарева. Третью — за всех ребят, что теперь не с нами. А потом уже сидели и разговаривали, прерываясь на общий тост.

Любшин и Легких уже подчапуренные. По литре кагора треснули, пока в больнице сидели. Интересно, а крови столько же слили? От них не убудет, оба размером с приличный шкаф. На вид трезвые, только глаза добрющие...

У обоих кулаки что твои тумбочки. Силы у каждого не меряно. Но добрые и не обидчивые, хотя «обижать» таких надо быть полным отморозком.

Между тостами рассказываю процесс освобождения и разминирования. Затем Легких рассказал о состоянии Олега, как они сдавали кровь, плавно перешел на медсестричек, таких хорошеньких...

Гиганты причмокнули губами и синхронно закатили глаза. Ну да, мы там с бомбами и мертвяками обнимаемся, а они...

За соседним столиком, Генка Смольняк, наш снайпер, говорит громко:

— А помнишь, «фак»?

— Какой? — Это Лёнька Маслов, тоже из гнезда снайперов. Они так и сели все вместе. Мы прислушиваемся.

— Ну, тот, что бортпроводница показывала?

— А, да, помню, и что?

— Оказывается, это она активировала аварийный трап и одновременно сигналила нам об этом. Я не поленился спросить, как экипаж вышел.

— Странные сигналы, не поймешь — то ли посылают, то ли информируют.

— Ага, от стресса ещё не то покажешь.

— Кому факи, а кому сладкие маки, — улыбается Легких. Видно то ли кагор сладкий вспомнил, то ли медсестричку...

Мы сидели за столиком у прохода. Одно место пустовало.

— А что за состав в бутылках был? — Спрашивает Любшин. Голос у него тоже гулкий.

— Черт его знает! Самоделка, — пожимаю плечами, — Поспешаев говорил — на акватор похоже.

— Что за штука? — Интересуется Андрей.

— А не плоско-параллельно ли теперь?

— Верно. Давай за мирную химию! — И мы сдвигаем тару.

Я приоткрыл глаза. Большинство пассажиров дремало. Остальные делились на смотрящих в иллюминаторы и читающих журналы. Глянул на часы — всего час прошел, а лететь ещё три.

Закрыв глаза и окунувшись в прошедшие события.

Далее процесс снятия стресса помнился смутно, но как потом выяснилось, нас развезли по домам на служебном автобусе по прямому приказу «Большого аврала». Моё тело подняли наверх Легких и Любшин, они же и ставили опохмел, прихваченный из бара.

На следующий день мотался по городу, заканчивая дела. В управлении всё прошло как по

маслу. Отпускные и зарплату выдали. Ещё подкинули премию, за что — не помню, но был очень удивлен. Уже на выходе столкнулся с Белкиным. Подполковник (пока) окинул меня начальствующим взглядом и хмыкнул:

— Вчера я имел честь лицезреть Вязова лыка не вяжущего. Куда спешим?

— В больницу к Олегу.

— Сегодня у криминала день выходной — спецназ никому не нужен, — как-то печально сказал Белкин, — но к Жихареву я сегодня поехать не смогу. Привет ему передай.

— Хорошо.

— И это, — Николаич придержал меня за рукав, — наградной лист ушел в Москву, так что...

Он подмигнул. Мигание может означать что угодно, от — не унывай, что мало дали, до — когда проставляться будем? Подмигнул в ответ:

— Адрес один — бар «Погребок».

— Ответ верный. — Рассмеялся Белкин и качнулся, верней всё качнулось. Открыл глаза, ага, это была воздушная яма. Похоже, начинаем снижение. Из-за занавески вышла бортпроводница и, сияя ярче солнца, сообщила:

— Уважаемые пассажиры, наш самолет начинает снижение, просим всех пристегнуть ремни безопасности и привести спинки кресел в вертикальное положение. Через тридцать минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Алматы. Температура воздуха в районе аэропорта тридцать восемь градусов тепла.

Я скосил глаза в иллюминатор. Там, среди редких облаков, в самой дали, угадывались снежные горные вершины.

С собой у меня только одна сумка, в которой немного вещей, мыльно-рыльное, да ноутбук с цифровым фотоаппаратом. Сумку такого размера можно было взять с собой в салон самолета, поэтому, после приземления, в аэровокзале я не свернул с основной массой пассажиров к месту получения багажа, а направился прямо на выход, где меня сразу атаковали таксисты. Они закружились вокруг как оводы, что напомнило мне недавние приключения. Аж всего передёрнуло, как представил такой размер кусачей братии. Эти не кусались, но норовили с сумкой помочь. Пришлось рывкнуть:

— Я на машине.

Таксоманы сразу отвяли.

Вышел на площадь.

Эх, красота!

Яркое солнце слепило глаза. А под ним, в синей дымке, во всем своем великолепии, алмазным блеском сияли горы. Казалось, до них только рукой подать. Непременно там отдохну пару дней. Заберусь на самую вершину какой-нибудь горы и проорусь. Все равно, что кричать, главное, что бы хватило на весь выдох, хоть это не одобряют. Зато, какое наслаждение потом во всем теле и благодать на душе! Затем спущусь вниз и окунусь в водопад с очень холодной,

текущей с ледника, водой. А ночью буду лежать у костра, и смотреть на большие звезды, очень яркие и такие близкие.

— Кошелёк или жизнь! Ой!

Олег Савин закричал с вывернутой рукой.

— Ну вот, пошутил называется. Ой!

Выпустил руку шутника.

— Такой же резкий и остался, — широко улыбаясь, выпрямился мой друг.

— Здорово, чертяка!

Мы крепко обнялись. Олег отстранился и оглядел меня.

— Не изменился совсем, такой же худой и остался, только седой стал, как лунь.

— На себя посмотри — пузо отрастил, хоть кружку ставь.

Савин показал пальцем:

— Это пузо? Это ты считаешь пузом? Нет, это не пузо, это трудовая мозоль. — Он пихнул меня своей мозолью.

— Все с ружьём наперевес долг родине отдаешь?

— Отдаю. — Я подхватил сумку. Сафин глянул на неё и показал пальцем:

— Это что, все твои вещи? — он хмыкнул, — как был спартанцем, так и остался.

— Гардероба, от Версаче и Габана, не имею.

— Зато форма от Зайцева. Ладно, солджерс, гоу ту к машине.

Авто Савина стояло в самом дальнем крае парковки, которая была битком забита машинами. Мы подошли к огромному лексусу, который приветливо моргнул габаритами.

— Богато живешь.

— Ото ж. Кидай свои пожитки.

Я положил сумку на заднее сидение и угнездился рядом с Олегом. Савин завел машину и вырулил со стоянки. Лексус мягко набрал скорость. Мимо замелькали улицы такие знакомые и давно забытые. Память, вдруг, стала выкапывать из своей глубины названия автобусных остановок, больших магазинов, парков и проспектов.

Я опустил стекло и подставил руку под горячий воздушный поток. Надо ж, забыл, как тут бывает жарко. Но сама жара какая-то легкая. Стоит зайти в тень, поближе к многочисленным арыкам, как сразу попадаешь в удивительную прохладу, которую дарит холодная вода, текущая с гор. А на солнцепеке лучше долго не стоять — враз сгоришь.

— Жарко тут.

— Отвык?

— Отвык, конечно. Сколько я тут не был? Двадцать лет.

Машина вырвалась на простор большого проспекта и резко набрала скорость. Я покосился на стрелку спидометра перепрыгнувшую отметку «сто» и поинтересовался:

— Гайцев, или как они тут у вас зовутся, не боишься?

— Не-а, с ними у меня вась-вась.

Савин обогнал маленький фольксваген и ещё поддал газу.

— Расулова Ильяса ты конечно помнишь?

Ну и вопрос! Я покосился на Савина:

— Естественно помню! Мы в десятый класс пошли, как он в наш «А» перешел. У Расуловых в гостях мы очень часто бывали.

Олег кивнул:

— Так вот он начальник всей этой дорожной и прочей братии. Кстати, он недавно генерала получил.

Вот тебе и раз! Начинали одинаково — лейтенантами, только я в капитанах надолго застрял, а он уже до генерала дорос. Быстро, не то, что я. Вообще-то немудрено. До «Большого аврала» я у начальства в немилости был, за то, что зарядил однажды одному чудаку по фейсу. А чудак этот с большими звездами оказался. Начальник пресслужбы управления.

В общем, как-то ночью выдвинулись по тревоге, но, как назло, автобус сломался, не проехав и метра. Пришлось всей группе пересест на личные авто. Я на своей девятке ехал последним. Со мной моя четвёрка.

На одном из перекрёстков основная группа оторвалась, проскочив на желтый, а я не успел — красный зажегся. Пришлось резко тормозить, чтоб не протаранить длинную фуру, вырливающую слева. Только остановились, как в нас сзади кто-то врезался. Не успел опомниться, как из протаранившей нас машины выскочили парни с бейсбольными битами и начала долбить мою девятку. Мы одновременно вышли. Парни, похоже обкуренные, кинулись на нас. Меня такая злость взяла...

Блин, только машину взял. Ещё и года не прошло. А тут два обкуренных придурка, на шикарной иномарке, сзади врезаются и ещё с матерными претензиями лезут. Ребята сунули их носом в асфальт и попросили заткнуться, а то их же биты могут стать колами, на которые и посадим.

Я смотрел на свою ладушку. Весь зад смят, а под машиной растекался бензин. Бак от удара лопнул. Хорошо не вспыхнуло. А геленваген, с мощным кенгурятником, оказался невредим.

Пожарным звонить не стал, так как напротив часть оказалась. Они тут же залили всё пеной. Обкуренные успокоились только когда рядом остановилась машина ДПС. Отзвонился командиру, доложил о ситуации, в ответ услышал трехэтажный мат и... пожелание удачи. М-да, удачи. Как накаркал.

Нервы у нас крепкие. Чего только не услышишь — мат, жалобы, угрозы, хотя большинство задержанных благоразумно молчат, со спецназом не связываются. Свои зубы берегут.

Я, молча разглядывая свою битую ласточку, прикидывая сумму и объёмы ремонта, когда прибыл тот хрен с большими звёздами (папа одного из парней). Он сразу начал на нас орать, как будто это мы врезались задом в его Мерседес. На его мат внимания не обращал. Патрульные ДПС, фиксирующие ДТП, только хмыкали и недобро поглядывали на оратора. А он не унимался прошёлся по мне, помянул мою мать и отца, вот тут я не удержался. Этот чудак на букву «м» отлетел к машинам и плюхнулся в пену...

Финал истории — чудака с большими звёздами мирно отправили на пенсию, а я чудом избежал «неполный ход», и то благодаря ребятам, вступившимся за меня. Но инцидент помнили, и я отходил в капитанах четыре срока. А машину чинил за свой счет. Брат Жихарева держал автосервис, там мне полностью восстановили ладушку.

Савин вырвал меня из воспоминаний, сказав громко:

— Расулов как узнал, что ты прилетаешь, велел тебе привет передать. Говорил, что вечером в гости прибудет. С сюрпризом.

Сюрпризы последнее время я не очень люблю, потому, как они все с отрицательным знаком приходят. Но, надеюсь, дальше знак изменится, и всё путём будет.

Довольно быстро проехали весь город, на удивление с постоянно зелёными светофорами на пути, как будто Савин был на вась-вась и с ними. Свернули на скоростную трассу разделяющую город от предгорья и мимо замелькали частные дома. Олег включил музыку и в салоне мощно ударил по струнам Зинчук. Сколько я помнил Савина, он всегда был меломаном и обожал мощный звук. Со временем пристрастия его не сильно изменились. Игра Зинчука мне тоже нравилась, но я закрыл окно, чтоб мощный звук из машины не пугал случайных встречных прохожих.

Олег, вдруг, поднес руку к голове, сунув в ухо блютуз-гарнитуру. Музыка резко стихла.

— Слушаю. Ага, встретил. Везу к себе... Что? ... погоди, — и, повернувшись ко мне, спросил:

— Гаранин Лёшка звонит. Ты как, насчет того, чтоб сегодня на природе у реки отдохнуть? Вина попить, шашлыка поесть, позагорать, искупаться, а вечером у меня все соберутся, там и продолжим. Ты, кстати, не устал с дороги?

— Нет, не устал. Я в самолете поспал. Так что силы есть.

Савин кивнул и проговорил:

— Он согласен. Ага, а куда он денется? Откажется, так Ильяс свой спецназ пришлёт, и сопроводит до места. Ага, и я так думаю, ха-ха! Ты будь добр, обзвони заинтересованных лиц, а я продуктами обеспечу. Да, и скажи всем, что Серёга Вязов прилетел, наконец. Сбор — ты знаешь где. Лады? Ну, давай, пока.

Сделав музыку, на моё удивление, не очень громко, Олег сказал:

— Я пока тебя к себе отвезу, а сам по делам сгоняю. И куплю кой чего. Гаранин шепнул по секрету, что Расулов баранов на шашлык возьмет. Ух, как я это дело уважаю! А ты?

— Думаешь, я не помню ничего? Отец у него такой бешбармак делал, а лагман чего стоил, а манты?

Я поднял обе руки вверх.

— Я и ноги бы задрал. За, конечно. Блин, как вспомню плов, приготовленный его отцом на костре в огромном казане, так и слюна цунами идёт.

— Эт-точно!

Машина свернула на маленькую улицу и покатила мимо стоящих вдоль дороги яблонь с ветками, густо усыпанными большими, но пока ещё зелёными яблоками. Замелькали особняки. Олег затормозил у одного, огромного по габаритам и медленно въехал во двор после того как открылись ворота. Вышли из машины. Сафин довольно улыбнулся и кивнул головой в сторону дома.

— Как тебе мои хоромы?

Делаю изумленное лицо.

— Министерские!

Олег засмеялся:

— Ну, до министров мне далеко. Этот дом один из самых скромных.

— Да ну? — Тут я изумился по-настоящему. Интересно — по виду особняк больше тянул на скромный дворец, чем на скромный дом. Три этажа, с башенками по бокам и крышей, сделанной шатром. Огромный гараж сбоку. А площадь, которую занимал этот «скромный» дом, была такая, какую занимал совсем не маленький дом культуры в поселке, где я родился.

— Да, впечатлён! Но если в нем нет бассейна, то он действительно скромный.

— Обижаешь, есть бассейн, есть! Даже зимний сад имеется!

Я усмехнулся, и мы вошли в дом. Олег сразу провел меня на второй этаж и показал комнату.

— Вот, располагайся. Есть хочешь?

— Спасибо, нет. В самолете бортпроводницы были очень любезны. Вкусно накормили и коньяк поднесли.

Олег вкрадчиво так глянул:

— А девушки хоть хорошенькие?

— Конечно хорошенькие, — отмахиваюсь и, предупреждая подколки, спрашиваю сам:

— А где твоя семья?

Савин хмыкнул:

— Отдыхать от меня уехали. На Канары-манары, Куршавели всякие. — Он повел рукой. — Вот, кукую тут, один-одинёшенек. Ладно, отдохни пока, дом посмотри, а я отлучусь на пару часов.

— Слушай, может, помощь нужна?

Олег замотал головой:

— Нет, сам управлюсь. Ты отдыхай. Если хочешь сполоснуться, то душ там. Телек посмотри, радио или музыку включи.

— Ладно, разберусь. Интернет у тебя тут есть?

— Обижаешь, есть, конечно. Соединение по вайфай. Пароль на доступ наберёшь латиницей. Ну, всё, я быстро постараюсь обернуться.

И ушел. Я ещё раз огляделся. М-да, комната, которую мне отвел Олег, по площади была с мою двушку. В самой комнате стояла огромная двуспальная кровать с прикроватными тумбочками по бокам, а напротив телевизор, размером с окно. Вдоль стены сплошной шкаф с зеркальными раздвижными дверцами, с другой стороны, у окон, два кресла и столик. А в углу встроенный холодильник, где, скорей всего, опохмел стоит, охлажденный. Вокруг мебели огромное пространство, хоть на велосипеде катайся. И таких комнат в этом доме... а сколько их в этом огромной домине? Кем, интересно, он работает, чтоб такие хоромы построить и на Канарах, всяких, отдыхать? Я, вот, могу себе позволить отдых в доме отдыха или санатории от нашей конторы, и то если повезёт путёвку ухватить. Ладно, сполоснусь, а потом и экскурсию устрою. Достал полотенце, мыльно-рыльное и направился в душ.

Я блуждал по коридорам и чувствовал себя героем Семёна Фарады в фильме «Чародеи». В доме никого нет, один я тут. Интересно, кто тут уборку делает? Наверно, Савин целую бригаду уборщиц нанимает.

Устав бродить по этой домине, я вернулся в комнату. Включил телевизор.

«... по достоверным данным, террористы потребовали дозаправить самолет горючим. Их...».

Оп-па! Канал новостей, по которому транслируют подробности недавнего захвата самолета. Похоже, повторяют. Ну да, такое событие, такая новость!

Комментаторша, тревожно выгибая брови, выдавала информацию многочисленной аудитории.

«... требования дозаправить самолет были незамедлительно выполнены. Террористы выпустили детей. В заложниках осталось ещё...»

И откуда они цифры берут?

«... с требованиями немедленного вылета. Иначе начнут расстреливать заложников».

Чем бы они расстреляли? Откуда вообще такое рождается в их головах? Такую жуть на обывателей нагоняют. Иногда слышишь перлы выдаваемые ведущими новостей — диву даёшься!

Например — «Увиденное, поразило даже очень много повидавших оперативников!».

Чушь. Однако в одном они правы — опера многое видели, но ничему уже не удивляются. Удивлялись, пока были стажерами, а потом только пожимали плечами. Что говорить, у всех нас тяжелая работа.

Чтоб не слышать представительницу СМИ, убрал звук. Какое-то время она возбужденно

шевелила губами и показывала рукой в сторону летного поля. В это время я не спеша достал ноутбук.

На экране сменилась картинка. Там чуть мутноватое изображение самолета. Снимали издали, на максимальном увеличении. Камера показала тянущий борт тягач, облепленный со всех сторон бойцами. На корпусе самолета, рядом с основными и аварийными выходами, черными точками расположились группы захвата. Вот «Ту-154» остановился у полосы. Бойцы с тягача растеклись под самолетом и замерли в ожидании.

Я нажал на кнопку звука.

«... мы видим как спецназ готовится к штурму ...».

Сверкнули взрывами вышибные заряды. Бойцы нырнули в проемы.

«Ой, что это? Штурм, это начался штурм! — Взвизгнула корреспондентка».

Ага, в первой двери развернулся аварийный трап, и сразу вылетело тело. Его внизу аккуратно приняли и куда-то поволокли.

«О, Господи! — кричит неугомонная, — это кто-то из пассажиров? Господи!». Я сразу пожалел, что включил звук. Выключил.

По аварийному трапу посыпались пассажиры первого салона. От самолета их сопровождали бойцы и оставляли под охраной в безопасной зоне. К самолету шустро подъехал автотрап. Вслед за ним группа сапёров на двух карах.

Под присмотром бойцов, всех пассажиров из первого и второго салона, погрузили в остановившийся рядом с бортом автобус и увезли.

Опять «взволнованное» лицо с микрофоном. Наверно гундит про спасенных пассажиров.

Меняется кадр, на котором бойцы оцепления отходят дальше.

Из первой двери появляется группа с зарядом. Я даже себя не сразу узнаю. Хотя немудрено, оператор сидел больше чем в километре от «тушки».

Кары уезжают дальше и изображение размывается, камера не может дать нормальную картинку. Та площадка, где разминировали заряды, находится слишком уж далеко и на экране опять возникает корреспондентка. Не включая звук жду. На тот последний «бабах» хотелось взглянуть — как выглядит со стороны, но взрыв не показали. Опять поплыли кадры с повторением новости, и я выключив телевизор, включил музыкальный центр.

Переключая каналы тюнера, нашел «Русское радио». Убавил громкость до приемлемого уровня, включил ноут, уселся в удобное кресло, дождался загрузки системы, щелкнул по значку вайфая и замер, вспоминая — что он там про пароль-то сказал? Набрать его латиницей? А какой пароль?

Почесал голову и, чуть подумав, набрал «gfhjkm». Хмыкнул, ну да, слово «пароль» и есть пароль, только набранный латиницей.

Проверил почту, прочитал все письма, сразу удаляя спам. Ответил на одно из писем, зашел на литературный форум, бегло просмотрел новые сообщения. Вдруг, в центре монитора,

появилось маленькое окно, в котором замигала надпись «Исполним любое ваше желание».

Заманчивое слово — любое. Посмотреть, что ли? Все-равно делать нечего. Когда ещё Савин вернётся?

На всякий случай проверил антивирусник — работает, значит, откроем это «Исполнение желаний». Если что, прога предупредит, антивирус у меня хороший. Только навёл курсор — окно развернулось во весь экран. Странно, я и кликнуть не успел. А дизайн окна красив. Замысловатая вязь, похожая на арабский орнамент, украшал окно по краям. В центре, большими переливающимися золотом буквами, было написано — «Мы исполним одно любое ваше желание. Напишите его ниже», и под ним окно для текста. А антивирус молчит пока. Я хмыкнул — любые ваши желания, за ваши деньги. Если запросят отослать эсемес, то просто закрою окно. Только что загадать? Раздумывая, прислушался к тихо играющему радио. Улыбнулся и набрал в окне своё желание и нажал «Отправить», пусть шутке посмеются. Надпись на картинке сменилась и вспыхнула буквами «Ваше желание принято. Ждите». Ну-ну, кто-то его смотреть ещё будет? Сомневаюсь. Повисев немного, окно исчезло. Само. Кликнул по антивирусу, который никак не отреагировал на этот баннер. А может это и не баннер? Программа шпион? На всякий случай запустил сканирование системы. Положил ноут на столик, а сам встал и подошел к холодильнику. Открыл и посмотрел внутрь. М-да, я не ошибся — весь холодильник забит одними напитками. Кроме пива тут стояли стеклянные бутылки с лимонадами и минеральной водой. Взял бутылку нарзана и, сорвав крышку, отпил сразу половину. Вернулся к столику и посмотрел на экран — сканер обнюхал уже половину системы, но вирусов пока не обнаружил. Я допил остатки минералки и поставил пустую бутылку на столик. Раздался сигнал и внизу замаячил значок нового письма. Кликнув по нему, открыл ящик, письмо, и прочитал такой текст: «Ваше желание будет исполнено».

Бррр. Мистика. А адрес ящика они как узнали? И почему антивирь этот баннер пропустил? Что он там? Молчит. А, прога проверку закончила — система и все диски проверены, вирусов не обнаружено. Вот так шутка, ха-ха-ха! Может, это меня мои одноклассники прикалывают? Хотя, нет, кто из них мог знать, что я открою это самое окно? Глянул на адрес отправителя и удивленно выдохнул — обратного адреса не было, как будто это письмо пришло ниоткуда. И письмо без адреса в спам не попало. Так, посмотрим историю открытых страниц. Ещё интересней — никакого упоминания о том, что я открывал странное окно «исполнения желаний». Чудеса! Ну, точно, какой-то новый вирус, то-то его антивирус не усёк. Скорей всего новая шпионская прога заглянула в мой ноут, обнюхала все его закоулки, может что-то скопировала, отослав результаты по только ей известному адресу, и тихо скончалась, начисто уничтожив перед смертью все свои следы.

Дом вдруг наполнился гомоном, который всё усиливался и приближался. Я закрыл ноут и вышел из комнаты посмотреть — кто там шумит?

По лестнице на меня надвигалась толпа.

— Вот он! — И я узнал Игоря Бердникова.

— А-а-а, Серёга! — вторит Ульский, — пропащая ты душа!

— Серёжка! — Лариса Раевская обдаёт французскими духами.

— Ух, какой стал!

Алдар Кигаев, Евгений Переходников, Елена Тонина, Вера Смольнякова, все кинулись ко мне. Меня, сразу, дружески обхлопали, крепко сжали и перецеловали. Хорошо хоть помада у Ленки

Тониной, и Веры Смольняковой, не мазалась. Все сразу загомонили, требуя срочно рассказать — где я пропал, почему не появился на двадцать лет выпуска, как и на все остальные встречи, и срочно в этом покаяться, вручив бокал с водкой. Вместе со мной «каяться» начали все. Водка лилась рекой, откуда-то появилась закуска, и в разговорах за жизнь, не заметили, как прошел час.

Трель мобильного, и Олег поднимает руку, прося помолчать. Слушал улыбаясь, затем убрав телефон, заорал:

— Всем срочно по машинам! Там Расулов бушует. Грозит весь спецназ к нам направить, если мы срочно не прибудем на место.

Весело гомоня, мы спустились и вышли из дома. Рядом с особняком стояла куча крутых машин. Мерседесы, БМВе, и Лексусы. В дополнении к ним мигал маячками милицейский форд. Я двинул Олега локтем вбок и сказал:

— Смотри, уже конвой прислал, ещё чуть-чуть и на пикник в наручниках поедem. Кстати, ты выпил, это ничего?

В ответ Савин только махнул рукой.

— Ерунда.

Из форда выскочил лейтенант и, подбежав к нам, козырнул:

— Лейтенант Сагаев, мне приказано проводить вас до места.

Тут же учуяв знакомый запах, нахмурился, но сказал другое:

— Срочно, товарищи, генерал ждёт. Ругается.

Мы засмеялись и расселись по машинам. Форд взревел сиреной и возглавил эскорт, распугивая резкими сигналами попутные машины. Надо же, с каким почетом везут! Где ещё на природу так съездишь?

Ёп, фотоаппарат забыл! Блин, не вернутся уж, Ильяс точно на манты порубит, он всегда резкий был.

— Олег, у тебя фотоаппарат есть? А то я не взял, вы меня так быстро к машинам уволокли.

— Не беспокойся, — хмыкает Савин, — там профи будет работать. Без фотографий не останемся.

Кортеж свернул на прямую дорогу, ведущую в горы. Милицейский форд, перестав завывать сиреной, задал темп, и машины помчались по дороге, вдоль которой росли высоченные пирамидальные тополя. Затем патрульная машина свернула на грунтовку, и мы запетляли среди усыпанных плодами яблонь. Как всегда, знатный будет яблочный урожай. Как же я по всему этому соскучился. Налюбоваться яблонями я не успел, машины выехали на край холма, от которого начиналась плотина и другим краем упиралась в противоположный берег. Русло глубокое и широкое, но сама река небольшая и текла в самом центре котловины, которое заполнялось мутной водой только ранней весной, густо перемешанной с грунтом и камнями, и удерживалось плотиной. Эта плотина была одна из нескольких. Первые, что стояли дальше в предгорьях, были каркасные и защищали город, задерживая большие валуны, что обычно

легко в себе несёт весенний селевой поток. А эта задерживала уже сам поток, разбивая его на несколько направлений. Потом, когда паводок опадал, русло вымывалось дождями и самой рекой, вода в ней становилась прозрачной, как слеза младенца. Летом, в жаркие дни, все приходили сюда купаться. Сама река обычно шириной полтора десятка метров и глубиной по колено, но скорость потока, да и температура воды к купанию не располагала. Но это никого не останавливало. Лезли в реку и ненадолго ложились в воду, упираясь в валуны, затем выскакивали и загорали.

Перед плотиной образовалось озерцо размером с половину футбольного поля, глубокое, но купаться там было опасно. В середине плотины вода уходила через огромную трубу, и низвергалась по ту сторону. Сплошные водовороты с быстрым потоком могли затянуть в трубу, да и вода в озерце почему-то была холоднее чем в реке.

Машины проехали по краю берега и по специальному съезду свернули вниз. Открылась площадка с навесами и длинным столом, у которого сутились люди. У одного края площадки стоял пара милицейских УАЗов, а с другого черный геленваген.

— О, генеральская охрана! — Олег кивнул на автоматчиков, стоящих по краям площадки.

— Нет, я думаю, это наша охрана. Будут надзирать, чтоб мы не натворили чего, когда окосеем. Вина, поди море запасли. А безнадежно упившихся будут пристреливать, чтоб похмельем не мучились.

Кортеж остановился. Мы высыпались из машин почти буквально, так как выпили достаточно. Охранники в форме напряглись, будто слышали мои последние слова. А лейтенант, выскочив из машины, побежал докладывать. Сейчас наябедничает про наше состояние.

Навстречу нам шагнул коренастый и седовласый Ильяс Датурович Расулов. Он отмахнулся от лейтенанта, буркнув ему что-то, и, расставив руки, устремился ко мне.

— Александрыч! Серёга, так тебя растак! Ну, наконец-то!

— Датурыч!

Мы крепко обнялись. Оба от натуги крикнули — крепкий мужик Ильяс Расулов. Он отстранился и оглядел меня.

— Эх! Голова твоя седа! Где напугали-то? Шучу.

Он принялся и нахмурился:

— Пили? Без меня пили?

Расулов посмотрел на остальных:

— Да вы все уже нализались! Вот, черти!

— Да ладно, Ильяс, — я хлопнул друга по плечу и кивнул на горную речку, — вон, охладимся и сразу протрезвеем.

— А, охламоны, — он махнул рукой, — садитесь уж. Плов и манты готовы, а шашлыком уже занимаются.

Мы поздоровались с теми, кто уже был тут и расселись под навесом. Дамы, выбрали сторону с

видом на реку, а нам пришлось садиться к ней спиной. Расулов посадил меня рядом и сам налил водки. Мы подняли рюмки. Ильяс поднялся и сказал:

— Я очень рад, что мы все смогли, наконец, собраться. Почти всем нашим десятым «А». И спасибо Сергею за то, что слово «почти» стало меньше.

Следующий тост выпили за всех присутствующих дам, а последующие — за каждую индивидуально. Так как женщин за столом сидело порядком, в нашем классе парней было сорок процентов, то, несмотря на хорошую закуску, мы все конкретно захмелели. Решили сделать перерыв. Кто отошел перекурить, кто спустился к реке. Расулов тронул меня за руку.

— Отойдём?

Мы вышли к краю площадки. Ильяс спросил, глядя на реку:

— Скажи, Серёг, ты почему ещё капитан?

Я взглянул на Расулова, прекрасно поняв — почему он задал этот вопрос. Сейчас начнёт сватать меня к себе.

— А звание очень нравится.

— Нравится? А...

— Извини, Датурыч, — перебил я, — я своих ребят не брошу. Они мне как братья стали.

— Да, ты прав, — кивнул Расулов.

Вместе стали смотреть на снежные вершины.

— Медаль хоть успел получить?

Ну да, чтоб генерал и не знал о результатах недавнего происшествия? Наверняка, звонил в наше управление и интересовался подробностями.

— Нет. Командир сказал только что наградной в Москву ушел.

Расулов хмыкнул.

— Вечно всё Москва решает.

— А знаешь, — я взглянул на Ильяса, — я перед этим Громозеку встретил. Помнишь его?

— Помню. И что?

— С наркотой взяли. Соппротивление оказал.

Расулов вздохнул:

— Вот ведь как бывает!

— И не так бывает, — добавляю я, — как самолет зачистили, так вторая встреча была. Коротова встретил.

— Василия Владимировича? — поднял брови Ильяс.

— Ага. Представляешь? Он летел этим рейсом.

— Причуды судьбы, — хмыкнул друг, — расскажешь потом?

— Конечно.

Помолчали, любуясь блеском снежных вершин. Пихаю локтем задумавшегося Расулова.

— В горах надо отдохнуть, а, Датурыч?

— Да, — восторженно воскликнул он, — а помнишь, как классом в поход ходили?

— Конечно, помню.

Рядом появился Савин.

— О чем разговор?

— Да вот, походы всем классом в горы вспомнили, — отвечает Ильяс.

— У-у-у, — протянул Олег, — вот уж приключения бывали! Помнишь, как от медведя сломя голову неслись? А Серёга впереди всех. Ха-ха-ха! С горы-то! Остановиться не могли, ха-ха, прямо в реку...

Оба засмеялись, а я, улыбаясь, вспоминал — как это я от медведя бежал, только вот никак вспомнить не мог. Странно. А Савин продолжал:

— А как альпинистов изображали?

— Ага, особенно как на Лысый Горшок забрались, — усмехнулся Расулов, — и сидели там, пока Серёга не придумал, как спуститься.

Лысый Горшок — это небольшая гора с отвесной стеной по восточной стороне. Но на плоскую и совершенно голую вершину можно было и по другому склону забраться без проблем. И почему долго сидели? Чего это они выдумывают? Или я чего-то не помню? Или не понимаю? В голове у меня образовался какой-то сумбур. Вроде выпили не очень много, а уже есть намеки на белое пятно. Только я собрался уточнить — о чем речь, как мою руку кто-то обхватил. Это оказалась Марина Зеленина. Она потащила меня к навесам, где играла музыка и танцевали пары.

— Серёжа, давай потанцуем?

— Давай.

Медленно стали кружиться под «Зеленоглазое такси».

— Как личная жизнь? — спросила Зеленина.

Какая может быть личная жизнь у постоянно пропадающего на службе офицера? Не любят этого нынешние женщины. И ещё то, что зарплата маленькая. А её тетка покинула меня как раз недавно, по причине долгого отсутствия и ещё много чего... Что говорить, перевелись декабристки в наше время. И любви всей жизни мне так и не встретилось.

Вот и буркнул в ответ:

— Нормально.

— Значит холостой, — сделала вывод Марина, и жарко зашептала мне в ухо:

— А помнишь наши встречи, а? Как мы целовались в скверике?

Они что, все сговорились? Какие встречи? Как скверики? Не целовались мы! НИКОГДА!

А, понял! Они меня разыгрывают! Это розыгрыш такой! Ну что же, подыграю. Улыбаюсь, как кот Чеширский, и говорю вкрадчиво:

— Конечно помню, Маришь. Темными вечерами, под цветущей яблоней... или это под абрикосом было?

— Дурачок, — она легонько стукнула мне полбу, — я серьезно, а ты шутишь.

Ну-ну, это ещё надо посмотреть — кто тут шутит! Но Зеленина смотрела вполне серьезно и мне опять насчет белых пятен в памяти подумалось.

Да актеры они все! Точно разыграть хотят!

— Все к столу! — призвал Расулов, — есть большой тост!

Мы вернулись под навес, и расселись по местам. Зеленина села напротив и мило мне улыbnулась.

Ильяс поднялся.

— Друзья! Я хочу выпить за героев! А именно, — он приложил руку к груди и посмотрел на меня:

— За Серёгу! Точней за то, что он совершил. Очень давно.

Вот тебе и раз! Я, было, подумал, что Расулов начнёт вещать про освобождение самолета, и приготовился возражать, но сбило слово «давно». А Ильяс продолжал:

— Я до сих пор его должник. (Я от такого поворота даже невольно рот раскрыл.)

— А почему должник? — спросила Марина Зеленина.

Тот же вопрос хотел задать и я. Самому стало интересно — что я такого совершил? И почему Марина спрашивает? Они что, не договорились насчет сценария розыгрыша, или она не в теме?

— Повторюсь, это было давно...

Ильяс сел, отпил нарзана из бокала и стал рассказывать:

— Это случилось, когда мы ещё пацанами были. Друг с другом не ладили, дрались иногда. Так вот, как-то я с младшим братом Рустамом и Алдаром, — он показал на Кигаева, который, привстав, кивнул, — сюда купаться пришел, а тут Серёга и Олег Савин загорают. Ну и как всегда сразу отношения выяснять. А пока мы тут дурью маялись, Рустам купаться полез, у самой плотины. Его потоком сбило с ног и потащило к трубе. Там Рустам за решётку зацепился и заорал.

«Странно, драку я помню, но то, что кого-то к трубе утащило, нет. Правда младший брат с Ильясом был, и на мелкоте, пока мы ссорились, все время сидел».

— Я тогда сильно за брата испугался и остолбенел сначала, а вот Серёга и Олег в воду кинулись. К решетке Серёга первым подплыл и успел брата за руку схватить, его в трубу всего затащило, уже совсем не держался, а Олега течением в сторону отбило. Сергей выпихнул брата к решетке и помог на неё забраться. Там лестница к решетке есть.

Все посмотрели на плотину. Трубу, в которую уходил поток, закрывала решетка сваренная из арматуры, но закрывала она почему-то верхнюю половину трубы. И почти от самого стока, вверх шла железная лестница. А Расулов продолжал рассказ:

— К этому времени я уже у лестницы был. Сам удивляюсь, как я быстро до неё добежал. Крюк-то, какой надо было сделать. Брата наверх поднял, стал успокаивать. Слышу, Алдар снизу кричит и на решетку показывает. Глянул, а там Серёга, зацепившись за решетку, уже Олега держит. Савина к трубе спиной потоком занесло и он не смог уцепиться. Зато Серёга успел Олега за руку схватить. Только вот сил у него не осталось — держит, а подтянуть уж не может. Я брату кричу, чтоб тут сидел, а сам вниз. Ногами за скобы зацепился и руки тяну. Сначала Олега вытащил, потом вместе с ним и Сергея достали. Серёга еле поднялся, весь синий от холодной воды... Вот тогда мы друзьями и стали.

Надо же, какой оказывается я герой! Народ загудел одобрительно. Мужики стали смотреть на меня уважительно, а женщины восхищенно. Маринка же, смотрела так влюбленно...

Только зачем Ильяс очередную небылицу рассказал? Гляжу на него и думаю — смотрит без хитринки, шутит, не шутит, не понятно. Ясно что розыгрыш продолжается. Может и тот, с желанием в моём ноутбуке, его рук дело? Да нет, вряд ли, станет генерал-майор такой ерундой заниматься. Надо будет тет-а-тет спросить — для чего он про меня геройскую историю придумал?

Тут подняли полные рюмки, и Олег Савин крикнул:

— Выпьем за спасителя!

И этот туда же. Весь рассказ сидел и кивал. Что-то долго разыгрывают. Пора и финалить.

Сейчас тот самый профи с камерой выскочит и все заорут: «сюрприз!». Я покрутил головой, но ни фотографа, ни оператора не обнаружил. Ну и черт с ними!

Под шашлык выпили ещё. Савин заорал — «надо освежиться!» и, скинув футболку, направился к реке. Народ одобрительно загомонил, так как, несмотря на хорошую закуску, все порядком захмелели, да и жара добавила желание освежиться. Все дружной компанией двинулись к прохладе, текущей с ледника.

Я плюхнулся в воду и очень быстро взбодрился. Совсем забыл, как холодна вода в горной речке! Выскочил на берег, сев на разогретые солнцем камни. Нет, все-таки хорошо тут. Рядом шумит вода, яркое солнце греет. Напротив расположилась Зеленина, продолжая мило улыбаться мне. А фигура у неё как у модели!

Вдруг вижу, как Марина округляет глаза и кричит:

— Ох, господи! Там ребёнок!

У плотины, у самой кромки воды, кричали и махали руками дети, а в водовороте кружило ребенка и течением затаскивало к трубе. Я рванул к плотине. Не обращая на боль от бега по камням, добежал до озерца и сходу нырнул. Поплыл, борясь с мощным течением к пацану, который судорожно вцепился в перекладину у трубы и испуганно орал. У самого слива меня крутануло в водовороте, но я успел ухватиться за железный прут рядом с ребенком. Ноги потоком воды сразу затащило внутрь. Зацепившись за решетку удобнее, я потянулся и схватил ребёнка за руку.

— Держись, пацан, я помогу тебе выбраться.

Но тот стучал зубами больше от испуга, чем от холода и крепко держался. Меня стало поколачивать, весь хмель, что ещё оставался, сразу вышибло. Сверху мелькнула тень, это один из сержантов в спринтерском беге обогнул холм и, пробежав по плотине, спустился по лестнице.

— Давай, подними его сюда, я помогу. — Он протянул руку.

Крякнув от напряжения, я выпихнул мальчишку к сержанту. Он его тут же подхватил и поднял наверх. Следом начал подтягиваться я, но вдруг перекладина оторвалась от решетки, и я сорвался вниз, в последний момент, схватившись за другую железину. Вынырнув из потока, услышал крик:

— Серёга держись!

Мимо меня, фыркая как морж, кто-то пролетел в трубу. Свободной рукой я схватил его за руку. Из потока вынырнула голова и, отбила зубами чечётку:

— С-с-сер-р-рёга, держись.

Савин судорожно вцепился в мою руку. Блин, он ещё на мою голову!

— Сам д-держись п-п-прд-дурок.

Что-то треснуло, и арматурина решетки отогнулась. Млять, да что это такое? Ей, как назло, сейчас приспичило сломаться? Ещё этот, спасатель, мля!

— С-с-сав-в-вин, как-к-ого хрен-на т-ты сюда п-п-полез?

Снаружи что-то кричали, но слышно не было. Над решеткой показалась голова сержанта. Сквозь сильный шум воды я услышал:

— Руку, руку давай! Тяни его сюда.

Он свесился и протянул руку. Ругаясь и заикаясь от холода, я стал подтягивать Савина ближе.

— Д-держ-жи его. Олег, т-т-тянись д-д-давай!

Еле-еле, сил хватило вытянуть Савина до решетки. Тот ухватился за неё, подтянулся и, вынырнув снаружи, с помощью меня и сержанта поднялся наверх. Теперь я. Но ноги свело судорогой, руки ныли от напряжения. Резко рванул тело к нижней перекладине, где уже маячили руки сержанта. Ещё чуть-чуть...

Крак!

И меня, с частью проклятой решетки, быстро понесло по трубе.

Бум! Ударился боком и сразу головой. Бросил железо и сгруппировался. Бам! Аквапарк, мля! Хватанул воздуха в одном из изгибов трубы, и опять поток, который, как показалось, ещё больше ускорился. Стенки трубы не ощущались, отшлифованные водой за долгие годы. Только из-за изгибов трубы я получал болезненные удары. Удар боком, спиной, опять боком. Успел подумать — крутит как в стиральной машине...

Удар! Темнота.

Глава 3

Не знаю как у других, но во сне я сам себе царь и бог, в смысле всегда понимаю, что это сон. Крут без меры и надумать что-нибудь этакое, как, например, крупнокалиберный пулемёт с бесконечным зарядом, или лазерный меч. Да без проблем! Все могу. И то, что наяву не получается, тоже могу. Тут все приёмы проходят как по маслу...

Вот и сейчас кругом одни враги, а я как Джеки Чан, Жан-Клод ван Дам и Стивен Сигал в одном флаконе. Одним махом всех злодеев побиваю. А что? Лезут и лезут...

Вот чего не могу надумать, так ограниченного количества врагов. Они плодятся самостоятельно. Какая-то злодейская прогрессия...

Только кончились твари с автоматами, как полезли террористы с бомбами, собранными из бутылок с жидкостью. А я знаю — что делать! Слить. Режу ножом бутылки, но почему-то ничего не льётся.

У всех террористов лица мертвецов. Они с улыбкой лезут ко мне, держа в синюшных руках ручки активаторов. Хоп! У меня четыре, шесть, восемь рук, но террористов становится много и зажать все кнопки не выходит. Мертвецы ещё больше щерятся и одновременно отпускают кнопку...

Бабах!

Я оказываюсь на дне огромной воронки. Жив и цел. Вот так — это мой сон, сколько бы вас ни было!

Ой! Сверху сыпется земля. Вижу тучную фигуру с огромной совковой лопатой.

— Я тебя закопаю! — орёт Громин и очередная порция грунта летит на меня. Изворачиваюсь и, выпрыгнув, оказываюсь на лопате. Громозека хохочет и делает резкий взмах. И что? Лечу. Во сне все летают! Бам! Ударился обо что-то жесткое. Оглядываюсь. Около меня сидят Савин и Расулов с пивными кружками. Ильяс чистит тарань, а Олег сдувает пену и возмущенно говорит мне:

— Чё смотришь? Вытаскивай нас отсюда!

Откуда вытаскивать? Ещё раз осматриваюсь. Да мы на вершине горы! Вершина плоская, а со всех сторон обрыв. Лысый Горшок что ли? Но не такой. Ну и сон у меня.

— И как вас выта...

На вершине никого. Савин и Расулов исчезли. Остались только пустые пивные кружки и

шелуха чешуи, да кости от тарани. Хоп — исчезает и гора, а я лечу вниз, причем имеется рюкзачок и колечко. Хлопок! — это раскрылся парашют. Вот так! Бум! Упал на что-то, и сразу накрыло куполом. Запутался. Выбираюсь с матом, что-то у парашюта конструкция очень на пододеяльник похожа.

Ха! А я и не заметил, как проснулся! Откинул одеяло, зевая и потирая заспанные глаза я поплелся... а куда я поплёлся? А, в туалет, конечно. Обычный утренний маршрут. Пока шел, сознание отмечало некие несусветности, но пока ещё полусонное состояние ничего не понимало. Из туалета завернул в ванную. В ванную? Какая ванная? Я вроде у Савина остановился, а у него чугунных ванн не было. Хм, где это я? И вообще, все странно, чуждо и одновременно знакомо. Сунул голову под кран. Холодная вода взбудрила. Умыл лицо, шею, уши. Теперь, чтоб окончательно проснуться, осталось почистить зубы и выпить горячий чай. Рукой нащупал полотенце и, вытерев голову, посмотрел в зеркало.

— А-а-а-а!

Чтоб не упасть, ухватился руками за полотенцесушитель и край ванной. Отдышался и, приподнявшись, опять взглянул в зеркало.

Что это? Кто это?

На меня смотрела маленькая голова, с копной русых волос и очень испуганное конопатое лицо. Это кто? Это я? Показал язык, отражение повторило. Это что, кошмар продолжается? Я всё ещё сплю? Ущипнул себя — больно. Значит не сплю.

А как это?

— Серёженька, что случилось? Ты чего кричал?

В ванную заглянула моя мама. Такая молодая! Чуть в обморок не свалился. Я сглотнул и, почему-то, прошептал:

— Ничего, мам, обжегся просто. Горячую воду включил. — Даже голос свой не узнаю.

— Сильно? Дай погляжу.

— Нет-нет, мам, ничего. Совсем не болит.

— Ладно, — кивнула мама, — тогда чисти зубы и завтракай. В школу не опоздай. Я там на столе три рубля оставила. Как из школы пойдёшь, зайди в магазин. Купи хлеба, молока, сметаны.

— Не забудь, — мама улыбнулась, протянула руку и закрыла мне рот, — ну, всё, я побежала.

Я как замороженный проводил её до выхода и ещё долго стоял, тупо смотря на закрытую дверь. Вот это я попал! Как так вышло? Фантастика. А вспомнил! Желание! Я же загадал желание. Вот так шутка! И надо же было тогда по радио услышать Стаса Пьеху про плацкартный билет в детство. Я и набрал тогда «Хочу в детство». Хорошая шутка была. Дошутился, придурок. Получил билет в детство! А кто знал, что сбудется?

У большого зеркала пристально рассматривал себя. Провел рукой по взъерошенным волосам, по худым плечам и груди, где отчетливо проглядывались ребра. Худой я был, худым и вырос... вырасту. Если домой, то есть, обратно не попаду. Оттянул резинку трусов и глянул туда. М-да.

Неужели он такой был?

И что мне делать на данный момент? В школу идти? А что остаётся? Какое хоть сейчас число? Я кинулся к окну — там бушевало лето. Стоп, какое лето? Или осень или весна раз в школу надо идти. Судя по яркой зелени — весна, а по градуснику, что висит прямо за стеклом — на улице жара. Двадцать шесть в тени, и это утром в полвосьмого. Что будет к обеду? Скорей всего сейчас май, а какой год? По моей детской физиономии не разобрать. Тогда где узнать? Дневник! Я побежал в комнату. Так, где тут у меня портфель... тьфу, какой портфель? Вот сумка с учебниками. А, нашел, вот дневник. На нем было написано, что я ученик седьмого «А» класса, семидесятой школы. М-да, чудеса. В восемьдесят четвёртый год попал! Попал, так попал. А день недели? Какие хоть уроки будут? Мать ети, что я там скажу, если к доске вызовут? Что я вообще скажу? Как себя вести?

Взгляд коснулся часов на стене. Ой, без двадцать восемь! До школы пять минут хода, но ещё надо узнать — какие уроки на носу. Быстро оделся в костюм, который заменял мне школьную форму и был привезён отцом из-за «бугра». Отец, его я так давно не видел. Опять уехал на службу рано, а вернется как всегда — за полночь. Я вздохнул, нашел ключи, благо, что помнил, где они всегда лежали, взял оставленные мамой деньги и, закрыв дверь, пошел в школу.

Шел по дороге, а в голове крутились разные мысли. Интересно, на сколько я сюда попал? И почему именно в это время? Какой-то переломный момент в моей судьбе? Так, всё это случилось в результате моего желания в странной программе.

А как обратно? Тоже через желание? И где его загадывать, в какой программе, какого компа? Блин, до первых персональных компьютеров, как до Китая раком, а до интернета в России, как его привыкли все видеть, ещё столько же. И что дальше? Ждать этого момента? От этой мысли сбился шаг и я встал. Это дождешься появления интернета, а потом, в принципе, и не надо будет никаких желаний. После такого срока, останется еще пяток лет подождать и я в своем времени. Ха-ха! Вот так я попал!

Меня вдруг толкнули.

— ...?

Обернулся.

— А?

Сзади стояла Верка Смольникова с портфелем в руках. Надо же, ещё вчера вместе на пикнике были, только она там на двадцать пять лет старше выглядела.

— Бэ, Вязов, ты глухой? Что, говорю, стоишь как три березы на Плющихе?

— Не берёзы, а тополя, — автоматически поправил я.

— Не умничай, а иди ровно и не вставай на дороге как столб.

И почему женщины думают, что они всегда правы? Я вздохнул:

— Дистанцию нужно соблюдать и смотреть куда идёшь, тогда не будешь на людей насккивать.

Верка сморщила лицо и показала язык.

— Дурак ты, Вязов.

И быстро пошла по тротуару, а я поплелся следом.

Дураком меня назвала, но она даже не подозревает — какой я дурак! Умные, в такие передраги не попадают. Вот и урок мне на будущее — не знаешь, не влезай — убьёт.

Убить не убило, но озадачило конкретно. И где загадать желание, чтоб обратно в своё время попасть? Вопрос вопросов. Ой! Я опять встал от пришедшей мысли — если я попал сюда только своим сознанием, то, что с моим телом, которое осталось там, в будущем? Вылетело по ту сторону плотины, и пребывает в коме, или я там уже мертв? Мля! Закатают там меня в цинк и отправят по адресу.

Настроение упало к нулю. В скорбных раздумьях добрёл до школы. На входе меня опять толкнули в спину, да так, что я пробежал метра три. Сзади заржали. Резко развернулся и в дверном проходе я увидел троих.

Вот так встреча!

Макс Громин, по кличке «Громила». Ещё не такой жирдяй, как я видел недавно, но все-равно здоровый. А рядом с ним его дружки.

Игорек Вершинин, тощая каланча, баскетбольного роста, с погонялом «Вершина», но из-за постоянно обритой головы, все его называют — «Пик коммунизма».

Славка Тощев, по прозвищу «Толща», так как его тучная фигура с трудом проходила в дверные проемы.

Громила наставил на меня палец:

— С тебя, связок, рупь штрафа, за то, что мне путь загородил. — Все трое опять заржали, комментируя мою искаженную фамилию.

Я начал закипать. Не терплю, когда коверкают моё имя и фамилию. Вспомнив его обещание меня закопать, захотелось закопать его самого. Но, как говорится — злость плохой советчик, и я вдохнул-выдохнул и с насмешкой сказал:

— А харя не треснет, Громозьяка?

Смех стих, и вместе с ним вокруг установилась тишина. Школа, как будто замерла перед грозой. Громин побагровел и, медленно приближаясь ко мне, заикаясь от возмущения, начал выплевывать ругательства:

— Ты, б...ь, связка х...а, о...л, б...ь, совсем? В тыкву, б...ь, давно не получал? — Он замахнулся, чтоб покарать наглеца и, под пристальным взглядом завуча, вышедшего из кабинета, посмотреть на причину внезапно установившейся тишины, медленно опустил руку на моё плечо. Криво улыбнулся и, воняя давно не чищеными зубами, ласково прошептал:

— После школы, в беседке сквера, я буду ждать тебя с червонцем отступных. За свои слова ответ держать будешь, понял? У...к.

Увидев, что завуч вернулась в кабинет, больно сжал мне плечо. Я прошипел в ответ:

— Отвали, дятел. — Правой рукой схватил его за мизинец, отогнул его от плеча и крутанул в

обратную сторону. Громила взвизгнул и присел. В зашумевшей было школе опять остановилась жизнь. Все вокруг стояли столбом и глазели на небывалое зрелище. Вершина и Толща вдруг сорвались с места и кинулись спасать своего друга. Резко сместился в сторону, отчего Громин взвизгнул опять. Я поднырнул под руку Вершины, резко дернул Макса на себя. Тот всхлипнул от боли и грохнулся под ноги Вершинину. Тоцев, не успев остановиться, по всем законам физики увенчал кучу-малу сверху. Громин в самом низу даже крикнул, так как Тоцев весил гораздо больше ста килограмм. Я картинно отряхнул руки и подошел к вывешенному расписанию уроков. Рядом со мной, вдруг оказался Олег Савин.

— Ну, ты, Серёга, даёшь. Он же тебя убьёт.

В спину мне зашипел Громин:

— Ты труп, Вяз. Я тебя закопаю!

О! Я уже Вяз, а не связок.

— От падали слышу. И придумай что-нибудь новое, разнорабочий хренов.

Савин схватил меня за руку и потащил прочь. Поднимаясь на второй этаж, и по-прежнему держа меня за рукав, он, почему-то, шепотом мне говорил:

— У тебя что, крыша поехала? Ты чего с ними связался?

Я стряхнул его руку с рукава и ответил:

— Я не потерплю такого над собой. А этих придурков я не боюсь. После школы пойду и разберусь с ними как надо.

Олег засопел и буркнул:

— Крыша съехала, и жить надоело? А, поступай, как знаешь, камикадзе. Только я с тобой пойду, ладно?

— Хорошо, дружище! — И я шутливо толкнул его в плечо. Затем оглядел Олега. Чего-то не хватает? А, ну да, до трудовой мозоли пока далеко. А расписания я так и не узнал. Слишком быстро Савин меня утащил.

— А что у нас первым уроком?

— Инглиш.

Окей, инглиш, так инглиш.

В классе царил гомон, который сразу стих, как только я и Савин зашли в класс. Олег подмигнул мне и прошептал:

— Новости летят впереди героя.

Почти восемьдесят глаз смотрели на меня с любопытством и каким-то сожалением. Ну-ну, смотрите.

Как я помнил, мы с Савиным сидели всегда на «Камчатке» — дальней парте у окон. Прошли между парт. Вслед нам зашушукались, обсуждая происшедшее и мои шансы во встрече с

Громинской шайкой.

Уселись за парту, достали учебники и тетради. На нас стали посматривать. Девчонки с любопытством, а мальчишки с некоторым восторгом, но подходить с вопросами не спешили. Сидящие впереди Верка Смольнякова и Ленка Толина обернулись.

— Я удивляюсь, Вязов, твоей безрассудности, — проговорила Ленка, — ты чего геройствуешь, смерти захотел?

— А он с утра какой-то не такой. Идет — метр шаг и остановка, да ещё не в меру умничает, — добавила Смольнякова.

— Я думал, герои нравятся всем, — буркнул я, а Олег кивнул:

— Поддерживаю.

Девчонки одновременно покрутили пальцем у висков и отвернулись. С передней парты прилетела записка. На ней, аккуратным почерком, но с ошибками, было написано: «Бесумству храбрых, поём мы песню!».

— Зеленина писала, её почерк, — прошептал Олег.

Я зачеркнул букву «с» и подписал сверху «з». Свернул и кинул к первой парте, где сидела Маринка Зеленина. Через минуту прилетела ещё одна, где написано было просто — «Дурак!!!!!!». Савин хохотнул:

— Вот дуреха!

Видел бы ты, что пишут на форумах в интернете, не так удивился бы — подумал я. Мысль о нете опять понизила настроение. В этот момент вошла учительница по английскому. Александра Владимировна Травина — сразу вспомнилось мне. Мы встали. Александра Владимировна положила журнал на стол и поздоровалась:

— Гуд мorning, чилдрен.

— Гуд мorning, Александра Владимировна.

Она кивнула и сказала:

— Сит даун, плиз.

Класс с шумом уселся. Учительница открыла журнал и, глядя на класс, сказала:

— На прошлом уроке у нас была тема: «Какие у вас увлечения?». Мы подробно разобрали все слова и обороты, применяемые в английском языке. Вы, дома, должны были подготовить короткий рассказ по следующим вопросам — Что вы любите делать после занятий в школе? Что предпочитаете делать, когда отдыхаете? Что любите смотреть по телевизору? Какой у вас любимый вид спорта? И так далее, на ваше усмотрение.

— И так... — Александра Владимировна посмотрела в журнал.

— К доске пойдёт... — учительница провела пальцем по ряду фамилий в журнале. Все сжались, стараясь сделаться незаметными и, как хамелеоны, слиться с партами.

— К доске пойдёт...

Опять посмотрев на класс, она увидела меня и сказала:

— К доске пойдет Вязов.

По классу покатались тихие смешки. Каждый облегченно вздохнул — вызвали не его, и ладно, а вот что сейчас будет? Все сразу воспрянули и стали смотреть на жертву, то есть на меня.

В школе, английский язык давался мне с трудом. Точней сказать совсем не давался. Читал текст почти правильно, но, не понимая — о чем идет речь. Перевод только со словарем. Я поднялся и с видом обреченного пошел к доске, усмехаясь про себя. Дело в том, что уже в училище я с легкостью постиг буржуйский язык, в чем мне помог однокурсник, который почти всю свою жизнь, вместе с родителями, провел по заграницам. Английский язык был для него вторым родным, так как родители долго работали в нашем посольстве в Англии. Однокурсник с какой-то легкостью объяснял все нюансы произношений, и за какие-то три года я вполне сносно заговорил по-английски. Даже произношение, как мне сказал однокурсник, стало как у заправского британца, и я легко, если ещё чуть позаниматься, проканал бы за коренного лондонца.

Вышел к доске и опустил голову вниз. Мысли сразу спутались — с чего начать-то?

— Ви листен ту ю, Вязов.

Опять по классу прокатились смешки, и учительница тут же постучала рукой по столу, строго посмотрев на класс. Все притихли, и заулыбались, готовясь к комедии. Ну что ж, начнем, пожалуй. Я набрал побольше воздуха и стал рассказывать про свои увлечения:

— Ми нейм ис Сергей Вязоф. Ай лов зе афтерскул стролл ин зе фреш эйр.

Класс изумленно замер. Никто не ожидал от меня внятной английской речи. Александра Владимировна подняла в удивлении брови и выдавила:

— Э-э-э...

Я спросил, глядя на неё:

— Продолжать?

Она закрыла рот и кивнула.

— Со ай рест вич вулд зен мейк э квалитатив лессон, — вспомнив изречение друга, я прибавил Кембриджское произношение, — он тиви ай лайк ту вач хистори фильмс энд зе трансфер оф «обвиус энд инсредибл».

Все сидели раскрыв рты. Откуда-то с середины донеслось, почему-то по-немецки:

— Даст ишь фантастишь!

Большая половина класса, которая из английского знала только алфавит, ничего не понимала, остальные, видно, выхватывали отдельные знакомые слова. Маринка Зеленина, сидевшая на первой парте, стала что-то записывать. Меня, что ли, конспектирует. Я усмехнулся и стал говорить быстрее:

— Ай лайк хоккей энд футболл. Ин зе ярд оф зе валл. Эт ном ай сометаймс сомезинг оф зе визард.

— Достаточно, Сергей. — Александра Владимировна, прервав меня, встала, шумно выдохнула, опустилась на стул и, не веря, посмотрела в журнал. Я пригляделся — там, в моём ряду клеточек стояли тройки. Рука учительницы вывела большую пятерку, затем, почему-то, знак вопроса. Посидев немного, она повернулась ко мне.

— Ты хорошо выучил слова Серёжа. Удивляюсь, но ты нигде не сделал ошибки. Сам делал задание?

— Ес оф кос, Александра Владимировна, — сказал я, наслаждаясь всеобщим изумлением, и добавил: — Инглиш хас биком май секонд найтив лангвидж!

Учительница открыла рот, закрыла рот и, повернувшись к журналу, сказала:

— Джаст фантастик! Ситдаун, Серёжа. Экселент!

Под гробовое молчание иду к последней парте, где меня встретил не менее изумленные глаза Савина.

— Ну, ты могёшь!

— Не могёшь, а можешь. — Я плюхнулся рядом.

— А что такое экселент?

— Экселент, темнота, это пятерка с плюсом, — и довольно посмотрел по сторонам. В классе было тихо, даже учительница сидела молча и смотрела в журнал, как будто не веря выставленной ею же оценкой. Или она думала — зачем там ещё знак вопроса ею поставлен? Никто в классе не шевелился, опасаясь спугнуть и подбить учительницу на новые вызовы к доске. Савин вдруг пихнул меня в бок и прошептал на ухо:

— Серёга, ты чего за зелье сегодня на завтрак съел? Громозеку со товарищи уделал, по аглицки заговорил вдруг. Поделись рецептом, я тоже так хочу.

— Просто желание загадал, вот и исполнилось, — честно ответил я.

— Да ну, тебя, — и обладатель совсем нескромного дома в будущем, опять пихнул меня локтем.

На парту упала записка. Оказалось опять от Зелениной, там она написала: «Вязов ты что английский шпиён?».

Я исправил ошибки и расставил запятые, а внизу написал немного переделанную фразу из фильма: «Раз грамматику не учишь, двойку в четверти получишь. Английский шпион Эльмс». Олег тихонько хохотнул, когда я пояснил ему перевод своей фамилии. Я сложил листок и отправил записку обратно.

Учительница, наконец, встала и вызвала к доске другого ученика. Класс опять ожил, а я задумался и стал смотреть на улицу.

Проблему с Громиным надо как-то решать. И на разборку нужно идти. Драться придётся. Я, конечно, мельче и шустрей, но у них грубая сила, зажмут и все. Не знаю насколько я тут, в своём детстве задержусь, может на неделю, месяц, а может навсегда? Все равно с этой

компанией надо разбираться. А как?

Ещё Громозека червонец затребовал. Сейчас это деньги! На червонец можно неделю жить. Продукты-то копейки стоят. Белый хлеб двадцать две копейки, а черный восемнадцать. Овощи и фрукты совсем дешевые. М-да, надо срочно что-то придумать.

От мыслей меня отвлекла упавшая записка. Развернул. Олег прокомментировал шепотом:

— Слушай, а может Зеленина в тебя втюрилась, а?

На листе было написано: «Сам дурак!!!!!!».

Я посмотрел на первую парту. Большие и пышные банты закрывали от меня Маринку Зеленину. Она почувствовав взгляд повернулась, и показала мне язык.

— Точно втюрилась, — хмыкнул Савин.

Блин, когда ещё в том времени танцевали, она мне говорила, что в скверике целовались. Странно что я этого не помню. Может всё изменилось? И действительно я и Маринка...

Ну, нет! Я ведь помню, что она станет, как ни странно учителем и будет вести уроки русского языка в нашей школе. Выйдет замуж за бизнесмена, а не за военного.

Олег всё не унимался:

— А Зеленина-то как на тебя смотрела! Ведь какой герой! Эльф — победитель громозек!

Ответить на подколку Олега я не успел, так как учительница прикрикнула на Савина, и заодно вызвала его к доске. Встав из-за парты, Олег прошипел мне:

— Рецепт зелья вспоминай.

И пошел, понурившись. А я, опять стал смотреть в окно, где открывался великолепный вид на далекие горы. Так, на чем я остановился? А, на том, чтоб такого придумать, чтобы отвести от меня Громозеку со товарищи? Просто так они от не отстанут.

О, так, я ведь Громину, практически, болевой прием провел! Интересно девки пляшут! А как у меня это вышло? Ведь я тут ещё не тренирован совсем, или всё дело в голове, то есть в самом знании. Блин, проверить бы как? С Олегом, что ли опробовать знание захватов и бросков? Конечно, разбивать кирпичи не надо, но элементарные приёмы возможны.

— Ну, вспомнил рецепт?

Это вернулся хмурый Савин. Я поинтересовался:

— Что получил?

— Гуся, чего же ещё? Я ж, по-английски, так как ты говорить не начал.

Зазвенел звонок — первая перемена. Все шустро собрались и вышли из класса.

Перемена в школе — это что-то! Представьте себе смесь гула стадиона в момент гола, плюс грохот прокатного цеха, плюс канонада целого арtpолка. И этот ор, от подвала до самого чердака, заполняет коридоры школы в короткие мгновения между уроками. Среди всего этого,

как броуновское движение, торпедами носятся ученики, причем увернуться от них сложнее, чем от самонаводящейся ракеты. Я вышел из класса и растерялся, но Савин, вцепившись в мой рукав, потащил меня прямо по коридору, при этом что-то мне говоря. Что он там говорил, не слышал. И не удивительно! Тут вообще ничего не услышишь! С удивлением прошел мимо двух беседующих учениц. И они друг друга понимают? Наверно читают по губам, больше никак. Олег свернул в дверь класса. Как только зашли в помещение, так я сразу услышал голос Савина:

— ...руг ты по-английски говорить начал. Ни с того ни с чего. Я тоже так хочу.

За нами входили другие ученики. Мы прошли к «камчатке» и уселись за парту. Олег выложил учебник математики и повернулся ко мне:

— Так и будешь молчать, как рыба об лед?

— Ты о чём? — не понял я.

— Всё о том же. Откуда ты английский знаешь?

— Так сказал же, что я желание загадал.

— А заклинание было — абра швабра кадабра? — поджав губы, прогнусавил Олег, — шпиён эльмовский!

Ученики, зайдя в класс, положили свои сумки по партам и собрались в кучки. Одна, полностью состоящая из девчонок, скучковалась рядом с учительским столом и тихонько зашушукалась, а пацаны подошли к нашей парте. От них посыпались вопросы:

— Вяз, а Вяз, тебе не страшно?

— Серёг, а на разбор пойдешь?

— А ты с ними вообще будешь говорить, или сразу в торец дашь?

— А ты их по-английски пошли, пусть тоже обалдеют.

— Скажи — как у тебя так вышло?

Ответил на все вопросы по порядку:

— Мне не страшно. На разбор я пойду. Никакого английского. С Громоzekой Вершиной надо только по понятиям, вот и поботаю по фене.

Разговоры и шушуканья сразу стихли.

— А что такое — ботать по фене?

Святая простота советского постпространства! Ведь это сплошь и рядом было! И говорили так почти во всех дворах и закоулках городов. А эти где были? Не хотели знать? Или слышать? Морщились при этом?

Но это же дети! — одёрнул я себя. И тут же поправил — но надо бы врага знать в лицо.

Я вздохнул и сказал:

— Это значит разговаривать как вор, преступник. Ботать — говорить, феня — воровской язык.

— Понятно. И ты его знаешь? Откуда?

Пожимаю плечами, импровизируя на ходу:

— А у меня дядя в зоне, работает. Рассказывал, что и как.

Евгений Переходников вдруг сказал:

— А я тоже могу по фене ботать!

Он закатил глаза, вспоминая, и, раздув щёки, выдал:

— Фраер, редиска, петух Гамбургский.

Я закрыл руками лицо и съехал со стула. Рядом забился в истерике хохота Олег. Половина пацанов крутила в недоумении головой и несмело улыбалась, а половина смеялась. Только, думаю, те, кто смеялся, просто поняли, что Евгеша сморозил чушь, но они тоже не знают, как на самом деле, на воровском жаргоне говорят.

Дверь открылась и в класс вошел... Василий Владимирович Коротов.

Вставая я аж подпрыгнул от неожиданности. Мелькнула мысль — откуда он тут? И тут же вспомнил — где ему ещё быть? Василию Владимировичу сейчас тридцать лет. Он часто бывает у нас в гостях, так как начинал службу у моего отца. Коротов воевал в Афганистане. После тяжелого ранения, демобилизовался, поступил в педагогический, закончил с золотой медалью. Начинал простым учителем в нашей школе, вёл математику и физику. Сейчас директор, но продолжает преподавать предметы.

Только Василий Владимирович сделал шаг от двери, как все ученики уже стояли у своих парт.

— Садитесь, садитесь.

Он положил классный журнал и осмотрел учеников. Остановился взглядом на мне, потом почему-то кивнул, затем произнес:

— Сегодня новая тема.

Коротов взял мел и написал на доске тему урока. Затем стал объяснять нам значения и правила по теме. Говорил интересно и понятно. На его уроках всегда было тихо, даже отъявленные школьные хулиганы сидели при нем тише воды, ниже травы. Закончив объяснения, Василий Владимирович дал нам решать примеры по теме. Я сделал половину задания, как директор вдруг громко сказал:

— Вязов, выйди-ка в коридор.

Удивленно переглядываюсь с Олегом, поднимаюсь и, под пристальными взглядами всего класса, выхожу за дверь. Интересно, что ему надо? Даже не знаю. Директор вышел следом, сказав оставшимся:

— А вы занимайтесь решением.

Он закрыл дверь и, повернувшись ко мне, спросил:

— Ну, рассказывай, что там у тебя с Громиным?

Пожимаю плечами:

— Ничего, повздорили, маленько.

— Маленько, говоришь? — усмехнулся Василий Владимирович, — и что ты собираешься делать? Может, помощь нужна?

Ну нет, в таких делах надо все решать самому, потому что, обратиться я за помощью к взрослым, все сочтут меня трусом. Что бы я потом ни делал. Закон городских джунглей. Я взглянул в глаза Коротова и веско сказал:

— Нет, Василий Владимирович, помощь мне не нужна. Ведь вы знаете, что проблемы мужчины решает сам.

Коротов кивнул и крепко пожал мне руку.

— Молодец, уважаю! Ты на отца похож. Такой же серьёзный стал.

Повернулся к двери и, взявшись за ручку, опять повернулся ко мне:

— Ты меня сегодня три раза удивил Сергей. В первый раз, когда я узнал о том, что ты дал отпор трем отъявленным негодьям в школе. Второй раз, когда на перемене ко мне зашла Александра Владимировна и поделилась своим потрясением по поводу, — он усмехнулся, — твоего Кембриджского произношения. И сейчас, когда я услышал слова настоящего мужика.

Он взъерошил мне волосы и улыбнулся:

— Пошли, герой, учиться дальше.

Василий Владимирович открыл дверь и пропустил меня вперёд. Все сразу подняли глаза и уставились на меня, провожая взглядами до парты. Я сел и пододвинул тетрадь ближе. Мне осталось решить один пример.

— Чего он тебя вызвал? — Олег прошептал, не отрывая глаз от тетради. Сидящие впереди Смольнякова и Тонина сразу навестили уши. Наклонился ближе к Савину и прошептал:

— Просто поговорили по-мужски.

— Ты во всем сознался?

Я помотал головой и принялся за решение примера. Сначала никак не мог сосредоточиться, затем увидел совсем простое решение задачи и сразу его записал в тетрадь. Вскоре прозвенел звонок и Коротов огласил домашнее задание. Он первым вышел из класса. Перед дверью на мгновение задержался, посмотрел на меня и подмигнул.

Я убрал тетради и учебник в сумку и спросил Олега:

— Что там у нас в программе обучения следующим по списку?

— Физра, — удивленно ответил Олег, — Ну, ты даёшь сегодня перцу! Какой-то ты сегодня не такой, шпён эльмов.

— Угу, встал не с той ноги, упился волшебного зелья и подвиги совершаю напролет.

Мы снова окунулись в гомон перемены. Я уже привычно шел, удачно уворачиваясь от шмыгающих по коридорам школяров, поддерживая разговор с Савиным и отвечая на вопросы идущих следом пацанов. Причем гомон мне совсем не мешал. Вливаюсь в ритм школы? Или просто адаптировался, и сознание вспомнило свои детские годы? Похоже.

А может, ничего, что я тут навсегда? Ведь, сколько раз хотелось начать жизнь сначала? Вот шанс. Фантастический, даже не верится, но он дан, благодаря тому загадочному сайту, где я в шутку пожелал в детство попасть. И попал. Правда тут проблема образовалась, но я решу её. Так, или иначе. Потом посмотрим — как дальше быть. А ведь я знаю все, что случится в будущем. Могу использовать свои знания на пользу друзьям и себе, конечно. Ведь я о будущем всё знаю, на двадцать лет вперёд. Обо всём, что в стране твориться будет. Обо всех денежных эволюциях. Могу на этом море денег заработать. Могу стать известным поэтом-песенником. Сколько шлягеров выпущу!

Можно начать вещать как Ванга. Хотя нет, не стоит. Сразу обратят внимание соответствующие органы. И так уже засветился — ни с того ни с чего на чистой английской мове заговорил. И ещё в записке подписался — шпион Эльмс. Неудачная шутка.

Как можно будет использовать свои знания, если на меня обратят внимание? Ладно, поживём — увидим.

С этими мыслями зашел в раздевалку.

Так как у меня был обычный костюм, а спортивной формы я не взял, то озадачено заозирался. Все ребята подошли к стене, где стоял стеллаж с многочисленными дверцами. Там оказались небольшие мешки. Пацаны, гомоня, вынимали их и расходились. Я тоже подошел. Ах, да, вспомнил — вся спортивная форма состояла из футболки, спортивных шорт и кед, которые складывались в мешок и хранились в ящиках. Найдя мешок со своей вышитой фамилией, принялся переодеваться. Снял галстук, свернул его аккуратно и убрал в сумку, здесь к пионерской символике пока относятся с высоким почтением. Переодевшись, первым вышел из раздевалки.

Школьный спортзал был огромен. Если бы не жестко установленные спортивные снаряды на поделенной пополам общей площади спортивного зала, то в нём можно было играть в мини футбол. В свободном от спортивных снарядов месте, площадка для баскетбола или волейбола, на которой, в данный момент, была натянута волейбольная сетка. В дальнем углу, рядом с установленными турниками и прочими снарядами, место, застеленное жесткими матами. Все стены разрисованы спортивными символами и девизами типа — «выше, быстрее, сильнее», и «спорт — это жизнь». В другом углу, рядом с канатом, висела большая боксерская груша.

Вот что мне надо! Для полного счастья не хватало только макивары. Я сразу направился туда. На матах несколько раз кувыркнулся и проделал разминочные упражнения.

— Ты че дурью занимаешься?

Савин остановился у края мат и с интересом смотрел на меня, да не только он, весь класс глазел на мои кульбиты. А, плевать, пусть пялятся, мне нужно выяснить — что я могу. Скользящей походкой приблизился к висящей груше и без промедления нанес серию ударов. Ногой прямой в грудь, три руками по корпусу и в голову, последний удар ногой в голову, а напоследок крутанулся, присев и проведя ногой вокруг, сбивая возможного противника с ног.

Ой! В паху сразу заболели растянутые мышцы и засадили кулаки. Сел на мат, не подавая вида, что мне больно и взглянул на остолбеневших одноклассников. Савин захлопнул рот и выпалил:

— Здорово!

— Ты прям как Талгат Нигматулин, — добавил Переходников, — я в «Пиратах» видел. Карате, да?

Я пожал плечами, какая разница, пусть для них будет карате, хотя им и не пахнет. Просто похожие удары.

— Брюс Ли круче, — хмыкнул Олег, но никто, кроме меня не обратил на это внимание. Откуда Савин про него знает? Читал, или, скорей всего фильмы смотрел.

От пацанов посыпались вопросы:

— А ты давно карате знаешь?

— А почему раньше не показывал?

— Серег прием покажи тот, ну тот, которым ты Громозяку свалил.

Я согласился показать, так как необходимо проверить, получаются ли приемы или нет. Может, с Громиным всё случайно вышло? Отбив всех желающих в сторону, напротив меня встал Савин.

— На мне показывай, Сергей-сан.

И картинно поклонился, шутник. Все засмеялись, но затихли когда поклонился я. Олег внимательно посмотрел на меня:

— Ну?

— Что ну?

— Вставай в стойку.

— А зачем, нападай так, — улыбнулся я.

— Что, прям так?

— Да нападай же!

Савин, взревев как заправский паровоз, выбросил руку вперед. Я поймал кисть, и крутанулся телом навстречу. Бросок. Ноги Олега описали полукруг и он впечатался в мат, но сразу вскочил.

— А так?

Он схватился за моё плечо. Перехватываю руку Олега правой выше локтя, левой за кисть, скручивая руку шагаю в сторону, его рука заламывается за спину, и Савин семенит, согнувшись к полу.

— Ой-ё!

— Разговорчики прекратили!

Физрук грозно оглядел строй, взглядом избегая меня.

— На первый-второй рассчитайсь!

— Первый, второй, первый, второй.....

Класс разделился на две половины. Женская часть стояла отдельно, отдельно и занималась делением пополам. После расчета физрук объявил:

— Так как план урока был сорван, то нормативы я приму на следующем уроке. А сейчас разбиваемся на две команды и играем в волейбол.

Все одобрительно зашумели, так как играть всегда интереснее, чем сдавать нормативы.

— Вторые номера на ту половину поля, первые на эту. По местам, марш-марш!

Сам полез на судейское кресло на торце сетки, а мы разошлись по площадкам. Раскинули, кому подавать? Досталось нам. Я взял мяч и встал на подачу. Свисток, и я, подкинув невысоко мяч, отправил его за сетку. Свисток.

— Неправильная подача!

Посмотрел удивленно — я, после подачи, приземлился за линией, мяч упал в поле, не задев за сетку, чего ещё?

Ладно. Подача с той стороны, мяч летит на меня, принимаю его, передавая Савину, и кричу:

— Дай!

Олег поднимает мяч, но дальше от сетки и в сторону. Бах, мяч ударился в край сетки, но перекатился на противоположную сторону, и упал вниз. Соперники не смогли принять его внизу. Свисток.

— Сетка. Счет один ноль, — и показывает на наших соперников.

Возмущенно загудели:

— Как так? Это же не подача. Мяч-то в поле.

Свисток.

— Сетка есть сетка, не спорить! Один ноль. Подавайте.

Я скрипнул зубами — специально судит против моей команды. Хотя это просто игра, но обидно...

Подача. Мяч принимает Бердников, от него к Савину, тот бьёт неудачно и мяч летит в сторону. Еле его догоняю и отправляю на поле соперников. Свисток.

— Потеря мяча. Два-ноль.

— Почему, — возмущаюсь я, — мяч же не ушел?

Громин опять кривит рот:

— За то ты вышел за линию.

— Ну и что, правилами не запрещается принимать мяч за пределами площадки.

Физрук наклонился и прошипел мне:

— Ты будешь спорить с учителем, сопляк? Подай мяч так, как подаёт настоящий мужчина, и я соглашусь с твоими правилами. Урод мелкий!

Ребята тихо загудели.

— Эти правила не мои. — Я, скрипнув зубами, взял мяч и принципиально встал на подачу.

Сопляк, значит? Значит урод мелкий? Чувствую, как начинаю закипать. Учитель, значит? Мстит за утреннее унижение брата?

Я видел его перед собой, сидящего в двух с половиной метрах над полом. Смотрит на меня и криво лыбится, а свисток во рту. Подачу тебе как мужчина подать? Сейчас подам! Пристально посмотрел на свисток. Громин свистеть не торопился. Так и щерился, глядя на меня. Я свистка ждать не стал. Злость придала сил и, подкинув мяч, с разгона так вдарил по нему...

Чмок!

Физрук схватился за лицо, закашлялся, выплевывая осколки размоленного пластика. Потом слетел с судейского стула и кинулся ко мне.

— Сучёнок! Да я тебя закопаю.

Он схватил меня резко, сильно сжав и закрутив в узел вместе с кожей футболку. От боли в глазах потемнело. Я сразу пожалел, что допустил это. Надо было уйти в сторону...

Сквозь зубы говорю:

— Вы не учитель, разве так с детьми поступают?

— Что ты можешь знать о жизни, щенок? — он без труда оторвал меня от пола и прошипел, брызгая слюной:

— В этой жизни всегда права сила. А ты слабак. Ну и где твое карате? А? Не слышу?

Громин стоял в вполоборота, держа меня на полусогнутой руке почти не напрягаясь. Вынырнув из кипящей в груди боли, сквозь зубы, а больше никак, я сиплю ему в лицо и думаю — куда ударить так, чтобы он меня выпустил:

— Ты, урод, прав в одном — сила правит этим миром. Но на силу всегда найдется другая сила.

— Но не сейчас, — Громин отводит руку для удара.

— Отпусти его!

На руке физрука повисают Савин и Маринка, причем Зеленина хватанула Громина зубами за руку. Тот отпихнул Маринку, и с легкостью швырнул Олега в сторону.

— Всем стоять! — Физрук развернулся по кругу. В тумане боли я видел, как нас окружил весь класс.

Громинское лицо оказалось почти рядом. Я тут же схватил его за нижнюю губу и потянул. Знаю, это очень больно. Громин, выпустил меня и обеими руками схватился за руку, но тут он ничего сделать не сможет, пока его губа зажата моими пальцами.

— Ё... отфусты, уфью, гаденыш.

Я облегченно вздохнул, так как боль в груди сразу ушла, осталось только легкое жжение, будто от ожога. Плевать, пройдет. Весь класс изумленно замер — тринадцатилетний мальчишка стоял и с лёгкостью управлял здоровенным мужиком. Я наклонился и прошептал Громину на ухо:

— Я тебя сейчас отпущу, но не вздумай опять дурить. Хорошо?

Дождавшись его кивка, продолжил:

— Советую поскорей уволиться. В школе, таким как ты, не место.

Отпустил и пошел в раздевалку.

— Серый, сзади!

Я резко повернулся. Физрук замер с занесённой для удара рукой, но он смотрел мимо меня.

— Что тут происходит?

У входа в спортзал стояли директор и преподаватель энвепе Спартак Семенович Нефедов. Громин опустил руку и открыл, было, рот, как весь класс загомонил, рассказывая — что тут произошло.

Василий Владимирович и Спартак Семенович молча слушали, переводя взгляд от ученика к ученику. Потом вместе посмотрели на Громину, который скривился в кислой мине:

— И вы им верите?

Коротов покачал головой и сказал:

— Верю, Громин, верю. Я достаточно видел... — Коротов покачал головой, — чтоб через пять минут у меня в кабинете, на столе, лежало заявление по собственному желанию, а через десять минут, чтоб духу твоего в моей школе не было!

Громин сорвал с шеи бечеву, оставшуюся от свистка, и сплюнул на пол.

— Ну и х... с твоей школой.

И физрук вышел из спортзала. Нефедов катнул желваки, сжав кулаки.

— Мразь, какая же он мразь. Так поступать с детьми!

— Спокойно, Спартак Семенович, пусть идет. — Василий Владимирович положил руку Нефёдову на плечо. Потом повернулся и посмотрел на меня.

— Ну что, герой, я вижу у тебя сегодня трудный день? Ты меня извини, я поздно сообразил насчет Громина.

Я потер саднящую грудь и кивнул:

— Да ладно. А день действительно трудный, какая-то сплошная черная полоса. Даже не знаю, когда белая начнется.

— Ты вот что, Сергей. Дальше у вас русский язык и литература? От уроков на сегодня я тебя освобождаю, Елене Михайловне, я насчет тебя скажу. Иди-ка со Спартаком Семеновичем, посидишь в кабинете энвепе, до конца уроков, потом он своих учеников попросит проводить тебя до дома. Лады?

Этого только не хватало! Я понимал, что Коротов хочет оградить меня от неприятностей, но он, как многие учителя и взрослые, не понимает, что от моей беды не убежать. Не сегодня, так завтра или послезавтра, мне придется решать проблему с Громинской компанией. От этой, пока ещё шпаны, но уже поднимающей свою голову в преступной истерии, которая захлестнёт страну через несколько лет, никуда не деться. Физрук Громин прав — сила правит этим миром, и ей нужно противопоставить свою силу. Так или иначе, мне придется решать всё самому. Как? Пока я не знаю, но думаю, решение найдётся.

Я поднял голову и посмотрел Коротову в глаза.

— Не надо, Василий Владимирович, вспомните, что я вам у кабинета математики сказал.

Тот покачал головой:

— Не дури, Сергей, иди, переодевайся, а Спартак Семёнович тебя тут подождёт.

Я вздохнул и направился в раздевалку.

— Серёж, тебе больно? — Это рядом семенила Зеленина, заглядывая мне в глаза.

Я остановился.

— Терпимо.

А она красивая. Вьющиеся волосы, чуть вздёрнутый носик, а глаза...

И смелая.

— Спасибо тебе, Мариш.

И поцеловал её в губы. Она тут же покраснела и опустила голову. Из спортзала начали выходить ребята, и Зеленина юркнула в женскую раздевалку, а я, вздохнув, направился в мужскую. Там вокруг меня собрались одноклассники.

— Ну ты, Вяз и даёшь!

— А почему ты его сразу не ударил?

— А здорово ты физрука схватил!

— Отстаньте от него. — Олег рукой отодвинул окруживших меня мальчишек. — Не видите,

плохо ему. Серёга, ты как, нормально?

Я кивнул, мне действительно стало плохо. Начался отходняк от слишком большой дозы адреналина, практически ударной для пока ещё детского организма. Быстро оделся, стараясь унять дрожь в руках, взял сумку.

— Погоди, Серёга, — Савин подошел и прошептал, — ты не уходи без меня домой, хорошо?

Я кивнул и вышел в коридор.

— Пойдем, — на плечо легла ладонь Нефёдова, — посидишь у меня, посмотришь, как автомат разбирают и собирают. Видел когда-нибудь настоящий автомат?

Я кивнул — естественно видел. Даже чуть не ляпнул, что уже двадцать лет с ним родимым, не расставаясь, живу... жил. Правда, последнее время больше с пистолетами работали...

— Вот и славно, — улыбнулся Нефедов, — я десятиклассникам скажу, чтоб дали тебе его попробовать на разборку-сборку.

Я усмехнулся про себя — попробовать разборку-сборку, и, вдруг, обнаружил, что меня отпустило. Руки перестали трястись, тревога стихла, настроение опять поднялось. И почувствовал, что решение проблемы витает где-то рядом, только осталось поймать.

Зашли в класс энвепе, где у одного из столов толпились десятиклассники.

— Ребята, минутку внимания! Вот этот парень тут посидит, — Спартак Семенович подтолкнул меня вперёд, — присмотрите, чтоб никто не обижал. Хорошо? И пусть попробует с автоматом повозиться.

— Хорошо, Спартак Александрович.

— Андрей иди на пару слов. — Нефёдов вышел за дверь. Один из десятиклассников выскочил следом. Отсутствовал недолго. Зайдя в класс, он внимательно на меня посмотрел:

— Ты Вязов?

Я кивнул. Он крепко пожал мне руку.

— Молоток, ты правильно сделал. Им давно надо было по репе настучать. Ну, пойдем.

Я подошел к столу со стороны окна и, облокотившись о подоконник, стал смотреть на то, как один из парней разбирает автомат на время.

— Всё! — Щелкнув секундомером, высокий десятиклассник, объявил результаты. — Двадцать одна с половиной. Уже лучше, но даже до тройки не дотянул. Потом попробуешь ещё раз.

Щелкнул кнопкой, сбрасывая секундомер на ноль и скомандовал:

— К сборке приступить!

Защелкали собираемые части автомата. Парень замешкался, вставляя затворную раму — она никак не входила в паз. Время кончилось и, ругнувшись, уже не спеша, собрал автомат и положил на стол. Высокий десятиклассник сбросил время и махнул рукой.

— Отдохни пока. Следующий.

Я долго стоял и смотрел, как парни по очереди подходят к столу и сдают норматив. У многих получалось медленно, и они повторяли подходы, не отвлекаясь на перемены.

Я глянул на настенные часы — двенадцать двадцать. Ого! Как время пролетело — скоро конец пятого урока. Дождался, когда один из старшеклассников соберет автомат и поднял руку:

— Можно я?

Все повернулись ко мне, а высокий кивнул:

— Давай, а как разбирать знаешь?

— Знаю.

— Ну-ну, знаток, посмотрим. Санек, освободи место у стола.

Стол оказался мне немного высоковат, но ничего, справлюсь. Заодно проверю — остался ли навык, и как быстро смогу разобрать автомат.

— Ну, готов?

— Готов!

— К разборке приступить!

Я быстро раскидал автомат на части. Разобрал без заминки, нигде не сбившись. Это хорошо, просто отлично. Все, что я мог взрослым, могу и сейчас. Только силы так и остались на том же уровне тринадцатилетнего организма. А что я хотел? Чтоб накачанные на постоянных тренировках мышцы перенеслись вместе со мной? Значит, со временем буду наверстывать это дело тут. Только осталась проблема с Громиным и, наконец, я понял, как её решить. Раз вся эта братия признаёт только силу, и Громозека у них за авторитет, значит надо просто дать ему в торец, да так дать, чтоб отбить все хотение со мной связываться, а остальные тоже махом отвянут. И это подействует, я знаю. Вот только от опеки осталось избавиться.

Тем временем десятиклассник уставился на секундомер и потрясенно пробормотал:

— Не может быть! — Он оторвал взгляд от циферблата и посмотрел на меня. — Тринадцать секунд!

— Как? — Все вокруг него сразу сгрудились, заглядывая на циферблат секундомера.

— Да, покажи ты!

Тот развернул секундомер, показывая застывшую стрелку.

— Что тут? — Это в класс зашел Нефёдов.

— Вот, Спартак Семенович, — высокий десятиклассник показал секундомер, — он разобрал за тринадцать секунд!

Нефёдов перевёл взгляд на меня:

— Это же армейский норматив. Ты где так научился? Так, стоп, пусть соберет автомат, а мы посмотрим.

Я пожал плечами и приготовился к сборке.

— К сборке приступить.

Сборка отняла чуть больше времени, чем я обычно собирал. Все-таки собирать трудней, и автомат сейчас больше кажется, но впечатление на всех произвел, включая Нефедова. Потом, по просьбе военрука, ещё несколько раз повторил разборку-сборку.

— Ого! Да, парень, у тебя талант есть. — Нефедов с интересом посмотрел на меня:

— Кем стать собираешься?

— В военное училище поступлю.

— Доброе дело. — Кивнул военрук. — Могу помочь. У меня много друзей и сослуживцев в общеобразовательном и пограничном училищах.

— Нет, спасибо, Спартак Семенович, — я отрицательно помотал головой, — отец мне говорил — счастье куётся своими руками, так что я сам.

В дверь просунулась голова Савина.

— Серёга, домой пойдешь?

— Да. — Я взял свою сумку и посмотрел на Нефедова. — Я пойду, Спартак Семенович?

— погоди, Сергей, — Нефедов повернулся к старшекласснику, — Андрей, проводи парня до дома.

Я вздохнул и, подойдя вплотную к Савину, прошептал:

— Олег, как от конвоя избавиться?

Тот вопросительно поднял брови и показал глазами на собирающегося десятиклассника. Я кивнул.

— Через туалет, — предложил Савин.

— Не пойдет, он тоже может за мной пойти.

Олег пожал плечами:

— Тогда не знаю. Может, просто сбежим, как отвлечется на что-нибудь?

Ответить я не успел, десятиклассник подошел к дверям.

— Пошли?

Мы вышли из класса и спустились по лестнице на первый этаж. Я направился к туалету, где в жаркую пору всегда были открыты окна. У входа десятиклассник остановился и заговорил со знакомыми парнями, а мы шмыгнули в туалет. Олег задержался в двери, наблюдая за

десятиклассником, и махнул мне, что можно вылезать. Я выскочил на улицу через окно, вслед за мной выпрыгнул Савин. Пробежали вдоль корпуса, свернули за угол, и уже шагом пошли по направлению заброшенного сквера.

— Зря ты домой с ним не пошел, проговорил Савин, — так и ищешь неприятности на свою голову.

— Э, Олег, ты сам знаешь, что спрячусь я, то только хуже себе сделаю.

— Да, ты прав, но... — Олег огляделся по сторонам, — Их же трое будет, а то и другие припрутся, и карате твоё не поможет. Что тогда делать будешь?

— Есть одна идея. Если получится, то всё будет хорошо, — я прищурился, глядя на друга, — так ты со мной? Или как?

Олег стукнул кулаком себя в грудь:

— Я ж уже говорил, что с тобой, а будешь во мне сомневаться, в рог сейчас получишь, не успеешь и «кия» крикнуть.

Хороший у меня друг! Я рассмеялся и мы, положив руки на плечи друг другу, пошагали к месту randevu, напевая песню из фильма:

— А нам все равно, а нам все равно,
Пусть боимся мы волка и сову.
Дело есть у нас — в самый жуткий час,
Мы волшебную косим трын-траву!

Глава 4

Мы уже полчаса торчим у беседки — места, где постоянно тусуется компания Громина, и куда он мне указал явиться на разбор. Вокруг беседки росли старые берёзы и яблони. В десяти метрах, за кустами шиповника, был забор, отделяющий сквер от дороги. Эта дорога шла мимо школы и жилых домов. По ней мы часто возвращались после уроков домой. А сквер был частью дома отдыха, пока закрытого на ремонт. В скверике часто собирались разные компании. Пили пиво, устраивали разборки, просто тусовались. Сюда же ходили гулять собачники. Собирались в компании, рзбиваясь по породам своих питомцев. Сквер был большой, и места хватало всем.

— Может, они не придут? — Савину надоело сидеть, и он принялся ходить туда-сюда.

— Может, — кивнул я, — но проблему это не снимет. Ждем.

Мне самому уже надоело ждать. Странно, раньше я такого за собой не замечал. Всегда хватало терпения, особенно когда подолгу в засадах сидели. Были, конечно, исключения, подобные последнему дню перед отпуском, когда приходилось на солнце париться...

Сейчас тоже жарко, но мы сидим в тени, и сама жара не так достаёт. Недавно отцвели яблони, но пахнет яблочным цветением так, что голова кругом. А ещё пахнет перечной мятой. Все вокруг фантастически ярко-зелёное. Непривычно. В Поволжье май не такой зеленый. Только-только зацветают яблони, листья деревьев совсем недавно, прорвав разбухшие почки, развернулись свежей зеленью. А тут уже вовсю спеет ранняя черешня.

Рядом с беседкой росла большая яблоня. Я поднялся и подошел. Завязи уже набухли,

формируясь в будущее яблоко. Наверняка знаменитый «Апорт», который растет только тут. То есть, именно такой. Яблоки здоровенные, запросто можно было найти плод весом за полкило. И цвет у них сказочный — жёлто-зелёный фон с красно-коричневой росписью. А вкус! М-м-м, наинежнейший! Всегда с нетерпением ждали когда созреет самое вкусное яблоко. Мне придётся потерпеть до сентября. Как-то мне Олег звонил, ещё до попадания, что в связи с распродажей земли под частное строительство, загубили все яблоневые питомники. Так что того знаменитого апорта больше нет. Эх, люди-люди, что вы творите.

Конечно этот сорт и в других местах растет, но он не такой как здесь.

Помнится интересный случай был. Как-то после выходных мы в управлении у командира в кабинете сидели. Вызовов не было, все вопросы решены, так и сидели — болтали за жизнь. И тут заходит Жихарев с большой сумкой. Вид сияющий, как будто миллион выиграл. Загадочно так глянул и начал медленно сумку расстегивать. Ребята пьются на это представление молча. Белкин вообще застыл статуей рядом со столом. А Олег как гаркнет:

— Та-да! — и сумку распахивает, а там яблоки.

— Вредно сотрудников на выходные отпускать. Крыша от безделья едет, — хмыкнул Белкин, а остальные только плечами пожали. Тот год выдался огромным яблочным урожаем, вот и не впечатлились парни от привезенных даров природы. А Жихарев опять распахивает сумку и говорит:

— Да вы что, мужики. Тут яблоки — вы таких ещё не видали. Здоровые, как дыни! Апорт называются!

И начал выкладывать яблоки на стол. Вот тут народ загудел, удивляясь. А Олег довольно пихнул меня:

— Ну как, ты удивлён?

Я его тогда разочаровал. Рассказал историю, и то, что видел плоды покрупней этих, на родине сорта.

Да — подумал я, глядя на яблоню, — ждать придется. Опять ждать — подумал уже раздраженно. Блин, чего это я? Или во мне пошли изменения? Я, помнится, в детстве нетерпеливый был, впрочем как все дети. Это что, моё тело ребёнка начинает влиять на сознание? Скверно будет, если вместо знания о будущем, память украсится белым пятном. Ведь я уже изменил течение времени. Вмешался, дав отпор Громозеке. Такого в моей жизни не было. Теперь есть, но я не жалею. И если он появится тут, то закреплю успех, а дальше посмотрим — как дела пойдут.

Со стороны дороги донесся гогот и через забор перелез чем-то довольный Громозека, за ним легко перескочил Вершина. Кто-то закричал и ограду начал форсировать Толща. Их пришло трое, нет, кто-то еще есть — он подсаживает Тощева с другой стороны. Тощев, наконец, покорил вершину забора и, вдруг сорвавшись, рухнул вниз. Громин опять заржал:

— Гы-гы-гы, как мешок г...а п...ся, гы-гы-гы.

Зазвенело стекло, и из-за забора появилась рука с авоськой, в которой было две стеклянных трехлитровых банки с пивом. Ага, пивка пришли попить. Так-так, ладно. Я повернулся к Савину:

— Олег, будь у беседки. Только не вмешивайся, я сам все решу, — и прервал возражения Савина, — я знаю что делаю, не спорь. Если вмешаешься, то всё испортишь, так что если что-то пойдёт не так, то лучше беги.

Савин сразу зашипел на меня.

— Я никуда не побегу.

Я поднял руки, успокаивая Олега, развернулся и пошел навстречу Громозеке.

— О! Гля, Громила, Связок явился! — Вершина ощерился и показал на меня.

Я остановился между двух больших кустов шиповника и стал ждать.

— Кого я вижу! Фраер явился не запыхавшись! — Громин кривя рот так же как физрук, шагнул ко мне и спросил:

— Ну чё, Связок, принес червонец, или тебя по понятиям разобрать?

Я вздохнул — про понятия толкует, а сам на стрелку опоздал. Сделав скорбное лицо, я сообщил Громину:

— По понятиям, опоздавшего на стрелку, самого ставят на правило, — взглянул в сторону Вершинина, — не так ли, Вершина? Тебе, брательник-аристократ, наверняка протравил всю забаркасную суть?

Вершинин придержал за плечо, сжавшего кулаки и двинувшегося было на меня Громозеку. Хмуρο кивнул и поинтересовался:

— Откуда по понятиям ботаешь?

— Не важно, — ухмыльнулся я. Половина дела сделана. Правильно я рассчитал — вон как слушают! Продолжаю действовать по плану:

— Предлагаю развести дело так — я и Громин, тут, на этом месте, один на один, решаем свой вопрос. Только костями, без перьев. Ты, Вершина, как «ведающий», присмотришь и рассудишь. Потом, без лишних базаров расходимся краями, — я склонил голову в бок и, прищурился, — законно?

Вершина, чуть промедлив, кивнул:

— Законно.

Я показал на набычившегося Громина:

— Тогда растолкуй ему.

И отошел на несколько шагов назад. Всё складывается пока нормально, как и задумывал — дам в торец Громозеке и вопрос будет снят.

— Ну что? — Это подошел Савин.

— Я внёс предложение, — кивнул в сторону собравшейся в круг компании, — решат, что моё предложение правильное, то я разбираюсь с Громозекой и всё, вопрос закрыт.

— А сможешь?

— Смогу, Олег. Ты только не лезь, ладно?

— Хорошо, Серёга, — он показал за забор, — там ещё один сидит, не заметил?

— Заметил, пусть сидит.

Честно говоря, вся эта компания меня не так беспокоила, как тот, что остался за забором. С этими все ясно, а тот что? Чего он там спрятался, готовит какую-нибудь пакость? Или просто испугался? А может это старший брат Громина? Нет, он бы не прятался. Ладно, посмотрим. И ещё появилась мысль, что вовсе не Макс в этой компании верховодит, а Вершина, вон как тот его внимательно слушает. Самой драки я не боялся. Громин старше меня на два года, на полголовы выше, чуть ли не в два раза тяжелее и, соответственно, сильнее. Но я подвижней, ну и знаю кой-чего. Буду его изматывать — уворачиваться и наносить удары. Обязательно уходить из-под его кулаков. Если он хоть раз попадет, то весь план летит к чертям. Вот как подустанет, так и ногами можно будет поработать. С ним такая тактика пройдет. Вот с его братом я бы действовал по-другому, потому что он гораздо сильнее и опасней, а после сегодняшних событий ещё и злой, и не только на Коротова.

Наконец, совещание закончилось и Вершинин повернулся ко мне.

— Предъява принята и условия признаны пацанскими. Ты, Вяз, с Громилой, махаетесь здесь один на один. Джаги и дубиналы в ход не идут. Махаловка идет до первой крови. Никто в ваш разбор не лезет. Слово пацана. После разбора, все базары признаются гнилыми.

— Вот и отлично! — Отметил, что в голосе Вершины зазвучали нотки уважения.

Я, глядя на забор, где сквозь узкие щели досок угадывалась чья-то сидящая фигура, скинул спортивную куртку, развязал галстук и снял рубашку, оставшись в смятой физруком футболке. Все передал Савину. Олег взял одежду и отошел к беседке, шепнув мне:

— Удачи.

Громин, сжимая и разжимая огромные кулаки, ухмыляется:

— Ну что, Вяз, претендуешь на правильного пацана?

— Нет, Макс, мне это ни к чему, — я встряхнул руками и начал плавно перемещаться, готовясь к атаке Громина. Вспомнив фразу из любимого фильма, добавил:

— Мне за державу обидно.

Лицо у Громозеки в удивлении вытянулось, потом скривилось, и он, зарывав, резко выбросил вперед свой огромный кулак. Мягко отвожу его руку ладонью и, подныривая под неё, правой наношу удар Громину в грудь.

— Млять! — Макс развернулся, потер ребра и тут же кинулся на меня, молотя кулаками как мельница. Я ушел от двух махов, увернулся ещё от одного, ударил сам, отскочил, поставил блок и зашипел от боли. Все-таки сильно бьет Громила! А он молотил не переставая. Ушел от очередного бокового удара, Макс по инерции провалился вперед и подставился.

Бац!

Громин получает удар ногой в ухо, отскакивает и трясет головой, тяжело дыша. Однако быстро приходит в себя, и опять атакует. Но его кулаки уже не так быстры и я сам уж запыхался. Нет ещё у меня подготовки, как была в будущем. Надо закругляться. Уходя от очередного удара резко присел и крутанулся на правой ноге, левой подбивая ноги Громина. Он рухнул, а я вскочил и сделал шаг назад, мельком оглядываясь вокруг и заодно переводя дух. Вершина и Тощев стояли в стороне и внимательно наблюдали, Савин с моей одеждой находился у беседки, а тот, что за забором сидел — так там и сидит. Громин медленно поднялся и, выставив руки, рванулся на меня. Упертый, блин! Я сделал шаг вперед, чтоб нанести удар и... споткнулся, наступив на старую ветку. Громин крепко обхватил меня руками и заржал — Все, Связка, я час из тебя котлету сделаю.

И как удав сжал руки. Вырваться бесполезно, Громозека сильнее. Он неосторожно приблизил своё лицо, и я, недолго думая, боднул лбом его в нос. Объятия сразу разжались, Громин схватился за разбитый нос, из которого хлынула кровь. Все, по условиям я победил, схватка закончилась. Глянул на Вершинина. Тот кивнул:

— Все было по-пацански. Базар закончен.

Но Громила так не считал. Он, увидев кровь, размазал её по лицу, потом взревев, кинулся к оставленной у банок с пивом куртке, выхватил что-то из кармана и развернулся ко мне. В руках блеснул нож.

— Гром, ты чё? — Тощев испуганно закрутил головой, а Вершина зашипел:

— Макс уймись, брось перо. Все было по-пацански.

— Отвянь. — Громин махнул клинком в их сторону, те отскочили, потом приблизился ко мне и пошевелил лезвием.

— Я тебя на куски порежу, падла. За всё ответишь. И за утро, и за брательника...

И стал, помахивая ножом медленно приближаться. За спиной раздался треск, это Олег Савин выламывал из беседки доску. Только этого не хватало! Начнется свалка, ещё зарежут кого. Я сделал обманный выпад, и Громозека купился — он махнул ножом, а дальше...

Откуда ему знать, что в теле тринадцатилетнего пацана находится мужик, отслуживший в спецподразделениях двадцать лет, и что на занятиях по боевой борьбе основное направление — это защита от ударов ножом? Особых сил прикладывать не пришлось. Руки, даже в этом теле, словно тренированные, действовали автоматом — Громин угодил в классический захват. Ногами прочертив полукруг, Макс грохнулся на спину, получив вдобавок сильный удар в грудь, чтоб не сразу в себя пришел, а нож остался у меня в руках.

Я посмотрел на клинок. Ручная работа — узкое, длиной в пятнадцать сантиметров, лезвие было насажено на набранную из цветного плексигласа рукоятку, весьма популярную в известных кругах. У меня там, в будущем, дома осталась неплохая коллекция подобных ножичков. Я покрутил его в руке — а ничего, баланс хороший. Глянул на замерших и внимательно наблюдающих за движением ножа Вершинина и Тощева, я усмехнулся, а Вершинин вдруг поднял руки:

— Ты в своем праве, он нарушил пацанский уговор.

Законник хренов! Я сплюнул — резать Макса не собираюсь, но напугаю. Присел рядом с Громиным. Тот отодвинулся, глядя мне в глаза, потом перевёл взгляд на порхающий нож в

моей руке и сглотнул. Я усмехнулся — уж слишком испуганно выглядит Громин.

— Успокойся, я резать тебя не буду. Только предупреждаю — дорогу мне не переходи. Ты меня нигде не видишь, я тебя нигде не вижу. Лады?

Громин мелко закивал.

— Вот и славно, Макс. И ещё, мой тебе совет — прекращай дурить и берись за ум. Вот это, — я остановил вращение ножа, — до добра не доведёт.

Я поднялся, глянул на нож и с силой метнул его в забор. Он вонзился рядом с тем местом, где прятался четвертый. Ручка брызнула осколками плекса, а за забором кто-то ойкнул, и раздался быстро удаляющийся топот.

Вот так и не узнал — кто там сидел, но точно не Громин-старший. Я повернулся и сказал Савину, держащему отломанную доску:

— Пойдем домой, Олег.

И забрав у беседки свою сумку и вещи, быстро пошел в сторону дома. Не привыкло ещё мое молодое тело к таким адреналиновым выбросам, но руки уже не так трясутся.

Я долго стоял под прохладной водой. Душ принес, наконец, облегчение и... чувство голода. Вышел из ванной и, вытираясь, направился на кухню. На столе обнаружил записку:

«Серёженька, я буду поздно. Извини, но ничего приготовить не успела. Свари картошку и заправь жареным луком. В общем, ты уже взрослый, справишься. Целую, мама. П.С. Про хлеб, молоко и сметану не забыл?».

Забыл. Ну что же, тогда сначала посмотрим, что есть в наличии, а потом уже и в магазин...

Я заглянул в холодильник. Так, что тут у нас? Немного вареной колбасы, банка соленых огурцов, плавленые сырки...

М-да, не густо. В пенале с сухими продуктами тоже. Только картошки и лука навалом.

Действительно надо в магазин бежать. Оделся, закрыл квартиру и, перепрыгивая сразу через несколько ступеней, побежал по лестнице вниз. На площадке третьего этажа, не успев остановиться, столкнулся со здоровенным мужиком.

Это оказался Генка Ким, наш сосед. Его квартира была рядом с нашей. Он был старше меня на десять лет и крупней в три раза. Ким до школы серьезно занимался велоспортом, но бросил, так как вымахал под два метра, и перестал давать хорошие результаты. Зато «заболел» альпинизмом. Постоянно в руках держал пару кистевых эспандеров или теннисных мячиков, которые он мял, тренируя пальцы. Сил имел немеряно. Говорили про него — по стенам солирует. Я только когда старше стал, узнал — что значит ходить по стенам соло.

Налетев на Кима, я отскочил от него, словно мячик и повалился на ступени. Генка успел придержать меня.

— Привет, — я протянул руку.

— Здорово, — отвечает он, перехватив теннисный мяч левой, жмет мою. Как тисками. Я потряхиваю рукой, а он интересуется:

— Куда-то опять несёшься, везунчик? — добродушно гудит он басом, — не беги, а то опять что-нибудь сломаешь! Чини потом...

И замолкает, глядя мне в глаза.

— Слушай, это, э-э-э... — Ким становится каким-то растерянным.

— Ты чего?

— Да взгляд у тебя, — Гена даже поёжился, — как через прицел смотришь.

Блин, не отошел ещё, в глазах злость осталась. Перед зеркалом потренироваться что ли? А то, как на родителей смотреть буду? Ведь тоже увидят. Оба Громина увидели, и Генка вот, случайно.

— Ладно, — говорю ему, — я в магазин шел, так что ничего не сломаю.

Ким встряхнул головой, улыбнулся, легонько хлопнул меня по спине, и пошел наверх, а я, получив эдакий кинетический импульс, спустился к выходу. Уже направляясь в сторону магазина, подумал — а ведь он меня «везунчиком» назвал. Это он про его разбитый велосипед и сломанный забор намекает. Столько лет прошло, а помнит до сих пор. Тьфу, блин, всё забываю. Для него это прошлым летом случилось. Но если Генка Ким видел меня совсем недавно, то я видел его последний раз двадцать лет назад. Но тот случай помню до сих пор.

Он тогда откуда-то на своём спортивном велосипеде прикатил, а я с Савиным у подъезда на лавке сидел. Делать было нечего, вот и сидели, смотря на то, как дед Косен (поджарый шестидесятилетний казах) латает недавно сломанный декоративный заборчик газона. Вдоль ограды росли аккуратно подстриженные кусты, а внутри вишни.

Подъехав, Генка остановился и прислонил велосипед к скамейке. Велосипед скоростной, спортивный, на тонких шинах. Я на таких великах ещё не катался, ну и попросил разрешения. Генка никогда жмотом не был.

— Не жалко, катайся. — Быстро подогнал сиденье под мой рост, а сам уселся на скамью.

Наш двор был большим. Четыре пятиэтажки стояли квадратом. Внутри двора, так же квадратом проходила дорога. Из-за того, что все дома стояли на склоне, в некоторых местах дорожка шла под уклон.

Водрузившись на велосипед, потихоньку поехал. Было непривычно крутить педали. Привыкая к маленькому рулю, педалям со стременами и легкому ходу, первый круг я проехал медленно. Когда проезжал мимо нашего подъезда, Генка крикнул:

— Скорости переключи! Быстрее поедешь.

Я повернул рычажок, и начал быстрее крутить педали. Здорово! Велосипед непривычно резво покатился вперед и почти полетел по дороге. Узкий руль уже не казался таким неудобным. В это время во дворе многие катались на велосипедах, и один из пацанов решил меня обогнать. Ха! Обогнать скоростной велосипед!

Вот только умеючи можно и головой стенку прошибить — это фраза не про того пацана, а про меня. На очередном повороте пацан вырывается вперед, за счет того что ехал по внутреннему кругу, но я мигом догнал его. Мы мчались уже с солидной скоростью, когда перед следующим

поворотом дороги я понял — если не приторможу, то не поверну. В панике забываю, что на таких велосипедах тормоз находится на руле. Отчаянно крича и вращая педали в обратную сторону, я летел как раз на деда Косена, приколачивающего очередную досочку к ограде.

Тресь!

Приложило, кувыркнуло, удар головой и... шмякнулся всем телом обо что-то жесткое, замерев в неудобной позе и с зажмуренными глазами.

— Да отпусти же, наконец!

Я вдруг обнаруживаю, что меня пытаются отодрать от ствола старой вишни, в который я вцепился. Причем висел на стволе вниз головой, а с дерева меня снимает Генка. Очумело встаю на ноги. В голове слегка гудит. Ким меня выводит к подъезду и сажает на лавку. Почему-то следом за нами, постанывая и держась за поясницу, плетется дед Косен.

— Ну ты, Серёга даёшь! — говорит Ким, — в цирке такого не увидишь!

Вокруг нас накапливаются люди. Соседи начинают ощупывать меня, начиная с головы, заканчивая ногами.

— Где болит?

— Чем ударился?

Сам себя осматриваю, но, кроме того, что немного шумело в голове, больше ничего не обнаружил. Ни синяков, ни ушибов, даже царапин нет.

— Обалдеть! — удивленно качает головой Генка, — такой полёт и цел. Ты Серёга везунчик. Глянь-ка...

Выводит меня на дорогу и показывает на то место, куда я врезался.

М-да. На асфальте с искорёженным колесом и погнутой вилкой, валяется велосипед, деревянная ограда проломлена, а в густом кустарнике промят проход, причем кустарник очень колючий. Как я не получил даже царапины — непонятно.

— А дед Косен чего, поясницу потянул?

— Ха-ха-ха... — засмеялся Ким, — нет, вы гляньте на него! Да ты его башкой своей за кустами догнал!

— А что, он туда сиганул?

— Ну да. Я даже удивиться этому не успел, потому, как следом ты в кусты влетел.

— Да? — чешу в затылке я, — а почему в сторону не прыгнул?

— Да потому, что к подъезду он бы не успел, а с другой стороны тот пацан летел.

— А он-то где? — закрутил я головой.

— Смылся куда-то, — хмыкнул Генка, — испугался, наверное.

Неудобно получилось. Велик сломал, деда Косена... забодал.

— Не унывай, — опять хмыкнул Ким, — наш старик сам за тебя испугался. Сразу меня кликнул и попросил сначала тебе помочь. А велосипед... велосипед починим.

Извинившись перед дедом Косеном, я, вместе с Генкой, починил проломленный забор.

Так вспоминая к магазину и пришел.

М-да. А что я хотел тут увидеть? Ставший уже привычным мне супермаркет? Этот гастроном не был похож на те, что будут в будущем. Стеклянные витрины украшали замысловатые пирамиды из рыбных консервов. Между ними, в гипсовых вазах лежали муляжи фруктов и овощей. Висели макеты разнокалиберных колбас, выглядевших не очень аппетитно, даже отталкивающе. И всё это было как-то серо, некрасиво... и старо. Вспоминая витрины магазинов будущего, я хмыкнул — конечно старо, тут кругом одни раритеты, как в музей попал. Музей восьмидесятых, блин. И одни музейные служащие, а я тут единственный посетитель.

Внутри магазина стало ещё интересней. Я прошел вглубь, пялясь на полки с продуктами. Ёкарный бабай! А цены-то! Сказочные, то есть всё какие-то копейки стоит. Макароны, вермишель, песок сахарный...

Но выглядят макаронные изделия... как мелко нарубленные резиновые шланги, и цвет соответствующий. Только это смущало одного меня. Люди подходили и брали уже упакованные изделия, совсем не обращая внимания на их цвет. Упаковка тоже не ахти — простой серо-коричневый бумажный пакет. Были и целлофановые, но мало. Помнится, их использовали многократно, отмывая, даже сушили как бельё на веревочках.

Я оторвал взгляд от стеллажей с сухими продуктами и прошел в молочный отдел. Протиснулся через толпящихся покупателей. Рядом с пирамидами ящиков, где рядами стояли пустые бутылки, звенели стеклом люди. Оказалось, сегодня завезли пепси, вот и стараются набрать побольше пока экзотического напитка. На ящиках с бутылками пепси-колы стоял ценник — сорок пять копеек. Рядом на полках сиротливо стоят бутылки «Дюшес» и «Буратино» по тридцать копеек, но сегодня на них никто внимания не обращает. Откровенно говоря, мне эти напитки были всегда больше по душе.

В молочном отделе я огляделся. Выбор «велик» — ряженка, кефир, даже сливки есть! Только тара непривычная и давно забытая — стеклянные бутылки с широким горлом и тетра-пакеты пирамидками. Я не решился брать молоко в пакетах, так как они все оказались помятыми и мокрыми, а взял пару молочных бутылок. Сметана была только на разлив, а я банку не взял. Не беда. Добыв в соседнем отделе целлофановый пакет, я подошел к продавщице, полной женщине лет тридцати.

— Литр сметаны, пожалуйста. — И протянул свою «тару».

— А что, банки не нашлось? — недовольно заворчала продавщица.

— Увы, мадам, — пошутил я, — дома вместе с головой забыл.

— О как! — подняла брови она, — а деньги хоть, не забыл?

Продавщица наложила сметану в пакет, завязала сверху узелок и протянула мне.

— Держи, безголовый.

— Спасибо, — я чуть склонил голову, — премного благодарен.

— Какая вежливая молодёжь пошла! — донеслось мне вслед. «Вам бы самим вежливость не помешала» — подумал я, подходя к кассе. За всё заплатил всего пятьдесят копеек. В будущем это обошлось бы в минимум в шестьдесят рублей.

Хлебный магазин был рядом. Выбор, по сравнению с будущим, тоже невелик, хотя, только белого хлеба четыре вида — обычная буханка, караваем, батоном и лепешкой. То же самое касалось темных сортов хлеба. Я взял буханку белой и пару лепешек, они с молоком больно вкусны.

Сложив все в пакет, двинулся на выход, где и остановился. Наконец я понял — что за мысль не давала мне покоя. Как-то фильм смотрел про Брежнева, так там он в один из магазинов зашел, на полки пустые посмотрел. Напутали режиссеры, не было пустых полок, я только что видел, да и не помню я дефицита. Овощей и фруктов было завались, копейки стоили. И колбасы было несколько видов даже в обычных магазинах, а зайти в кооперативный продуктовый, так там вообще запутаешься с выбором. Пусть цены чуть выше, но не было продуктового дефицита, по крайней мере здесь, в Алма-Ате. Вот некоторых товаров было не достать. Например, телевизоры были в дефиците, магнитофоны, кассеты...

Напротив гастронома стояло два киоска. На одном надпись — «Союзпечать», на втором — «Мороженое». Ноги сами понесли в сторону «Союзпечати», на газеты глянуть, точнее на даты. В школе-то как завертелось, так и не выяснил число. Ближе всех лежала Правда. А дата... двадцать четвертое мая.

— Это сегодняшние газеты? — спросил я у киоскёрши.

— Вчерашние, задержали привоз, — оторвалась от чтения журнала та, — а что интересует, молодой человек?

Покупать прессу я не собирался. Газет и журналов и дома полно, отец их много выписывал. Почту по утрам приносят. Женщина все ещё вопросительно смотрела на меня, и я помотал головой:

— Нет, ничего.

Двадцать пятое число. Блин, в голове сразу что-то завертелось. Что должно случиться сегодня?

Повернулся и чуть не столкнулся с Ларисой Раевской.

Она облизнула мороженное и, покачивая авоськой с хлебом, прищурилась:

— Прессой интересуешься?

— Нет, больше числами.

— Ты домой, или ещё куда? А то пошли, провожу. — И смотрит заинтересованно.

— Привет! — Это подошла Смольнякова, тоже сумку с продуктами держит. Я заметил взгляд Раевской, явно недовольной появлением Верки. Что-то раньше девчонки не обращали на меня такого внимания, а теперь разом начали глазки строить. Причина-то понятна...

— Привет, — киваю Верке, — я домой иду, пошли?

Направился в сторону дома, а девчонки следом. Они молчали, я молчал. Так и шли. Я чувствовал, что обе хотят со мной поговорить, но только с одним мной. У нашего двора расстались. Смольнякова и Раевская пошли дальше, а я к дому. На прощание получил от каждой по улыбке! Вот блин, дела творятся!

В подъезде задержался у почтовых ящиков. В нашем отсеке обнаружил толстую упаковку газет. Отец выписывал несколько изданий, включая специфические журналы. Но мне хватило бы одной, все равно во всех новости почти одинаковые. Я зашел в квартиру, кинул прессу на тумбу и, оставив в руках одну Правду, двинулся на кухню. Там отломил половину лепешки и принялся её есть и запивать молоком. При этом бегло просматривал газету.

Так, на первой странице, как всегда про пленумы, решения, про лозунги... не то, в общем. Дальше про то, что творится за рубежом. Ирак воюет с Саудовской Аравией. Эти постоянно воюют, а Саддам пока не знает, что ему через десяток лет кирдык будет, но это тоже не то. Что же за событие случится двадцать пятого числа? Откинул газету. Может, в вечерних новостях скажут, если цензура не придержится? Часто о случившемся событии, обычные граждане узнавали гораздо позже.

Ой, не заметил, как съел всю лепешку и выпил молоко. Аппетит я, конечно, перебил, но все равно надо что-нибудь приготовить. Картошку пожарить что ли?

Кажется плавленые сырки я в холодильнике видел, сделаю-ка я сырный суп! Быстро, несложно и сердито, то есть сытно.

Начистил и нарезал соломкой картошку, поставил её вариться. Налущил лука, нашинковал его, высыпал на сковороду, залил маслом и включил газ. Кастрюля с картошкой закипела, и я бросил в неё плавленые сырки. Зарумянившийся лук переложил в кастрюлю. Сделав огонь слабей, пошел в коридор, к большому зеркалу.

Пора заняться своим взглядом. Как я ни присматривался, не находил в нём ничего такого-эдакого. Обычные глаза, обычный взор. Чуть подумав, достал из серванта альбом с фотографиями, нашел своё фото, вгляделся в него, затем посмотрел в зеркало, сравнивая с «оригиналом». Да, что-то есть такое. Усталость — не усталость, злость-не злость, но глаза были... зеркало души, блин. Взор орлиный, мать-перемать — как говорил Белкин.

Попробовать смотреть по-другому? Попытаемся. Начинаю кривляться — и так и эдак. Прищурюсь — не то, выпучусь — совсем не то. Изображу грусть — с таким видом только «подайте на пропитание» просить. Нахмурюсь... ерунда получается. Зрачки к носу — идиотом выгляжу. Даже попробовал сделать глаза, как у кота из «Шрека». Получилось... даже описать трудно, но слеза от этого вида наворачивается...

В дверь позвонили. Потер лицо, разгоняя все выражения, пошел открывать.

— Это я. — Савин зашел и сразу принялся:

— Чем это так вкусно пахнет?

— Супом, — говорю ему, — есть будешь?

— Не-а, я дома поел, — махнул рукой Олег, — мама никуда не отпускала, пока тарелку каши не склюю.

Мы прошли на кухню. Я снял крышку с кастрюли и посмотрел внутрь.

— Кажись готово.

Савин тоже заглянул в посудину.

— Что это за варево? Не то ли зелье, которым ты сегодня объелся?

Он принимался:

— А пахнет! — и махнул рукой, — ладно, накладывай. Так и быть, попробую его.

Усаживается за стол и улыбается:

— Может, тоже как шпиён глаголить, да руками и ногами, махать начну.

— Ну-ну, хлебай, мечтатель.

Мы быстро опустошили тарелки. Суп, приготовленный без приправ из незамысловатых и доступных продуктов, был вкусен и сытен.

— Уф, здорово! — Олег вытер вспотевший лоб и прокомментировал:

— Ешь — потей, работай — зябни! Вкуснотища! Рецепт у матери узнаешь, или это семейный секрет?

Я улыбнулся, наливая чай.

— Никакого секрета. Рецепт прост — картошка, плавленый сырок, лук, соль по вкусу, и всё.

— И всё? Постой, так это ты варил? — Он взял лежащую на столе записку и пробежал её глазами. Потом поднял на меня взгляд и пробормотал:

— Серый, ты... как... это... а ты кто?

Я рассмеялся:

— Да Вязов я, Вязов. Сергей Вязов.

Савин посмотрел на меня внимательно и начал перечислять, загибая пальцы:

— Дратся стал как заправский каратист, по-английски вдруг заговорил, да ещё местную гопоту развёл, сам суп сварил... Ты вчера ещё обычным был, — загнул он все пальцы в кулак, — а сегодня... Что произошло? Скажешь или нет? Или опять забухтишь про желание волшебное?

Я вздохнул. Что ему сказать? Правду? Не поверит всё равно. Сказать — вещий сон увидел, про будущее? Увидел, впечатлился, и бац! — заговорил внезапно по буржуйски. А про приемы, что тогда сказать? По телевизору изучил? В какой передаче, каком фильме? М-да!

— Знаешь, Серёг, — вытирая пот со лба, говорит Олег, — ты на самом деле какой-то другой стал. Мне начинает казаться, что Зеленина права, считая тебя шпионом.

Обалдеть! Ладно, хоть про глаза ничего не говорит. И что в ответ сказать?

— Ты меня раскрыл! — отвечаю ему шуткой и, хлопнув себя в грудь, объявляю, — я Серж Эльмс, агент интеллижен сервис под номером ноль-ноль восемь. И теперь мне придётся тебя

убить или завербовать!

— Да ну, шуточки у тебя, — показушно обижается Савин, — ладно я, а вот что ты отцу Зелениной ответишь, если она всё расскажет ему, да ещё записку представит?

Мля! — только и мог я подумать в этот момент. Все знали, что отец Зелениной, был комитетчиком. А здесь пока к таким фактам присматривались. Точно на заметку возьмут, а мой честный рассказ о будущем, в лучшем случае, покатит на психушку. Проблемы у отца будут точно. Как чуял, что шутка очень неудачная была. Остряк хренов.

Мысленно махнул на это рукой — все равно ничего уже не изменишь, а отец Зелениной, надеюсь, может принять всё это за детскую шутку. И раз начал, то продолжаю гнуть свою линию:

— А я не шучу — не успел узнать самую важную тайну...

Савин поднял в удивлении брови. Я смотрел на него, а он, в ожидании продолжения, на меня.

— В нашей школе, я так и не узнал, — сделав паузу, огляделся (типа — нет ли кого рядом), и громко объявил, — какие на завтра заданы уроки!

— Клоун ты, а не каратист, — констатирует Олег, — прав Генка Ким, тебе в цирке выступать надо.

— А чо? — чешу я затылок, — мож и вправду, ну эту всю разведку, в клоуны, что ли податься?

Савин крутит у виска, но я сам уже понимаю — надо завязывать. И так дошутился, хорош!

— Ладно, шутки в сторону, что там задали?

— Да ничего почти. Завтра последний день учиться будем. По математике примеры порешать, по русскому ничего, а вот по литре стих выучить. Это для тех, кто оценку исправить хочет. Так Елена Михайловна сказала.

Елена Михайловна Щупко была нашим классным руководителем, она же вела у нас литературу и русский язык.

— А стих какой?

— Как она сказала — на усмотрение, — пожимает плечами Олег, — а там, мол, поглядим, какую оценку в итоге ставить.

Да, бывали у наших учителей такие бзики, но только чтобы вытянуть нас на хорошую оценку в четверти.

Выучить-то выучу, только что учить?

— Сам-то что зубрить будешь?

— Пока не знаю.

Я не помнил, какие у меня были оценки по литературе за седьмой класс. Вообще не помнил оценок в целом. Вроде четверки были, но стоит в дневник глянуть.

— Пойдем в комнату, чего на кухне сидеть?

Зашли в мою комнату. Я достал свой дневник и взглянул на последнюю страницу, где выставлялись итоговые оценки по предметам. Ага, имеются три тройки — английский, русский, физика. Ну, по двум «могучим и великим» все понятно, а вот с физикой у меня в школе были нелады конкретные. Не было понимания этого предмета, хотя после школы, как-то начал вникать в суть. Получилось аналогично английскому языку. Те же электрические цепи с законами Ома для меня стали открытой книгой, после пояснения одного продвинутого парня. Возможно, получится исправить тройку на четвёрку. Надо будет Василия Владимировича спросить на предмет исправления оценки по физике и английскому, а сочинение по русскому языку и литературе мне придется писать.

Олег в комнате даже не присел. Постояв, он заглянул в мой дневник, хмыкнул и пошел в зал. С оценками я разобрался, поэтому тоже направился туда же.

Савин вытащил из мебельной стенки толстый том Большой Советской Энциклопедии и с ней плюхнулся на диван, а я устался на телевизор. Хм, что говорить? Привык к своей метровой жекашной «соньке». Опять появилось музейное чувство, только уже в своей квартире. Передо мной стоял раритет. Совсем забыл, что у нас имелось такое чудо советской бытовой техники. «Радуга-704» была одним из первых цветных телевизоров. Рука сама потянулась к выключателю. Вообще, процесс включения напоминал своеобразный ритуал — включить стабилизатор, включить телевизор, повернуть ПТК... экран, напоминавший огромный иллюминатор, начинал светиться не сразу, можно чашечку кофе успеть выпить. Зато цветной! Даже в это время цветные телики имелись не у всех. Я уже говорил — дефицит.

Звук появился быстрее изображения и кто-то пока невидимый громко сказал: «Ес оф кос!». Блин, это вторая программа, с её образовательными передачами. Они шли одна за другой. Сначала с изучением немецкого, затем английского. Помнится, были передачи с итальянским языком, такие как «Абевегедейка» и прочие. Ленивчиков не было и в помине, а каналы переключались только ПТК. Я щелкнул пару раз по часовой стрелке и, вместе со звуком, возникло изображение — два человека беседовали на казахском языке. Я за много лет так и не изучил его и знал только с десятков слов. Продолжаю переключать. Следующий канал тоже казахский — что-то рассказывает о природе. Дошелкиваю до десятого — тут сетка с постоянным пищанием, пока трансляции нет. Переключаю до первого канала и вижу любимую тетю всех детей — Валентину Леонтьеву, и передачу узнаю — «В гостях у сказки». Надо же, помню!

Савин оторвался от изучения энциклопедической мудрости и сказал с усмешкой:

— «Кошечка бессмертного» будут показывать. Может ну его, этого неруся? Пошли ко мне. Недавно батя кассет привёз с новыми фильмами.

Оппа! Сюрприз. Я отлично помнил, что у Савина был кассетный магнитофон, но простой, а не видео. Отец Олега был торгпредом, часто бывавшим за «бугром», а родной дядя привозил из Владивостока японские дефицитности в виде кассетных магнитофонов и кассет к ним. Но вот видео...

Я заглядываю в справочный фолиант и вижу, что Савин читает про «Интеллидженс сервис».

— Не занимайся ерундой, — говорю ему, — я пошутил про разведку.

— Я понял, что ты дурачился, — кивает Олег, но продолжает скользить глазами по тексту.

Показывая на большой справочник шучу:

— Все равно умней не станешь, или учишь справочный материал наизусть для Елены Михайловны? Уверяю, это не оценят должным образом. Слог не тот.

Олег захлопывает энциклопедию и выдает:

— Ваша ирония в данной концепции, не ассоциируется с мистификацией парадоксальных иллюзий, но с точки зрения банальной эрудиции, не каждый локально мыслящий индивидуум, способен осознавать критерии утопического субъективизма.

— Во, — выставляю большой палец, — это ты там вычитал? Тогда это и прочтёшь на уроке. Сорвешь бурные овации. А что за фильмы у тебя?

— Две кассеты с Брюсом Ли, — начинает перечислять Олег, — «Большой босс», «Кулак ярости», «Путь дракона», «Выход дракона».

Теперь понятно, откуда он знает о легендарном китайце. Тем временем Савин продолжал:

— Ещё есть — «Одинокий волк Маквей»...

— Маккуэйд, — поправляю я.

— Смотрел? — тут же спрашивает Олег, — а, понял, твой английский.

Не стал его разубеждать, пусть думает, что все эти фильмы я не смотрел.

— Что ещё есть?

— Есть «Челюсти», это про акулу-убийцу, ещё про кукушку и гнездо что-то, не помню точно.

— «Пролетая над гнездом кукушки?»

— Во, правильно, — и смотрит удивленно, — нет, ты точно этот фильм смотрел. Откуда и когда? Он же новый!

— Да. Я его... смотрел, — чуть не ляпнул «давно», — и какой он новый? Почти десять лет прошло, как сняли.

Савин смотрит недоверчиво.

— Да? И как фильм?

— Отличный! Сам-то смотрел?

— Нет, — мотает головой Олег, — я про карате смотрел. Пошли?

— Уговорил, пошли.

Раз уроков задали мало, и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся — расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник — чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно,

со стихом вечером решу. Выключил телевизор — изображение собралось в яркую точку в центре экрана и, постепенно, исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Закрыв квартиру и, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, поскакали по лестнице вниз.

Савин выскочил из подъезда первым, буркнув кому-то: «здрости». Следом вылетел я и резко остановился. На лавке сидели два старика — дед Косен и ещё один незнакомый пожилой казах, но не это меня остановило, а широкие колодочки наград у обоих на пиджаках. Не знал, что Косен Ержанович воевал. Это же сколько ему лет сейчас? Должно быть больше шестидесяти.

— Амансыз ба, аталар! — поздоровался я, удивляясь — из каких глубин сознания выпрыгнуло это приветствие на казахском? Не знал ведь!

— Здравствуй, Сергей, — кивнул дед Косен и, повернувшись к другу, сказал, — вот, Акылбай, это тот парень, про которого я говорил.

— А, это тот, что тебя в кустах в плен взял? — улыбнулся второй ветеран, хитро глядя на меня — шустёр. На Славку Ларцева чем-то похож.

— На Славку? Помню Славку, — Косен Ержанович, всмотрелся в меня, будто впервые видел, — и точно — похож. Тоже шустер был. Весельчак, на месте не сидел. Взводный каждый раз взбучку от ротного за его выкрутасы получал.

— Героический парень. В первом нашем бою два танка немецких подбил! — сказал Акылбай. — Да. Это в первый наш бой!

Я присел на лавку напротив и спросил:

— А где у вас был первый бой?

— На Волоколамское шоссе. Мы ведь в 316-й стрелковой дивизии войну начали.

— Так вы панфиловцы?! — выпалил Олег, присевший рядом со мной.

— Панфиловцы, — кивнули оба. А дед Косен добавил:

— «Дикая дивизия», как называли нас немцы.

— Да, — засмеялся Акылбай, — это потому что, по их понятиям, мы не так воевали. Непривычно. Мы тогда по-новому воевали. Слышал про «спираль Момышулы»? Эту тактику генерал Панфилов разработал. Хорошо тогда дали фашистам у деревни Матрёнино.

Я слушал ветеранов, а в голове крутились вычитанные в интернете сомнения о двадцать восьми героях. Спросить про них у Косена Ержановича? Нет, не буду. Сейчас под сомнение подвиг не ставят. Многие из нашей школы в почетном карауле у Вечного Огня стояли. И верили.

Два ветерана замолчали, задумавшись, а я смотрел на планки, где угадывались отважные медали, и много других боевых наград. Вот так я жил и не знал об том, что дед Косен воевал. И мы иногда посмеивались над причудами пожилого человека, любящего порядок и следящего за чистотой. Мне стало стыдно за это невнимание. Ведь просто подойди, поздоровайся и сделаешь приятное человеку, проливавшему кровь на войне.

— Пойдем, Серег, — шепнул Савин.

— Сау бол кюрметтиси (До свидания, уважаемые), — поднялся я. Ветераны кивнули и тихо меж собой заговорили.

«Нет, — думал я, — к черту все цирки, троговля и прочая фарца. Я пройду свой путь заново, так же как и в первый раз. Ради таких вот людей. Настоящих. Ради друзей, Олега Жихарева, Паши Легких, Андрея Любшина и Валерки Истомина. Пусть они пока ещё так же как я в школе учатся».

С этими мыслями шел к подъезду Олега и не сразу услышал его громкий шепот:

— Серёга стой... Серега!

Я сделал ещё несколько шагов, когда обнаружил перед собой на скамейке пьяного мужика в спортивных штанах и выцветшем тельнике. Он сидел, опираясь руками о колени, и покачивался. Голова наклонена вниз. Рядом со скамейкой пустая бутылка портвейна. В мусорном ведре, что стояло у двери подъезда, еще одна.

— У-у-у... ж-ик-знь... су-ик-ка... — он медленно поднял голову и посмотрел на меня мутными глазами, — а-а-а мол-ик-дэжь мля... смирна...

Это был дядя Миша Тихомиров. Одна из необычных и немного загадочных личностей нашего двора. Семья Тихомировых приехала сюда из Москвы. Дядя Миша, пятидесятилетний мужик, производил впечатление тихого и мирного обывателя. Таковым он и был. Слушался жену беспрекословно, что скажет ему вторая половина, то и делает.

А жена его этим и пользовалась, помыкала им как хотела. Но как дядя Миша примет на грудь, то у него сносит крышу напрочь. Начинает гонять своё семейство. В этом состоянии его боялись. Порой, семья Тихомировых, выпрыгивала из лоджии с наспех собранными вещами, а то и без них, благо, что жили на первом этаже. Пьяного дядю Мишу никто не мог остановить. Сил у него оказалось немеряно, да ещё приемы всякие знал. В первые разы Макашов, наш участковый, живущий в соседнем подъезде, пытался воздействовать на буяна, но получал отпор и каждый раз резво ретировался от разъяренного дяди Миши. Но, кроме участкового, милицию не вызывали. Жалко было. Пытались решить просто — побушует, успокоится, проспится, а потом... потом он ходил и просил у всех прощения, стыдливо пряча глаза. Долгое время дядя Миша ни капли в рот не брал, но вдруг на него что-то находило и он наберет дешевого портвейна, сядет, уставившись перед собой, и пьёт, что-то бормоча под нос, а затем...

Что с ним и почему такое происходит, никто не знал, а близкие никому не говорили.

В начале девяностых, дядя Миша погиб. Убили его. Битами насмерть забили. Олег мне как-то рассказывал. Тихомиров, возвращаясь откуда-то, вступился за парня, которого трясли пятеро качков. Время такое было. Всегда находился кто-то, что считал себя круче всех, и что все ему должны. Дядя Миша был в своём обычном состоянии — только-только стоял на ногах. Он остановился и потребовал отпустить парня, и был грубо послан. Это оказалось последней каплей. Тихомиров шагнул и рэкетеры разлетелись в разные стороны. Парень сразу убежал, а качки поднялись, выхватили из рядом стоящей машины биты и кинулись на Тихомирова...

На похоронах народ удивился, когда вынесли гроб с телом. Михаил Аркадьевич был в военной парадной форме, на плечах капитанские погоны. А на красных подушечках вынесли награды. Много наград, причем боевых. Никто никогда не видел его в форме и никто не знал, что Михаил Аркадьевич воевал. И где воевал. В сорок пятом году ему только одиннадцать лет было.

Да мало ли где...

Мне было жалко этого человека. Что-то поломало ему судьбу, отчего переклинило в голове, и он заливал своё горе. Как множество других, таких же...

Но это когда ещё произойдёт?

А сейчас Тихомиров, пока ещё живой, сидит на лавке у подъезда, а в окнах видны его домочадцы, с приготовленными «тревожными чемоданами». Следят — куда направится, принявший на грудь, глава семьи?

— Сто-ик-ять, я сказал, — Дядя Миша протянул руку, попытался меня схватить. Уворачиваюсь, и он проваливается вперед. Я перехватываю Аркадича, придерживая, чтобы он не ударился головой.

— ... ик, мля, — бормочет Тихомиров, — не понял...

— Сядь, дядя Миша.

Усаживаю его на скамейку. Только он садится, тут же его кисть сжимает мне плечо, да так что тело резко прострелило болью.

— Ты кто? — выдыхает он перегаром.

Отогнуть палец как Громину не выходит. Тогда протягиваю к нему руку и жму на болевую точку за ухом. Тихомиров охает и отпускает меня, а я прижимаю его руки и шиплю почти в лицо, чтобы слышал только он:

— Послушай меня, Аркадьич! Чтобы тебя не гложило, как бы ты себя не винил, всё осталось там, за речкой. Нельзя так. Не дело. Себя не жалеешь, так семью пожалей. Сопьёшься. Свечкой сгоришь.

— Что ты можешь знать? — вдруг почти трезвым голосом произносит Тихомиров, — снятся они мне. Каждую ночь снятся, понимаешь? Потому что живой я. А они... Сюда уехал, так вслед все друзья погибшие за мной пришли. В глаза смотрят и молчат. А как выпью — уходят.

По морщинистому лицу бежит слеза. Он обхватывает руками голову, взъерошивая седые лохмы волос.

— Как забываюсь, мне сразу легче становится, — шепчет дядя Миша.

Нужно вывести его из депрессии. Как нам там тогда на занятиях психологи объясняли? Попробуем.

— Отставить сопли, капитан, ты же тельник же носишь.

Он смотрит мне в глаза и трезвеет окончательно.

— Командир?

Потом мотает головой и смотрит удивленно.

— Сергей? Что это было?

— Протрезвление, Михаил Аркадьич.

Дядя Миша замирает, хлопая глазами.

Пора закругляться, а то что-то во дворе тишина настала. Я огляделся, но никого, кроме внимательно наблюдавших за нами домочадцев Тихомирова, не заметил. Махнув выходящему из-за кустарника Савину, вхожу в подъезд.

— Серёг, что это было? — задаёт мне тот же вопрос Олег, поднимаясь за мной.

— Шокотерапия.

На третий этаж поднимались медленно. Олег молчал. Я молчал. Свою судьбу уже я изменил. Может, так жеполучилось и с Тихомировым. И не случится с ним беды в будущем.

В прихожей встретили маму Олега.

— Здравствуйте, тётъ Маш.

— Здравствуй, Серёжа.

— Мы видик посмотрим, мам?

— И не надоело тебе? — спросила мама Олега, — который раз смотреть будешь!

— Интересно же!

В зале стоял цветной кнопочный «Темп», а рядом кассетный видеоманитофон JVS. Я принялся разглядывать японский аппарат. Было интересно — ведь один из первых видеоманитофонов VHS-стандарта.

— Ну, как техника? — хвастается Олег, — крутая?

Я пожал плечами — ничего мол. Откуда ему знать — что через пару десятков лет техника будет гораздо круче? Что видеоманитофоны, как и обычные, канут в лету, а будут лазерные проигрыватели и компьютеры. И телевизор можно будет на стену вешать как картину, не боясь, что он оттуда вместе со стеной рухнет.

Мои ужимки Савин понял по-своему:

— Джапан! — он присел перед аппаратом и ласково погладил переднюю панель, — вещьч!

— Кто привёз?

— За ним батя во Владик к дядьке ездил. Сюда в чемодане вёз, чтоб никто не видел. Деньжищ стоит обалденных, — и прошептал, — две тысячи!

Я хмыкнул — две тысячи. Для меня эта сумма непривычно мала. Моя метровая жекашка стоила двадцать штук. Хотя для этого времени сумма действительно огромна и сравнивать те деньги с нынешними, как сравнивать, например, этого мастодонта с круглой линзой экрана и именем «Темп» с моей «Сони».

Олег вытащил кассеты из серванта.

— Что будем смотреть? — и изобразил каратистскую стойку.

— Нет, — качая головой я и изображаю сумасшедшего. Савин поднимает брови.

— «Пролетая над гнездом кукушки» включай.

— Хорошо, — пожимает плечами Олег и, вставляя кассету, бормочет под нос, — как будто смотреть больше нечего.

Понимаю его, драки и война интереснее для пацанов, но такой фильм, по моему мнению, смотреть стоит в первую очередь.

Первым оказывается фильм «Челюсти». Савин выразительно косится на меня, но я вращаю пальцем — перематывай, мол. Он пожимает плечами и включает перемотку.

Наконец на экране появляется пейзаж с озером и гора вдалеке. Кошусь в окно, где видны горы, интересное совпадение. А ведь эта история чем-то похожа на мою. Долгое время я был темной лошадкой для всех. Ничем не выделялся, и тут... совсем как герой Джека Николсона, взял и взбаламутил спокойную жизнь вокруг. Дал отпор обоим Громиным, с дядей Мишей пообщался... Так же как МакМерфи в фильме помогаю своим друзьям. Вот только финал для героя несчастливый. Начавшаяся война в больнице между героем и персоналом приводит практически к гибели героя. А это ведь и ко мне относится. Есть такой закон — закон сохранения энергии, в котором есть неприятный для меня момент — приложенная сила сохраняется с течением времени. То есть я изменил судьбу дяди Миши, и он не погибнет в будущем, но эти изменения могут воплотиться на других моих современниках, и может погибнуть кто-нибудь другой. Я не так силен в физике, но верю в закон подлости. Все что я могу изменить во благо себе и друзьям, может обернуться для кого-то катастрофой. А может и для меня... Ага, как говорится — благими намерениями вымощена дорога в ад. Будем надеяться, что я ошибаюсь на этот счет.

Савин сначала ёрзал на диване, но потом видимо увлекся фильмом и уже смотрел с интересом. А на экране разворачивался финал фильма. Здоровенный индеец сидел на кровати и разговаривал с МакМерфи. Тот лежал безучастно. На голове следы от лоботомии. Вождь понимает Макмерфи превратился в настоящего больного и душит его подушкой. «Вот это, — подумал я, — доказательство сохранения энергии. Как бы всё тут хуже не вышло». Индеец, выбив зарешёченное окно тяжёлой мраморной колонкой, вырванной из душевой, выбирается на свободу и убегает.

— Обалдеть, — говорит Савин.

Видно, что он впечатлен. Олег перематывает кассету в начало, а я с сию и размышляю о своих делах. Что я ещё могу сделать тут? Но так, чтобы с пользой и наименьшими последствиями. Как их просчитать? Если я, изменил свою судьбу и судьбу Тихомирова, какие могут быть изменения в мире в целом? Да никаких. А что я могу сделать глобально? Ничего. Даже если и мог. До развала страны остаётся совсем немного. Кто бы мне поверил? Может написать генеральному секретарю? А кто у нас генсек? Брежнев, Андропов, или уже Горбачев? Нет, вроде Черненко должен быть. Не помню точно. Генсеки, до Горбачева, каждый год менялись. Непривычно было после долгих лет правления Брежнева. А скоро начнется знаменитая на весь мир перестройка, а затем...

Блин, до чего же много всякой гадости повылазило с приходом этой демократии! Ведь жили-то мирно со всеми, а как в демос этот шагнули, то все друг-другу волками стали. Поотделялись, мать их за ногу, и нос от друг друга воротить. Как будто эпидемия по стране прокатилась...

Что-то я опять разозлился, надо расслабиться. Савин все ещё сидит, что-то колдуя над видеомагнитофоном. Потягиваюсь, оглядываясь, и вижу гитару, висящую, над диваном.

Играть на шестиструнке я научился в училище. Не то чтобы профи, но нормально сыграть что-нибудь мог. Даже начал писать стихи и пытаться переложить их на музыку. Но композитор из меня вышел ещё хреновой, чем поэт, а уж голос... так что я бросил это дело и играл только уже известные песни. Сам пел редко, чаще просил кого-нибудь другого.

Но сейчас мой голос ещё не сломался, так что могу спеть нормально. А что сыграть? И получится ли? Посмотрим... Я снял гитару, состроил улыбку и проиграл на одной струне «чижика». Получилось не очень — пальцы сразу заболели и пока ещё непривычно. Но если чуть потренироваться...

— Эй, Паганини, — встрепенулся Олег, — положи инструмент. Не умеешь — не берись, а то расстроишь, отец ругаться будет.

Савин старший играл так себе. Знал простые аккорды, и мог сбренчать пять-шесть разученных песен. Но сам настраивать гитару не умел и всегда звал Генку Кима, который имел свою гитару, кстати, очень хорошую, и играл обалденно. Впрочем, Ким обладал многими умениями и за чтобы не брался — все у него отлично получалось.

— Вот научишься, — тем временем продолжал Савин, — тогда и бери.

Сбавать что ли ему «Чисгару»? Или приколоть насчет игры? Я хихикнул про себя и сказал:

— Спорим, что быстро научусь играть?

— Да ну тебя, Лоретти хренов...

— Нет, правда.

Савин смотрит на меня.

— Научиться играть на гитаре не так просто, — бормочет он, — если ты на английском заговорил, то можно подумать что просто озарило. Приёмы всякие — так и у меня, со временем, может получиться. А вот гитара... — чешет затылок и машет рукой, — черт с тобой, спорим. Только срок три дня тебе. Сам сказал, за язык не тянули.

— Хорошо, — говорю, — три так три.

Какая мне разница — сколько времени он запросит? Могу хоть сейчас сыграть и спеть.

— На что спорим?

Савин хищно улыбается:

— На поцелуй!

— Кого целовать? — испуганно спрашиваю.

— Ну не меня же! — отвечает Савин, и смеётся над моей реакцией, — Маринку Зеленину поцелуешь. Не слабо?

— Не слабо, — бурчу в ответ, а в голову лезут всякие мысли.

Блин, можно подумать тот розыгрыш продолжается, начавшийся ещё в том времени. Так и сводит меня с Маринкой судьба. Вздыхаю. Зеленина мне хоть и нравится, но что-то внутри протестует, и, почему-то, по спине холодок...

Блин, как бы крышу не снесло, точней гормоны не взбунтовались. Я же ещё как бы девственник пока. Стоит только поцеловаться... Вот попал! Опять за словами не слежу и не думаю наперед. Но слово не воробей, теперь никуда не денешься. Ладно, я ведь не проиграю. Сыграю что-нибудь, и не надо будет целоваться. А чего я собственно боюсь? Дразнилок — «жених и невеста, тили-тили-тесто»? Вот уж плевать. Хоть не в этой жизни, а в той, целовал много девушек и не заморачивался.

— Что, жалеешь уже? — почти правильно истолковывает мою хмурость Савин.

— Нет, — отвечаю, — через три дня посмотрим. А что будет, если выиграю я?

Улыбку с лица Олега сразу сдуло. Наверно представил, как он целует Маринку. От этой мысли меня даже чуть ревность уколола. С чего бы это?

— Ну... я не знаю... — и он растерянно оглянулся, — придумай сам.

Я хмыкнул и задумался — что сделать Олегу? Крикнуть что-нибудь? Нет, не то. Что-то сделать? А что? Может ему выучить что-то объемное, типа «Война и мир»? Чего там Савин не переваривал? Ага!

— Если я через три дня что-нибудь сыграю, — говорю ему с улыбкой, — то ты наизусть выучишь «Евгения Онегина».

— Че? — выпучил глаза Олег, — а чего проще нельзя?

— За язык тебя не тянули.

Савин начал ожесточенно тереть лоб. Видно, настраивал свою память на такой большой стихотворный объём. Понимаю его, сам не любил учить такие стихи.

— Мальчики, — заглянула в комнату мама Олега, — а вы уроки-то сделали?

— Мам, последний день учимся. Ничего не задали нам, — заканючил Савин, — мы гулять пойдём.

Мне стало смешно. Неужели и я такой был?

— Сначала в своей комнате приберись.

— Ну, мам...

— Пойдём, — я подтолкнул Олега в сторону комнаты, — помогу несчастному.

Как вошли в комнату, Савин прошептал:

— Ненавижу эту уборку. Вот вырасту, куплю квартиру, или лучше дом построю большой, и в нём будет специальная уборщица.

— Ага, не забудь, чтоб в доме был бассейн, зимний сад и огромный гараж.

— Точно! А машина будет «шестерка»!

Я покосился на друга и хмыкнул — посмотрим-посмотрим, «шестерка» у него будет, или «Лексус». Наконец прибрались. Савин облегченно выдохнул и, видно думая о строительстве своего дома, сказал:

— Пойдём, гульнём? На стройке потусуемся...

Наш микрорайон интенсивно расширялся. Постоянно строились новые дома. На стройку мы ходили часто. Бегали, играли, просто тусовались. Бывало, случались травмы, но это не останавливало. Я как-то нечаянно сиганул с третьего этажа. В тот день, как всегда, собралась большая компания. Решили играть в догонялки по этажам недостроенного дома. За мной гнался водящий и, убегая к балкону, я схватился за провода, висящие до самой земли, собираясь перелететь на соседнюю лоджию. Так мы делали часто, и у нас хорошо получалось, но, видно, не в этот раз. Я вдруг обнаружил, что на соседний балкон не попадаю, а лечу на этаж ниже, к третьему. Тут сверху раздался панический крик:

— Сварка сейчас упадёт!

Сварочный аппарат, обычно закреплённый к петлям плит, на этот раз оказался не закрыт на замок. Он катился на роликах по плоской крыше, грозя свалиться вслед за мной. Не знаю — чего я тогда испугался больше высоты или... но зажмурился и отпустил кабель. Высота третьего этажа... Полет был коротким, но я успел вспомнить всю свою недолгую жизнь.

Меня спасла куча керамзита, насыпанную между бетонных плит, рядом с домом.

Какое-то время лежал без движения, приходя в себя. Сердце, от испуга чуть не пробившее дырку в груди, наконец успокоилось, и я встал. Вокруг собрались пацаны, восхищенно гомоня и обсуждая мой полёт. Мне было не до обсуждений. На предложение продолжить игру в «догонялки» я отказался. На ватных ногах пошел домой и больше на стройках я не играл.

Это было... блин, это же ещё не случилось! Теперь не случится. Я уже изменил себе судьбу, и кто знает, где сыграет «закон сохранения энергии»? Может как раз на этой стройке.

Лучше займусь полезным делом. На часах семь вечера. Время в принципе есть, но надо что-то ещё выучить.

— Нет, Олег, на стройку не пойду. Я лучше домой, делами займусь.

— В такую рань? — скривился Олег, — стих учить собрался?

— Нет, на гитаре играть.

— Только не на нашей, — сразу выпалил Савин.

— Я у Генки возьму, — улыбнулся я. — он не такой жмот.

— Я не жмот, — обиделся Олег, — сам знаешь моего отца.

Да, родители у него были страшными педантами. Порядок любили во всём. А дома у них чего только не было. Все стены и полы покрыты коврами. В сервантах, помимо книг и сервизов, стояли всякие сувениры, привезённые из разных мест. Причем всё стояло в определенном порядке, и никак по-другому. Тоже самое касалось самих вещей. Попользовался — поставь на

место, как было. То есть — посмотрел кассету, перемотай. Прочитал книгу — поставь именно туда, где стояла. А гитара — особый случай. Её Савин старший из-за границы привез, и Генка Кам её хвалил, так что отец Олега точно ругаться будет.

— Ладно, я домой, — говорю Савину, — а ты начинай учить «Онегина». Хоть Елену Михайловну удивишь.

Я вышел из дверей подъезда, чуть взбаламутив сидящих на лавках старушек. Они встрепенулись, но увидев, что вышел только один мальчишка, успокоились и продолжили делиться нескончаемыми новостями. Это признак того, что Тихомиров успокоился и ушел домой, а то сидели бы все бабули сейчас по домам. Интересно, что они про мой разговор с дядей Мишей говорят? Я поздоровался и только успел пройти мимо лавок, как в подъезде громко хлопнули дверь. Бабок как ветром сдуло.

Обернулся — стало интересно, кто выйдет? Старушки решили, что сейчас выйдет пьяный Тихомиров. Дверь от удара распахнулась и, размахивая игрушечным автоматом и крича: «та-та-та-та», на улицу выскочил Сашка, внук дяди Миши. Это значит только одно — Аркадьич успокоился после разговора со мной и больше не буянил, раз его семья дома. Да и дверь на лоджии закрыта. Значит помочь хорошему человеку у меня получилось, а это радует. Настроение сразу поднялось, и я направился домой.

Перед своим подъездом появилось ощущение чужого взгляда. Скользнул глазами по окнам и обнаружил смотрящую на меня со второго этажа Маринку Зеленину. Она жила в нашем доме, только в соседнем подъезде.

Я улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй.

Глава 5

Как я играл! Обалдеть! Зинчук нервно курит в стороне. Конечно, преувеличиваю, но гитара в моих руках жила своей жизнью. Она пела! Я понимал — это сон. Пусть. Жалко, что наяву так не смогу — на одной струне сыграть «Полет шмеля». Да и никто бы не смог, на акустической гитаре-то. А я играл. Да так, что вокруг меня начали собираться шмели и кружить, жужжа мотив по-своему. Один, особо наглый, пытался мне на нос сесть. Отмахнулся от него, но шмель не унимался. Так и лез, зараза. Не выдержал и замахнулся гитарой. Кто-то панически заорал:

— Не-е-ет! — И рядом возник Савин-старший. — Только не ею!

Он попытался выхватить инструмент, но только выбил гитару из рук. Она упала на пол, гулко брякнув.

Я подскочил на постели и обнаружил лежащую на полу гитару. Это что же, я прямо с ней заснул? Получается что да. Инструмент я вчера у Генки Кима взял. Он поначалу давать не хотел, мотивируя тем же, что и Савин-старший. Тогда я сбацал «Испанский бой», хоть и сбивался с непривычки, но Ким впечатлился. Попросил сыграть ещё. Немного поразмышлял. Что ему сыграть? Высоцкого? Так там петь надо. Что-то из пока не написанных? Но не хотелось присваивать себе хорошие песни. Пусть их пишут те, кто это действительно может сам, талантливо и неповторимо. Но всё же решил играть из будущих, но не наших, а зарубежных. Их не жалко. Выбрал одну из репертуара «Скорпионс». Чуть изменив мелодию, сыграл, и с удивлением понял, что помню текст. Потом поклялся Генке, что гитара только для того, чтоб играть дома, а не на улице, ибо инструмент дорогой.

Я встал, сладко потянулся, поднял гитару и положил её на стол. В комнате, несмотря что на

улице рассвело, было темновато и я включил светильник. На столе лежал листок с текстом. Это я вчера вечером сидел и вспоминал стихи. Но как на зло в голову лезли пока не написанные. Перелистывал учебник, в поисках подходящего произведения, но классиков учить не хотелось. Опять долго сидел, вспоминая что-нибудь эдакое, что поможет мне исправить оценку, и опять в голову лезут только те, что были ещё не известны. Плюнув с досады, выбрал один из не написанных стихов. Может и вовсе не спросят про автора. Затем взял гитару и принялся перебирать струны. В голове крутилась одна песня. Не наша, но название группы, что когда-то будет её исполнять, никак не мог вспомнить. Наиграл мотив, тихо мурлыкая слова. Затем отложил инструмент, нашел старую тетрадку с парой чистых листов и принялся записывать текст: «Love was never easy, but leaving you was hard...». И тут же вспомнил, как называлась группа. Ну что ж, напишут другую песню, не обеднеют. А «I miss you», я исполню Савину, пусть удивится. Красивая песня и мелодия красивая, единственная, что мне нравилась из репертуара будущей группы «Haddaweу». Полюбовался на текст. Блин, а что я про это скажу? Что сам её написал? Зачесался лоб, как будто на нём проступила надпись — английский шпион. Бред, конечно, но сказать, что сочинил сам, причем на самом буржуйском языке, будет явным перебором. Ниже оригинального текста принялся записывать перевод. Затем перечитал то, что вышло. М-да, коряво. Даже не то слово. Если петь по этому тексту, то гнилыми помидорами махом закидают, причем Савин бросит первым. Принялся переставлять предложения, менять слова местами, подбирая рифму, но ничего не выходило. Зачеркивания и надписи сверху больше мешали, чем помогали. Блин, как же не хватает моего ноутбука! Но он остался в будущем, то есть, его вообще пока нет.

Перечеркнув очередной вариант текста, зло отпихнул исписанную тетрадь. Выдвинул ящик и перебрал содержимое, в поисках чистых листов. Нашел чистую тетрадку, а под ней обнаружил упаковку с фломастерами. Идея! Столешница была покрыта пластиком с тусклым рисунком текстуры дуба. Достал черный фломастер и мазанул по поверхности. Отлично! Я набросал первый куплет на столешнице, затем начал править, стирая неподходящие по созвучию слова тряпочкой и заменяя их другими. Дело, более-менее, пошло на лад и через десять минут я переписал на лист готовый куплет...

Я играл и пел. Не то чтобы у меня получился шлягер, но песня звучала, хоть и немного наивно. Несколько раз сбивался с ритма и начинал заново, стараясь сыграть и пропеть чисто. Только начал в очередной раз, как в комнату зашла мама. Я не стал прерываться. Пропел до конца, чисто, нигде не сбившись и не соврав мотив. Мама удивленно смотрела, и как только я замолчал, сказала:

— Никогда бы не подумала, что у сына есть слух. Может тебе в музыкальную школу пойти?

— Не, мам, — я замотал головой, стараясь не смотреть в глаза, — я уже определился с выбором.

— И какой, этот выбор? — подняла она брови.

— Военное училище.

— Ну да, куда же ещё? Есть пошли, военный, только гитару тут оставь.

По кухне плыл аромат жареных котлет. Гарниром шли макароны, только, почему-то они не были серыми, как мне казалось прежде, а выглядели даже очень аппетитными на вид. Я ел, а мама сидела напротив и смотрела на меня. Только я отодвинул тарелку, мама спросила:

— Серёж, а кто суп сварил?

Улыбнулся про себя. Суп, по-видимому, понравился.

— Я.

— Ты? Сам?

Мамино удивление было понятно. Я в детстве никогда не готовил, за исключением жареной или вареной картошки. То есть, то, что имеет простейший рецепт. А тут суп!

— Понравился?

Мама кивнула.

— Рецепт прост — картошка, лук, плавленный сыр, лаврушка, перец, соль.

— Действительно просто, а откуда узнал?

— В книге «О вкусной и здоровой пище» прочитал.

Я не обманывал, такой рецепт действительно есть.

— Ладно, мам, спасибо. Я телевизор посмотрю.

Смотрел программу «Время» в надежде, что скажут чего-нибудь про происшедшее пятнадцатого числа. Но дикторы сообщили только том, что я уже знал из газет. Хмыкнул — конечно, цензура, однако. Хотя смотрел с интересом. Дикторы чересчур официальные (вспомнились эмоции корреспондентки комментировавшей захват самолета), рассказывали о партийных телодвижениях, достижениях соцтруда, осветили события за рубежом, и закончили прогнозом погоды под знакомую музыку. И студия на экране, по сравнению с тем, что я привык видеть, была убога, но такого раздражения, как от эмоциональной трескотни комментаторов, не было. Очень мило — подумал я, — все новости похожи на сводку — на фронте без изменений. Конечно, я могу путать даты. Что там было в восемьдесят четвёртом? Запуски космических ракет? Точно! Но не про запуск я думал, а про первый выход в космос женщины. Пятнадцатого числа в открытый космос вышла Светлана Савицкая. Но я, кажется, ошибся на месяц или два. Про это точно бы сказали. Тогда что ещё? Вспомнил! Но с чего я решил, что в новостях скажут о крушении самолета в районе Донецка? Будут молчать в тряпочку. М-да.

Вернулся в свою комнату и, сидя на кровати, я опять играл, повторяя песню еще и ещё раз. А затем... затем моя игра, незаметно для меня, перетекла в сон, где я со шмелями начал воевать...

На будильнике без пятнадцати шесть, в школу к восьми, но раз спать уже не хочется, то займёмся своей физической подготовкой. Сбегаю на школьный спортивный городок и там позанимаюсь перед уроками. Нашел в шкафу спортивный костюм и, облачившись в него, вышел в коридор. На кухне шумел чайник, а у стола, читая газеты, сидел отец и пил чай. Я его вчера так и не дождался, уснул. Опять он приехал за полночь. Но почему отец сегодня поднялся так рано?

— Привет, пап.

— Доброе утро, Сергей.

Отец взглянул на меня. Удивленно поднял брови:

— Никак на зарядку собрался?

— Угу.

— Какая муха тебя укусила?

— Большой полосатый шмэл, пап, — сказал я, присаживаясь рядом, — а почему ты в форме? Выходной же.

— Скоро учения, так проверяющие заботили визитами, — он допил чай и улыбнулся, — ничего, сегодня я раньше домой вернусь.

Он поднялся и направился в прихожую.

— Пойдем, сын. За мной уж машина пришла.

Мы вышли из квартиры и начали спускаться.

— Мать сказала, что ты на гитаре вчера играл, — на переходной площадке отец обернулся, — причем хорошо играл и пел отлично. Когда успел научиться?

— Понемногу, пап. Начал играть, понравилось.

— Я глянул на листок, что на твоём столе лежал. Хорошие стихи вышли.

— Так, накатило, взял и написал.

Блин, ну не хочется врать, а приходится. Не про стихи, про игру на гитаре.

— Как в школе дела?

— Нормально. Три тройки за год, но сегодня постараюсь их исправить.

— Это хорошо, что хочешь исправить. Хорошие оценки, конечно, важны, но самое главное чтобы ты понимал предмет.

На улице было свежо. На небе ни одного облачка, значит, скоро разогреет и опять будет жарко. У подъезда остановились. Машина ждала отца вне двора. Перед тем как повернуть в проход меж домами он остановился и взглянул на меня.

— Я вижу, ты изменился. Пока не понял, в какую сторону, но чувствую, что толк будет.

— Будет, — кивнул я, — осталось заполнить свои «табула раса», пап. До вечера.

Оставив изумленного отца, я легкой трусцой направился в противоположную сторону. Обогнув дом, выбежал на дорогу, по которой мы вчера из школы шли. На повороте остановился. Солнце уже вышло из-за гор, и теперь они сверкали невыносимым алмазным блеском множества ледяных вершин. Смотреть и любоваться на эту красоту можно долго, но глаза не выдержат такой яркости, а темных очков у меня нет, как нет МП-плеера, с которым я привык по утрам бегать. Придется побегать без него еще лет двадцать. Я вздохнул и побежал в сторону школы.

Пока бежал, принялся подводить итоги прошедшего дня. Итак, что мы имеем? А мы имеем

новый шанс прожить жизнь заново. Первый день начался с шока. Конечно, не изумиться невозможно. Кто бы себя спокойно повёл в такой ситуации? Правда, я успел быстро адаптироваться, хоть не сразу, но успел настучать в торец врагам, удивить окружающих, заодно самого себя. Я приобрёл тут более высокий статус, по сравнению с прошлой жизнью, хоть и проблем прибавилось. Но имеется бонус — знания о будущих катаклизмах, что потрясут страну. Это всё плюс, причем огромный.

Минусы тоже есть. Например, моя несдержанность в словах и поступках, приведшая к конфликту. А ещё не думаю, что говорю и делаю. Мне кажется, что все нормально, но выходит наоборот. Впрочем, спрогнозировать реакцию окружающих невозможно. Все-таки эта жизнь и та, что я знал разные. Люди стали другими за много лет. И теперь я словно белая ворона в черной стае. Свой среди чужих, чужой среди своих, блин. Очень точное определение. Конечно, адаптируюсь со временем, но могут заметить такие, как Зеленин-старший, участковый Мокашов... Эти всё замечают. Братья Громины и дядя Миша Тихомиров как свидетельство. Правда, в этих случаях поступить по-другому было никак нельзя.

Добежал до школьного стадиона. Вся его территория была огорожена высоким забором из сетки-рабицы. В центре небольшое футбольное поле, вокруг него беговые дорожки, чуть в стороне спортивные снаряды — турники, брусья, рукоходы. В самом углу выкопаны ломаные окопы и установлены деревянные силуэты танков для занятий по НВП.

А по дорожкам кто-то двигается, как раз мимо пробежал, только я на площадку вошел. Посмотрел ему вслед. Тот бежал по кругу как-то легко, будто профессиональный спортсмен, хотя фигура напоминала пенсионера, что ли? И казалась знакомой. Я повернул налево и направился к спортивным снарядам. У турника остановился, быстро размял руки и, подпрыгнув, зацепился за перекладину. Подтянулся семь раз и беспомощно повис. Маловато. Будем тренироваться. Спрыгнул и, давая отдохнуть рукам, прошелся вокруг турника. Значит, будем делать несколько подходов по пять подтягиваний. Хватит пока, потом прибавим количество повторов. Пока взобрался на брусья и поднял ноги на угол. Хватило на полминуты, но удержать смог бы и больше. Принялся качать пресс, поднимая вперед прямые ноги и стоя на руках.

Пенсионер, завершая круг, бежал уже навстречу. Я, приглядевшись, с удивлением узнал дядю Мишу Тихомирова. Он перешел на шаг и свернул с беговой дорожки к турникам. Увидев меня, воскликнул:

— Сергей?

Затем, виновато улыбнулся и сказал:

— А я вот, решил завязать. Силы свои вот восстановить решил.

Он подошел к турнику и, подпрыгнув, лихо навертел дюжину подъёмов переворотом. Ого!

Глядя на Тихомирова, принялся с энтузиазмом отжиматься на бруснях. Пример пятидесятилетнего мужика здорово меня простимулировал. Не припоминаю таких примеров в своей прошлой жизни. В лучшем случае, вояки в этом возрасте, больше те же зачеты по физо принимают, а не крутят солнышко на перекладине. А Тихомиров вертелся вокруг железки, напоминая мне не пятидесятилетнего мужика, а олимпийского чемпиона Немова, и совсем без подстраховывающих на руках ремней. Ну да, кисти у него, что твои тиски. Вон как он мне плечо сжал вчера.

Дядя Миша спрыгнул с турника, прошелся, встряхивая руками, и опять повис на перекладине.

Я, спустившись с брусьев, подошел к лавке, встал лицом к турникам и принялся отжиматься обычно...

Мы менялись, по очереди подходя к снарядам. Я делал по пять повторов, Тихомиров десять... Наконец, у меня мышцы загудели так, что понял — всё, пора завязывать. Дядя Миша ободряюще мне подмигнул и снова повис на перекладине. Я отошел к лавкам и начал тренировать растяжку.

Детское тело пластичней чем у взрослого. Поэтому размявшись, попробовал сесть на прямой шпагат. Получилось, но резкая боль не давала долго находиться в позе аля— Вандамм. Поднялся, попрыгал, кривясь от боли в паху. Спросил подошедшего Тихомирова:

— Дядь Миш, сколько времени?

Вскинув руку и посмотрев на часы, он ответил:

— Восьмой час.

— Ой, мне пора.

— Ну, тогда пойдём.

Обратно шли той же дорогой, по какой я к школьной спортплощадке бежал. Дядя Миша шел рядом. И по виду было видно, что он хочет о чем-то меня спросить, но он молчал. И я догадывался о чем он хочет узнать. О вчерашнем нашем разговоре. Всю ночь наверное гадал — что произошло? Перебирал в памяти наш разговор. Понимал, что проговорился. И откуда подросток знает про звание? А оговорка: «командир»? А его сегодняшние попытки прочесть что-то в моих глазах? Вчера он взглянул и...

Хм, странно, что ни мама, ни отец, ничего про взгляд не сказали. Хотя первыми должны заметить. А получилось, что увидели другие. Может все дело в злости? Когда я злой, то и глаза становятся старше, или выразительнее? И что, интересно, ещё в них Тихомиров увидел? Собрата по оружию? Возможно.

Интересно — где он воевал? Если спросить, то вряд ли ответит. Никому об этом не говорил и мне не скажет. Но догадаться можно самому. Хотя много на свете было военных конфликтов. И где только не принимали участие наши военспецы. Афганистан, вот например, но по возрасту не подходит, если только Аркадьич в капитанах лет так двадцать не проходил. Египет? Йемен? По времени ещё подходит Корея, Вьетнам и Ангола. И не простым воякой он был. Что-то типа разведки или спецназа. Вот где мог воевать Тихомиров. Там он своих товарищей потерял. А капитаном остался скорее всего из-за того что пить начал. Сильно стал пить. Вот и «ушли» его на пенсию досрочно.

Так в молчании и дошли до нашего двора.

Во дворе на дороге стояла черная «Волга». Проходя мимо её, заметил, что Тихомиров, посмотрев на номер, нахмурился. Только отошли от машины, как спиной ощутил чужой взгляд. Мы с дядей Мишей обернулись одновременно. Шофер сидел и делал вид, что с интересом разглядывает бельё, вывешенное на балконах. Я глянул на окно второго этажа — никого. Значит, в спину нам смотрел водитель. А Тихомирову-то номерок машины знаком. Наверняка «Волга» конторская, и приехала она за Зелениным. И по взгляду дяди Миши, сразу ставшему задумчивым, прекрасно это читалось.

У моего подъезда остановились.

— Славный ты парень, Сергей. Удивительный, и странный.

— Почему? — спрашиваю.

Тихомиров стрельнул глазами в сторону машины и сказал глухо:

— Да взгляд у тебя был как...

— У командира?

— Пока, — сразу закруглил разговор дядя Миша и пошел к своему дому.

— До свидания, товарищ капитан.

Я повернулся, бросил взгляд на «Волгу» (шофер смотрел в сторону, делая безучастный вид), и вошел в подъезд, ощущая удивленный взгляд Тихомирова. Быстро поднявшись на первый пролет между этажами, прилип к окну. Дяди Миши уже не было, ушел, а вот в машину как раз сел Зеленин. Смотреть было не очень удобно (машина стояла у другого подъезда), но разглядел, как водитель сначала что-то говорил отцу Маринки, и только потом поехал. Про Аркадьича говорил. Очень понятный интерес конторы к скромной персоне военного пенсионера. Значит, я правильные выводы сделал. Да и пусть следят. Главное — Тихомиров пить бросил. Теперь если и случится роковая для дяди Миши встреча в девяностых, то биты будут не в руках рэкетиоров а и их задницах. И это правильно.

На свой этаж поднимался непривычно медленно. Зря я так напрягался с утра. Хотя и приятно ноют мышцы, но сразу такие нагрузки...

Мама встретила удивленно:

— А я гадаю — куда все мои мужчины подевались? — улыбнулась она, — уже начал готовиться к труду и обороне?

— Конечно, мам. А папа в часть уехал. Обещал сегодня раньше дома быть.

— Я знаю. Завтракать садись.

— Сначала в душ.

После душа, сменив бельё, позавтракал. Мама достала кошелек.

— Вот тебе пятьдесят копеек на обед.

— Не надо, мам, — отодвинул я монету — у меня сдача осталась.

Собрав в сумку все учебники (наверняка, сегодня их сдавать будем) и, наведя расческой на голове порядок, я зашел на кухню.

— Готов к труду и обороне.

— Иди уж, военный.

Вышел из подъезда. У лавки туда-сюда прохаживался Савин.

— Привет!

— Привет, — поздоровался он, зло глянув на меня.

— Чего такой злой, — шучу я, — не с той ноги встал?

— Он ещё спрашивает! — сплюнул Олег, — развёл меня как рябёнка. Друг называется!

— Не понял, ты это про что?

Савин опять зыркнул на меня. Как лазером прожиг.

— Про гитару, про что ещё? — буркнул он, — и сам на спор меня подбил. Жук!

И сразу пояснил:

— Генку вчера вечером видел.

Вот, блин! Про это я как-то не подумал. Ясно, что Ким рассказал о моей игре у него дома.

— Спор аннулируем?

— Конечно, — кивает Олег, — неспортивно выходит, спорить заведомо на выигрыш.

— Кто бы говорил! Ты тоже хорош! И ведь условие-то какое поставил, — и слегка толкаю кулаком Савина, — Зеленину поцеловать.

— А чего такого? — притворно изумляется друг, — ты ей нравишься, она тебе нравится. Совет да любовь!

— В торец дам, — предупреждаю шутника, — хватит про это. Сам-то не сильно обиделся?

— Не сильно, но мстя моя, — обещает Савин, — будет ужасна.

— Что, «Онегиным» задекламируешь?

— Нет, потом узнаешь, — хмыкнул Олег, — а «Онегина» мне учить не особо нужно. Меня отец в наказание учить заставлял, так что ты был бы в пролёте. Если не веришь, могу хоть сейчас начать читать.

— И кто из нас жук? — спрашиваю удивленно.

— Сам такое условие поставил. Я-то при чем?

Странно, помнится, всё по-другому было, не любил он стихи. Или поэтому и не любил, что силой учить заставляли? Но об таких наказаниях родителями Олег мне никогда не говорил. Хотя кто в таком признается? М-да, с желанием для Савина я, получается, лопухнулся. Да и неважно теперь.

До начала уроков двадцать пять минут. Времени вагон. От нашего двора до школы всего сотня метров, на карачках не спеша доползешь. Мы и шли не торопясь, шутливо препираясь.

— А когда ты начал на гитаре играть? — вдруг спросил Олег.

Тут можно и правду сказать, тем более ответ выйдет туманным. Так и ответил:

— Давно.

— Хм, давно. А почему скрывал?

Я пожал плечами и сам спросил:

— А ты почему про стихи скрывал?

— Думал, засмеют. Стеснялся такого наказания.

— А ремень лучше? — усмехнулся я.

— Даже не знаю... — вздохнул Олег и остановился, глядя вперед.

Навстречу нам шел дед Косен. Усталый и задумчивый, он нес сумку с продуктами. Мы поздоровались с ветераном, но Косен Ержанович прошел мимо не заметив нас. Что-то расстроило его. Наверняка в магазине нагрубили.

Савин проводил взглядом ветерана и как-то мечтательно сказал:

— А представь, Серёг. Вот бы сейчас бы на войну попасть, да с автоматом по врагу да-да-да. Да на современных танках. Эх, дали бы немцам!

Покосился на друга. Романтика так и плескалась в его глазах. Только нет на войне романтики. Смерть там. Это здесь пацаны играют в «войнушку» с игрушечным оружием и не понимают пока, что война это вовсе не игра. Там смерть правит бал, а она не может быть игрушечной. Я не был на войне, так уж вышло, что пропустил оба раза, когда наши ездили в «командировку». И оба раза из-за ранений, полученных при задержании. Как ни странно — ножевых. Бывает и на меня проруха. Молодой был, неопытный. Но что творилось «там» знал. Наши ребята вернулись все, пусть с тяжелыми ранениями, но все. Поэтому я знаю. И мой дед знал, Косен Ержанович и его друг знают. А этот, попасть на войну хочет... попаданец хренов.

Кстати, я тоже попаданец, блин. Попал так, что не сотрешь.

— Война это не игрушки, — сказал я Олегу, остановившись у поворота к школе.

В этот момент мимо нас прошла Зеленина и, одарив меня улыбкой, поплыла впереди, покачивая бедрами. Обалдеть! Челюсть отвисла помимо воли, и не только у меня.

Савин закрыл рот и выдал:

— Ужель та самая Марина? — и повернулся ко мне, — не упускай шанс, мистер ноль-ноль-восемь! Ведь королева!

Опять двадцать пять!

— Я тебя предупреждал! — и пихнул шутника локтем в бок.

— А чё? — закрутил головой Олег, — я ничё. Но вы не сказали нет милорд... нет, но какова!

— Да тебе самому в клоуны идти надо.

— С кем поведёшься...

Школа встретила нас своим обычным гулом, но этот ор был радостным, от осознания того, что сегодня последний учебный день. Ничего, что у многих впереди контрольные и экзамены, общий настрой это не изменяло. Ученики носились на полном форсаже, как будто собрались побыстрее приблизить летние каникулы.

Мы прошли через фойе к лестнице, поднялись на второй этаж и по дороге перед нами жизнь немного замирала. Встречные пацаны останавливались и здоровались. Даже старшеклассники подходили руку пожать.

— Чего это они? — спросил Олег.

— Не знаю.

Первым уроком должна быть литература. Класс находился на втором этаже, в самом конце коридора. Мы вошли в помещение. У первой парты сгрудились девчонки, что-то бурно обсуждая. Они обернулись, увидели меня и Олега, и зашущукались тише, изредка на нас поглядывая.

Мы прошли к «камчатке» и уселись за парту. Сумки с учебниками засунули под стол. До начала урока ещё десять минут. Выбранный вчера стих в голове прокрутил и подумал — а чего, собственно мне его рассказывать? У меня по литературе все равно четыре. Вот тройки исправить нужнее... кстати.

— У тебя двойка по английшу, — напоминаю я Олегу.

— Да знаю, — кривится Савин, — а что делать?

— Исправлять, конечно.

— Ага, — хмыкает Олег, — а зелья ты с собой прихватил?

— Без зелья обойдёмся, — говорю, — я набросаю что-нибудь на английском, а ты выучишь. Только надо выучить быстро. Сможешь?

— Смогу, давай свой текст.

— Точно сможешь? — уточнил я.

— Не беспокойся, Пушкин влёт запоминался, а тут пара четверостиший...

Влет запоминался? Тут же спрашиваю:

— Слушай, а почему с такой памятью, у тебя проблемы с английским языком. Не пробовал просто тупо заучивать?

— Не, лень было. Мне Онегина за глаза хватало.

Я хмыкнул — ну да, помню, что Олег учить не любил, лень-матушка, однако. И непоседа был ещё тот.

— Блин, чаю дома надулся, — пробурчал Савин и посмотрел на часы, — время ещё есть пойду до ветру сбегаю.

У первой парты шушуканье продолжалось, и как только Савин поднялся, так сразу половина

девчонок посмотрела на нас. Из мужской половины класса мы пришли первыми. Я посмотрел на девчью толпу у первых парт и, на всякий случай, решил сходить с Олегом за компанию. Не хотелось оставаться в классе одному.

Школьные туалеты были рядом и находились в концах каждого коридора.

У двери стоял незнакомый старшеклассник и бдительно смотрел в глубину прохода. «Часовой» глянул на нас, нахмурил брови и вдруг улыбнулся:

— А, Вязов, здорово! — и тянет руку.

— Здорово, — жму его вялую кисть, — коль не шутишь.

— Какие шутки, пацаны? — слишком показушно трясет рукой старшеклассник.

Понятно, почему тот девятиклассник стоит на «шухере», чтоб предупредить о появлении учителей. Только непонятно — чего он лебезит перед младшими?

В туалете накурено будь здоров, как будто вся школа по сигарете выкурила. Будь тут пожарная сигнализация, то её давно замкнуло бы от концентрации дыма. А этим хоть бы хны. Четко видны только ноги, остальное размывалось сигаретным смогом. Чего они окно не откроют? Или в целях безопасности на вторых этажах створки заколочены? Но должно что-то открываться для проветривания. Здоровье, блин, портят не только себе. Сейчас вся одежда куревом пропитается. Я прокашлялся и сказал:

— Форточку бы открыли, — и собрался выйти. Лучше Савина снаружи подождать.

— Это кто тут такой борзый? — тут же сипло отозвался кто-то.

Из тумана появляется рука и пытается меня схватить. Привычно перехватываю её. По кафелю катится недокуренная сигарета, а куряка, ойкая, сопровождается мной к выходу.

Снаружи нас встречают круглые глаза «часового». Следом из туалета выходит Олег, видит нашу композицию и хмыкает:

— Все резвишься? Пойдём, сейчас звонок будет.

«Часовой» перестаёт таращиться на загнутаго товарища и говорит тому:

— Ты чё? Это же Вязов!

— А ты обретаешь популярность, — опять хмыкает друг.

Отпускаю старшеклассника и спрашиваю:

— В чем вообще дело? Чего вы тут за культ личности затеяли?

— Какой ещё культ? — трясет рукой курильщик, — ты с Громиным махался. И в торец ему дал, да так, что тот кровью умылся...

Мля! — в голову закралась нехорошая мысль. Показалось, что эта нездоровая популярность ещё мне аукнется. Я схватил за руку Савина и затащил в класс. Лучше заняться насущными проблемами, а эту мысль, обдумая потом.

Следом за нами почти разом зашли пацаны нашего седьмого «А». Несмотря на первый звонок, все мальчишки сразу собрались у нашей парты, но Савин тут же зашипел на них:

— Не мешайте, — и уже мне, — Серёг, давай, пиши.

Что бы такое Олегу перевести? А что я думаю-то! Улыбнулся и начал быстро записывать на листок: «My uncle is the most fair rules. When it is not a joke was sick...».

— Это что? — глядя на текст, спросил Савин.

— То, что ты быстро заучишь, — ответил я и пробежал глазами весь текст. Вот, блин! У меня получилось примерно так же, как и вчерашний перевод оригинального текста песни. То, что я тут написал, смысл-то несёт, но вот рифма отсутствует. Я учил когда-то стихотворения на английском, но вот не помню их точно. И что теперь делать? Может так сойдёт?

В этот момент в класс вошла Елена Михайловна, держа в руках журналы. Все встали.

— Здравствуйте, ребята, — красивым и чарующим голосом поздоровалась учительница, — садитесь.

Батюшки! То есть... я, конечно, помнил, что Щупко была молодым специалистом, но, на сколько она была молодым...

В той жизни на это внимания как-то не обращал. Ну, старше, и что? А теперь... теперь моя взрослая часть отметила обалденную красоту молодой женщины. Стройность, длину ног, причёску... Елена Михайловна сейчас старше на столько же, на сколько был бы старше её я, по прожитой и осознанной жизни. Странно, подумал я, сверстниц побаиваюсь, а взрослых нет. А чего я на... э-э-э, взрослую женщину заглядываюсь? Марина красивей сейчас и ещё больше станет...

Черт, понесло не в ту сторону. Отогнав все лишние мысли, принялся рассматривать оформление класса. Типичный кабинет литературы. Висящие на стене портреты классиков, изречения, отрывки из произведений, а у самой двери висел плакат с надписью «Слава героям», рисунком Вечного Огня и памятника двадцати восьми Панфиловцам. Наверно ко дню Победы рисовали. Я вздохнул и посмотрел вперед. Над доской висел портрет Ленина. Ну да, куда ж без него? И его завет под портретом: «Учиться, учиться и учиться».

Вот и учусь. Во второй раз...

Блин, что же с переводом делать? На родном языке я бы ещё рифму подобрал, а вот на английском... попробовать? Начал переставлять слова, подбирая по созвучию, чтобы не потерялся смысл. Наконец вроде получилось. Внизу текста написал транскрипцию русскими словами. То, что и будет учить Олег.

— Вот, — я пододвинул к нему листок.

— Как это называется?

— Онегин, который Евгений.

— Да ну! — и Савин пробежал глазами по тексту, — тарабарщина какая-то.

Ага, действительно тарабарщина, на «Уно-уно-уно-ин-моменто» похоже.

— Май анкл хай адизэлс инспай хим... — начал бубнить Савин, — бат увен паст джокинг хи фал сек...

— Учи про себя, — шепнул ему, а сам стал смотреть на учительницу.

— Итак, мы сегодня учимся последний день, — сказала она. — Сегодня же сдаём учебники. Сейчас я по-быстрому объявлю — у кого имеются низкие оценки, и кто может их исправить. Потом вы прочтете стихи...

Классная что-то говорила об исправлении, называла фамилии, в том числе и мою. Ну, то, что у меня в итоге по трем предметам выходят тройки я и сам знал. Но есть возможность исправления...

— Вязов, — вызвала она меня первым. — У тебя есть возможность повысить оценку. Не только по литературе, но и по другим предметам. Стих приготовил?

— Да, Елена Михайловна, — ответил я, и, стараясь не смотреть на её ноги, отвернулся к двери.

Только я собрался начать, и тут опять на глаза попало изображение памятника и Вечного Огня. Приготовленное произведение неизвестного пока автора решил не читать, а вместо него прочту сочинённый мной когда-то для песни текст, но так и не озвученный музыкально. Просто не смог переложить слова на музыку. Пауза уже слишком затянулась и я начал:

— Гранита красного плита,
Лежат цветы со всех сторон.
А в центре яркая звезда,
Простая надпись, без имён.
Простую надпись ты прочти,
И у огня остановись,
И молча голову склони,
Тут пламя скорби рвётся ввысь.
Я в пламени живу давно.
Я память горечи, утрат.
Я — пламя вечного огня.
Я — неизвестный ваш солдат.
Имею тысячи имён,
Лежу на тысяче полей,
Где я погиб, где был сражен,
И видел тысячи смертей.
Но смерть не властна надо мной,
Пока я в памяти живу.
Опять веду последний бой,
И в ту атаку я иду.
Со смертью был уже на ты.
Я много раз в неё шагал.
И страшной вестью шло домой —
Погиб, и без вести пропал.
Я всем навеки кровный брат.
Имея множество имён,
Я, с миллионами солдат,
В могилах братских погребен.
И каждый вечно будет свят.

Ты помни родина меня.
Я — неизвестный ваш солдат.
Я — пламя вечного огня.

Посмотрел на класс, все сидели с задумчивым видом. Кто-то тяжело вздохнул. Конечно, стих не совсем удачен с литературной точки зрения, но задевает. Так мне Жихарев говорил, единственный, кому я читал сочиненный текст.

— Хорошо, Сергей, — тихо сказала Елена Михайловна, — то есть отлично. К-хм, ты вот что... ты сейчас в учительскую иди, там тебя Александра Владимировна ждёт.

А вот это просто отлично! Значит, по английскому оценка тоже будет положительная. Остались математика и русский, но тут проще. Как сказала Щупко, по результатам контрольных, и будет выставляться оценка в табель.

Я вышел из класса и направился в главный корпус. Учительская была на первом этаже, напротив кабинета директора. Прошел по переходу, спустился по лестнице и остановился у двери.

Интересно, как все будет происходить? Скорей всего Александра Владимировна мне экзамен устроит. Задаст много вопросов, чтобы убедиться в знании языка. Вдруг я тот монолог на зубок выучил? Посмотрим. Постучался и вошел.

В кабинете, кроме Травиной, сидел представительный мужчина лет пятидесяти и читал газету.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Серёжа, — поздоровалась англичанка.

— Добрый день, молодой человек, — на мгновение отвлёкся мужчина и опять уткнулся в газету. Странно, но показалось, что своим коротким взглядом, этот представительный субъект, прокачал меня с ног до головы. Кто он? Для простого учителя он одет просто шикарно. Дорогой костюм, фасон туфлей, необычная и дорогая оправа очков, аккуратная прическа... все говорило о том, что этот мужчина сидит тут не просто так, а ждет именно меня. Только делает вид слишком уж незаинтересованный, да и газета, как я заметил, недельной давности. Контора? Хм, не думаю, но и не исключаю. Ведь моё внезапное, для всех, знание английского языка могло привлечь внимание. Ладно, поговорим и увидим, что за фрукт.

— Присядь, — Александра Владимировна показала на стул рядом с её столом.

Я сел так, чтобы был виден этот странный тип. Боковым зрением отметил, как он сложил газету, повернулся к нам и принялся уже внимательно меня разглядывать. Нет, это точно не контора. Профессор какого-нибудь иняза, позванного проверить чистоту моей английской мовы.

— Серёжа, — начала говорить англичанка, — у тебя во всех четвертях были одни тройки. Особым рвением к изучению языка ты не отличался. Твои знания английского еле-еле тянули на тройку, и то... но вчера...

Она немного помолчала, собираясь с мыслями, и продолжила:

— Но вчера ты вдруг заговорил так... — англичанка стрельнула глазами в сторону опять начавшего читать газету мужчины, — как говорил бы британец, или как долго живший в

Англии человек, по крайней мере, мне так показалось. И поэтому я в некотором затруднении. Вроде бы оценка по результатам года очевидна, но есть вопрос...

«В журнале» — мысленно улыбнулся я, но вида не подал.

— ... и вопрос в том, что я решила, что ставить тебе тройку за год будет не совсем правильно, но с другой стороны...

Травина опять сбилась.

— Вы хотите проверить, не заучил ли я тот монолог? — спросил я.

— В общем-то, да, — кивнула англичанка.

— Хорошо, проверяйте. Готов к любым вашим вопросам.

Представительный мужчина крякнул, но я и не повернулся, а Александра Владимировна достала лист и протянула, сказав по-английски:

— Напишешь маленький диктант, а потом мы немного побеседуем, — и выразительно на меня посмотрела. Мол, понял ли?

— Хорошо, давайте напишем, — так же по-английски ответил я и достал из кармана ручку.

Странный тип опять зашуршал газетой, а англичанка кивнула, взяла обложенную серой бумагой книгу, открыла в отмеченном закладкой месте и, пробежав глазами страницу, спросила:

— Готов?

— Готов.

Травина начала медленно диктовать:

— The end! It was all just a dream...

С первыми словами я узнал «Воспоминание» Байрона. Блин, ну и совпадения! Именно этот стих я и учил когда-то. И ведь хорошо его помню. Нравится он мне. Учительница на мгновение глянула на лист, где я уже записал продиктованное и продолжила:

— There is no light in my future. Where is happiness, where the charm?

Вот черт! Как специально мне этот стих выбрали. Ведь в переводе звучит так: «Нет света в будущем моем». Для меня это звучит своеобразным намеком.

— Tremble in the wind wicked winter, dawn is my hidden behind a cloud of darkness...

Я вздохнул и, не дожидаясь пока Александра Владимировна продиктует произведение до конца, быстро дописал текст. Отложил ручку и задумался. М-да, «рассвет мой скрыт за тучей тьмы...», ну точно намек на моё будущее. Нечаянный. Байрон ни при чем, и Травина тоже. Откуда они могут знать про мою ситуацию? Но совпадение странное. Если бы этот стих мне продиктовали в других условиях, то и внимания не обратил. Но тут...

— Молодой человек, — раздалось рядом. Англичанка замолчала, прервавшись на последнем

предложении, и посмотрела на меня. А рядом стоял тот тип и смотрел на листок.

— Я думаю, что Вы отлично знаете этот стих. Не так ли?

Делаю невозмутимое лицо и киваю:

— Да, вы правы, я хорошо его знаю.

Он постоял немного, глядя на стих, написанный мной, затем передвинул стул, поставив его напротив, сел, положив ногу на ногу. Взял листок, опять пробежал глазами текст и пристально посмотрел на меня.

— В первый раз вижу столь молодого человека знающего классика английской литературы в подлиннике.

Я покосился на Травину. Теперь она тихо сидела, как будто поменялась ролью с этим респектабельным мужчиной. А этот «профессор» разглядывал меня как чудо.

— А ещё что-нибудь из классиков знаете?

Я много чего знал, так как, практически, учил язык по английским книгам, которыми меня обеспечивал сокурсник. Но не уверен, что что-то ещё вспомню, поэтому, на всякий случай, ответил так:

— Только этот стих, но могу перевести на англиш любого из русских поэтов.

И подумал — только полчаса назад этим и занимался. Кстати, надо будет Александру Владимировну за Олега попросить.

— Даже так?! — чуть улыбнулся «профессор», и поглядел на Травину, — интересно, интересно.

Учительница пожала плечами, а он поправил очки и, наконец, представился:

— Кокошин Виктор Михайлович, декан КазГУ. Факультет филологии, литературоведения и мировых языков.

Я про себя улыбнулся — правильно угадал.

Мы немного поговорили. Кокошин задавал разные вопросы, а я отвечал. Диалог велся на английском. Мои ответы декан выслушивал внимательно, иногда чуть улыбаясь. Наконец он сказал по-русски, обращаясь к Травинной:

— Вы были правы, Александра Владимировна, у молодого человека ярко поставленный английский, без вкрапления американизмов. Но некоторые слова он произносит не совсем правильно. — Он опять взглянул на лист. — Удивительно, что в написании стиха не допущено ошибок, даже орфографических.

Повернулся ко мне:

— Сергей... э-э-э...

— Александрович, — подсказал я.

— Сергей Александрович, откуда вы так хорошо знаете язык? У вас родители им владеют?

— Нет, родители изучали немецкий. А я... (чего сказать-то?) просто начал понимать, а потом и говорить...

— Да? — удивленно поднял брови декан, — интересный поворот. Ну, не хотите говорить... впрочем, неважно.

Кокошин чуть помолчал, пристально меня разглядывая, затем сказал:

— Сергей Александрович, вы бы не хотели перейти в школу с углубленным изучением английского языка? С последующим поступлением в университет. Это даст вам в будущем очень большие перспективы.

Усмехнулся про себя. А если, например, я сейчас запою, как Карузо, то в консерваторию позовёте? И про будущее говорит. Уж про него-то я лучше вас знаю. Всё что случится... Нет, конечно, предложение заманчивое, ничего не скажешь, но не стоит торопиться. Надо хорошо подумать.

— Я вас не тороплю, — продолжал Кокошин, — подумайте, — будто прочел мои мысли. — Конечно, можете и эту школу закончить, Александра Владимировна отличный учитель, я её прекрасно знаю. А после десятого класса, я буду ждать вас в приёмной комиссии. Кстати, Александра Владимировна, — Кокошин взглянул на учительницу, — я рекомендую поставить Сергею высокую оценку. Заслужил.

Он взглянул на свои часы (золотые) и поднялся.

— К сожалению, мне пора. До свидания, Александра, — поклонился декан Травиной, повернулся ко мне, — до свидания, молодой человек.

— До свидания, — кивнул я в ответ, тоже поднявшись.

Декан направился к двери, а я повернулся к англичанке:

— Александра Владимировна, Савин Олег тоже хочет стих рассказать.

Кокошин, услышав мои последние слова, задержался в дверях:

— Что, ещё один феномен?

— Нет, Виктор Михайлович, — улыбнулась англичанка, — Сергей просто за товарища просит, чтобы тот оценку по предмету исправил.

— А, это хорошее дело, — тоже улыбнулся тот, и подмигнул мне, — удачи, молодой человек. Я буду ждать вашего решения.

И дверь за ним закрылась.

— Так можно ему прийти и исправить двойку?

— Хорошо, пусть прямо сюда на перемене приходит. А тебе я четвёрку в табель ставлю за год. Уж извини, пятёрку никак не могу...

— Спасибо, Александра Владимировна. Мне четвёрки хватит.

Вышел из учительской в приподнятом настроении и быстро пошел к кабинету литературы.

Надо успеть к концу урока, так как, выходя, посмотрел на настенные часы. Пять минут до звонка. Перемена всего десять минут, а Олегу ещё стих надо учительнице рассказать. У двери кабинета литературы меня застал звонок на перемену. Тишина тут же взорвалась стадионным рёвом, который я приглушил, закрыв дверь за собой. Одноклассники уже встали из-за парт, учительский стол окружили девчонки и о чем-то говорили с учительницей, пацаны занимались кто чем. Савин сидел и смотрел в окно, подперев голову рукой. Под любопытные взоры прохожу через класс. Олег сразу оживляется:

— Ну что?

— Четыре, — я не стал уточнять детали, сразу спросил, — ты выучил?

— Ага. И отрывок из Онегина успел тут прочитать. Пятёрку получил, — похвастался Олег и перешел на шепот, — чуть по-английски его не прочел. Представляешь?

— Представляю, а я, насчет тебя уже с англичанкой договорился. Она тебя сейчас в учительской ждёт.

— Как в учительской! — воскликнул Савин так, что к нам разом все обернулись.

— Нельзя было где-нибудь отдельно, или потом? — уже шепотом спросил он, — туда же сейчас все учителя припрутся.

— Ну, уж прости, — развел я руки, — так получилось. Пошли, а то времени нет. Провожу тебя до кабинета.

По дороге Олег читал выученный текст, а я поправлял не только ошибки, но и произношение. Нагнали Щупко, она как раз входила в учительскую. У двери мы остановились.

— Давай, иди. Ни пуха... — и я ободряюще пожал плечо Олегу. — Я тебя в классе подожду.

Савин как-то жалобно на меня взглянул, тяжело вздохнул и выпалил:

— К черту! — И, открыв дверь, решительно шагнул в кабинет.

Скрестил за Олега пальцы и направился обратно. В переходе между корпусами увидел идущего навстречу хмурого Макса Громина. Он тоже меня заметил. Согласно нашей договоренности развернули головы в разные стороны и спокойно разминулись. Уже за спиной, сквозь школьный гам, различил его тяжелый вздох. Ну-ну, не нравится? А что ты думал? Впрочем, черт с этим Громиным. Не надо себе хорошее настроение портить.

Только я подошел к своей парте, как меня сразу окружили пацаны. Как оказалось, по той же теме, что пытались подойти перед уроком литературы:

— Сегёга, здорово ты врезал Громозеке!

— А как в бок ему дал!

— А в нос!

— ... обалденно ногой так...

Я переводил взгляд от одного к другому. Интересно — откуда они знают такие подробности? Ведь не было в скверике никого кроме Громинской компании, меня и Савина. А издали очень

трудно было бы что-то разглядеть, кусты и деревья мешают.

— А откуда знаете? — спрашиваю.

— Так вся школа об этом говорит, — ответил за всех Ульский.

Обалдеть! Никто ничего не видел, а знают всё, как будто лично присутствовали на разборе. И кто проболтался? Савин? Так он никогда излишней болтливостью не отличался. Толще, Вершине и Громину вообще это не выгодно. Не от этого ли, кстати, Макс так сегодня хмур? Его проблемы. Тогда кто же? Не тот ли, четвёртый, что всё время за забором сидел, а потом сбежал, как только я метнул нож?

Одноклассники продолжали спрашивать и одновременно отвечать на свои же вопросы. Я им не мешал, думая о своём, и тут услышал такое, отчего чуть со стула не упал:

— ... и ведь как ножом махнул... махаловка до крови была...

— Стоп, — гаркнул я. Все сразу замолчали, даже девчонки у доски. Сказал уже тише:

— Повтори, что ты сказал про нож?

Переходников удивился, но медленно повторил:

— Ты ножом махнул, а Громозека отскочил...

Мля, а вот это уже серьёзно. Слухи слухами, но они имеют свойство преумножаться самыми нелепыми и фантастическими дополнениями. Каждый, пересказывая новость другому, прибавлял какую-нибудь отсебятину, чтобы было гораздо круче и интереснее. В результате, от множества подобных пересказываний, получалось вовсе другая история, кардинально отличающаяся от первоначальной. В моём случае это то, что я, будто бы, дрался с Максом на ножах. Для всех это круто, но для меня...

Тут к холодному оружию гораздо серьёзнее относятся. Не помню, какая статья сейчас, но в российском кодексе это двести двадцать вторая, четвёртая часть, как минимум...

Если дойдёт до взрослых, то будет скандал. Наш участковый хваток, и сразу возьмет на карандаш. Правда ответственность идёт с шестнадцати лет, и ничего такого мне не грозит, но неприятностей для родителей будет много. Поэтому надо эти слухи пресечь.

— Короче, — негромко хлопнул я по парте, — никаких ножей не было.

— Но как же...

— Никаких, — повторил я, — махались по-честному.

— Но ведь до крови...

— Да, до крови, — подтвердил кивком, — но я не резал Макса, а просто разбил ему нос. И всё! НИКАКИХ, — повторил с расстановкой, — ножей не было. Понятно?

Все переглянулись.

— Понятно, — пожал плечами Переходников.

— Можете всем это рассказать. Чтоб не придумывали нелепости, — сказал я и, отвернувшись к окну, добавил, — и хватит об этом.

Зазвенел звонок. Я продолжать разговор не стал. Пацаны потихоньку разошлись по своим местам. Вдохнул, глядя в окно. Вот и стало понятно, почему с утра меня в школе так все встречали. Герой дня, блин, вчерашнего. Такая популярность, конечно, льстит, только это мне ни к чему. Я, вдруг, оказался на вершине такой странной славы, как «хозяин горы» в детской игре. Будто эфемерный пояс чемпиона надел. Только такое положение вещей мне совсем не нравится. Всегда найдётся претендент меня оттуда сбросить. Посмотрит на Макса, потом на меня, и...

Сам бы отдал кому-нибудь этот титул. Даже Максу бы вернул, только, как это теперь сделать? Второй день в детстве, а проблемы нарастают как снежный ком. Не уверен, что теперь и дня не пройдёт без приключений.

Блин! Узнают родители, сразу примут меры. Решат по-своему оградить меня от проблем. Если у отца, наконец, решится с отпуском, то мы, наверняка, всей семьей укатим к родственникам, на родину предков. А если с отпуском выйдут задержки, то просто отправят в какой-нибудь пионерский лагерь, а чего я там не видел? Надо как-то затихариться на время. Перестать удивлять окружающих. И так всколыхнул все устои, что были до моего провала сюда. А всё от того, что головой перестал думать. Ребенок, блин, сорокалетний.

На стол упала записка. Я оглядел класс — все занимались своими делами. Девичья группа у доски распалась на более мелкие, которые переместились ближе к своим партам. Пацаны, в основном, сидели на местах, иногда что-то между собой обсуждая. Зеленина о чем-то шепталась с соседкой по парте. Так и не определив, кто кинул, развернул записку. На маленьком листочке, аккуратно было написано: «Давай после школы встретимся?». Хм, оригинально. Звучит как вызов. Подписи нет и почерк незнакомый. Девичий, судя по аккуратности. Опять огляделся. На меня посматривали только пацаны, девчонки шептались сидя парами. Ладно, потом узнаем — кто это писал?

Посмотрел на часы. Урок уж десять минут как идет, но Елена Михайловна до сих пор не пришла. Савина тоже до сих пор нет. Что там в учительской случилось? Олег всех поразил английской трактовкой Онегина? Или, может, я чего с переводом накосячил? Ну, нет, ошибок я не сделал, в этом уверен.

Дверь открылась и в класс медленно зашел Савин. С важным видом прошествовал к парте и медленно сел.

— Как всё прошло?

— Отлично прошло, — ответил Олег.

— Что, пятёрка? — удивился я. — В четверти?

— Нет, ты что? — смеётся он. — Тройка в табель поставлена. Меня устраивает.

— А чего так долго?

— Так вышло, — буркнул Савин и, оглядевшись, подсел ближе.

— Слышал новость? — зашептал мне на ухо Олег, — Громина на второй год оставляют! В учительской случайно услышал.

Мля! — только и смог подумать. В той истории Макс на второй год не оставался, а просто в середине учебного года перестал в школу ходить. Точно всё изменилось. И что-то мне подсказывает — не к добру.

— Слушай, — шепчу я, — а ты про мой разбор с Громозекой никому не говорил?

— Нет, а что?

— Тут такое дело... — и я рассказал про «особенные» слухи.

— Хреново, — почесал голову Савин. У него мозги работали всегда нормально, сам догадался — чем это мне грозит.

В класс зашла Елена Михайловна и тут же замахала нам рукой — садитесь мол. Положила на стол кипу журналов с тетрадями, села, перебрала их, разложив по размеру, затем встала, как-то странно посмотрела на нас с Савиным, прошлась у доски и, наконец, сказала:

— Вот и прошел учебный год, ребята. Я очень рада, что в этом году ни у кого не оказалось двоек в четверти, — пристально посмотрела на Савина, отчего тот смутился, и продолжила, — и троек меньше, чем в прошлом году. Как я говорила на прошлом уроке — все оценки за год уже выставлены. Исключения составляют только предметы, по которым вы будете писать контрольные, то есть математика и русский язык. По результатам контрольных и будут выставляться оценки в табель. По математике вам всё расскажет Василий Владимирович на следующем уроке, а вот по русскому языку вы напишите сочинение. Завтра состоится линейка. После неё младшие классы разойдутся по домам. Все седьмые классы будут писать контрольные.

Щупко опять осмотрела класс и улыбнулась.

— Ну, а вечером в школе дискотека. Директором приглашена вокально-инструментальная группа «Палитра».

Ребята оживленно зашептались. Название группы мне ничего не говорило, не помнил я такой. Дискотеки в школе проходили часто. Имелась неплохая аппаратура. Не концертная, как у соседней школы, но два усилителя «Амфитон» с колонками и самодельный микшер присутствовали. А группа, наверняка, со своей приедет. Так что танцы выйдут на славу. Я на дискотеку начал ходить как раз после седьмого класса. Пихнул Савина и спросил:

— Пойдешь?

— Конечно, группа ведь будет.

Обсуждение предстоящих экзаменов перемешивалось с разговорами о группе и песнях, какие кому больше нравятся. В основном говорили девчонки. Пацаны больше молчали, но было видно, что на дискотеку пойдут.

— А давайте, перед тем, как все разъедемся на каникулы, сходим всем классом куда-нибудь? — предложила Зеленина.

— Да, это хорошая мысль, — улыбнулась Елена Михайловна, — ребята, куда сходим?

Посыпались предложения:

— В кино...

— В цирк...

Мнения разделились. Кто предлагал в театр, кто в парк Горького сходить, в зоопарк...

— А давайте в горы, — предложил Ульский, — с ночевкой.

Класс одобрительно загудел. Только Щупко нахмурилась:

— Сергей, а разве горы не закрыты сейчас для отдыха?

— Не-а, — радостно сообщил тот, — уже все туристические маршруты открыты давно. Отец недавно говорил. Ведь весна ранней была.

У Сергея отец на горных турбазах работал и мы иногда там отдыхали. А всем классом в горы сходить гораздо интересней чем, например, в кино. Помнится, в девятом и десятом часто все в горы с ночевкой ходили. То есть будем ходить...

— Куда именно пойдём? — спросил Переходников. — В какое место?

— Давайте к Чимбулаку поднимемся, — сказал кто-то с первых парт.

— Не, там народищу много и гораздо холодней, — отозвался Ульский.

— Предлагаю в сторону Алмаарасана, вверх по речке подняться, — предложил Савин. — Красивое место. Там даже водопадик есть небольшой.

— Ребята, ребята, надо будет ещё взрослых с нами позвать, — поднялась Щупко, — а то за всеми вами я одна не угляжу.

— Я папу попрошу, — сразу сказала Толина.

— А я брата...

Набралось чуть ли не с десятков взрослых, которые, правда, пока не знали, что они в горы пойдут, но из десятка-то найдётся пара, которая согласится сопровождать нас в походе. Далее обсуждали, кто что берет и сколько. У кого есть палатки, спальники, котелки. Сколько каждому надо взять продуктов, что обязательно не забыть ложку, кружку, тарелку. Чаю и сахару немного. Ульский предупреждал всех, чтобы брали теплые вещи обязательно, а то по ночам прохладно.

Только утрясли все вопросы по походу, как прозвенел звонок. На перемене я показал записку Олегу.

— Как думаешь, кто писал?

Савин долго её рассматривал, пожал плечами, потом понюхал.

— Ты ещё на вкус попробуй, — рассмеялся я, — ну что узнал почерк?

— Кто-то из девчонок, — опять пожал плечами друг.

— Ясен пень! Сам уж догадался.

Олег отдаёт мне записку, и хмыкает:

— А я тебе, Серж Эльмс, завидовать начинаю...

— Чему завидовать-то?

— Вниманию к твоей персоне.

— Ну, так соверши чего-нибудь эдакое, — хмыкнул я, — и на тебя обратят внимание.

А про себя пробурчал — нужно мне это внимание, сидел бы тихо и не высывался.

Перемена пролетела быстро. Мы только и успели дойти до кабинета математики. В классе я присматривался ко всем девчонкам, но по их поведению так и не определил — кто же записку написал. Единственный взгляд был от Марины. Ну, с ней понятно, а вот с остальными... а если это Зелениной записка? Может она, помня мои исправления в её прошлых посланиях, попросила написать подружку? Пристально посмотрел на её соседку по парте, Ольгу Морозову. Та, почувствовав чужой взгляд, обернулась. Я тут же переключился на стенды с портретами известных математиков и вид сделал, что внимательно изучаю лицо великого Эйлера. Но боковым зрением продолжал наблюдать за первой партой. Ольга, косясь на меня, что-то Маринке прошептала. Ага, вот и Зеленина обернулась. Уверенность в предположении укрепилась. Надо будет как-нибудь в тетрадь Морозовой глянуть, почерк сличить.

Сразу после звонка, в класс зашла Щупко.

— Ребята, — сказала она, — Василий Владимирович сейчас занят. Посидите этот урок тихо, хорошо? Класс дружно закивал. Завсегда гораздо интересней сидеть просто так. Выходя, Елена Михайловна бросила взгляд на последнюю парту, то есть на нас, покачала головой и вышла. Интересно, чего это она? Глянул на Савина. Тот весь смущенный в сторону смотрит.

— Так, — пихнул я Олега, — колись, что в учительской было? Как всё прошло? Рассказывай.

— Да несколько раз стихотворение пришлось повторять. В первый раз рассказал, так англичанка рот раскрыла и сидит, на меня смотрит, потом говорит — повтори. Ну, я ещё раз прочел, а она говорит — в первый раз Онегина в таком оригинальном переводе слышу. А у меня спрашивает — не Вязов ли это тебе дал? Короче, я ещё раз пять стих на «бис» прочитал, перед всеми учителями. Они не все сразу в учительскую заходили...

— Вот ты и отличился! — говорю, а про себя подумал — затихарился, называется.

— Отличился, — пробурчал друг. — Ладно, хоть двойку исправил.

В классе стоял тихий гул. Девчонки опять стянулись к первым партам. Пацаны, тоже собрались в кучки. Переходников с Ульским договаривались насчет палатки — какую лучше взять?

— Серёг, я тут верёвки надыбал, — зашептал Савин, — настоящей, альпинисткой. С собой возьму.

— На кой она нужна? — хмыкнул я. — Горных козлов арканом ловить что ли?

— Причем тут козлы? Привяжем к какой-нибудь толстой ветке и качаться будем. Знаешь как здорово!

— А-а-а, понятно...

Качаться он будет. Тарзан, блин. Так до самого звонка и обсуждали предстоящий поход в горы.

Кабинет физики был напротив математического. Рядом с последней партой, стоял шкаф, набитый разными приборами для лабораторных работ. Я изучил его содержимое и пихнул друга локтем:

— А у тебя какая оценка по физике?

— Тройка с двумя плюсами.

— Не хочешь поднять оценку?

— Нет, я уже практически на каникулах.

— Ещё контрольные, — напомнил я.

— А, — махнул рукой Олег, — что эти контрольные? Лебеда...

Одновременно со звонком в кабинет зашел Коротов, сразу с порога сказав: «садитесь». Встал у стола, оглядел класс.

— Завтра будет линейка, прозвучит последний звонок. Но вы ещё немного в школе задержитесь. Мы решили, что шестым, седьмым и девятым классам будет лучше провести контрольные работы сразу после линейки. Зато уже послезавтра у вас настанут полноценные летние каникулы. А восьмым и десятым классам ещё предстоит сдавать выпускные экзамены. Вечером того же дня будет дискотека. Кто желает... впрочем, Елена Михайловна, вам, наверно, рассказала об этом?

Ребята дружно закивали.

— Тогда сейчас, кто хочет исправить оценку по физике, прошу к доске.

Руку подняли несколько учеников, в том числе я. Коротов сразу вызвал меня.

— Вязов, хочешь годовую оценку по физике повысить?

— Конечно, хочу, Василий Владимирович.

— Ну, тогда выходи отвечать.

Я вышел вперед и, в ожидании вопроса, посмотрел на учителя. Коротов встал из-за стола и подошел ко мне.

— Помнится, Сергей, ты в электрических цепях плавал, — сказал он. — Расскажи-ка закон Ома для участка цепи.

Облегченно вздохнул, так как закон Ома я знал, причем полностью. Как-то спорили с друзьями по какому-то электрическому поводу, вот и проявил интерес к этой теме, и не только к ней. Видно, все, когда-то прочитанное в интернете, отложилось в памяти, поэтому я знал что говорить.

— Закон Ома, — начал уверенно отвечать, — это физический закон, определяющий связь

между электродвижущей силой источника или напряжением с силой тока и сопротивлением проводника. Экспериментально установлен в 1826 году, и назван в честь ...

Шпарил как по писаному. Коротов сначала ходил рядом, кивая головой, затем остановился у стола, медленно опустился на стул, глядя, как я вывожу на доске формулы. Я написал для участка цепи, затем для полной цепи...

Тут Василий Владимирович подскочил и, шагнув ко мне и взяв мел, подчеркнул один из элементов формулы.

— Ну-ка, объясни — что это?

— Это ЭДС источника напряжения, — пояснил я, — измеряется в вольтах. В формуле, для участка цепи, пишется как латинская «У».

Далее, я рассказал о каждом элементе и его значении. Добавил ещё про элементы самой цепи — о сопротивлении, емкости, индуктивности...

Где-то, в глубине сознания мелькнуло, что я уже несу явно лишнее. Что это в седьмом классе не проходили, но, как говорится — Остапа несло...

Когда, наконец, замолчал, то обратил внимание, что все в классе сидят раскрыв рот и глазят на меня как на чудо. Да-а-а! Наумничал тут с три короба. Увлёкся, словно Электроник, из фильма, который дюжину вариантов доказательства теоремы Пифагора привел. Эдак, меня на перемене щупать начнут — не робот ли? Вздохнул, чего уж тут, и так втюхался по самое не хочу. И чего я про индукционный ток-то наплёл? Не проходят это в седьмом классе. Даже, по-моему, в школьной программе нет. Это я всё то, что вычитал в интернете, так и рассказал, только вот по процессам в катушке ничего не помню.

— Интересно-интересно, продолжай, — Василий Владимирович улыбнулся, а в глазах не только удивление, но и азарт какой-то.

И вот что дальше? Дальше тупик, блин! Память лихорадочно занималась самокопанием, то есть рылась в поисках нужной информации.

— Индукционный ток, — уже без особого энтузиазма промямлил я, — это ...

— Ну-ну, — с интересом сказал Коротов, — так что же за зверь такой, этот индукционный ток? Если правильно расскажешь, то пятерку поставлю.

Правильно рассказать я не мог. Ну не помню я ничего! Помню только причину моего интереса к этой теме. Как-то Жихарев рассказал, как его приколот младший брат с силовым трансформатором и обычной батареей. Надо было взяться за выводы первичной обмотки и подсоединить к клеммам батареи. Но приколот не в этом, а в том, что, не отпуская проводов, надо убрать их с контактов батареи. В этот момент держащего провода бьёт разрядом тока. Многие ребята не поверили и даже раскритиковали Олега, и я в том числе. Ну не верилось, что от четырёх с половиной вольт так током ударит. Но Жихарев стоял на своём. Он сбегал в экспертный отдел и надыбал там трансформатор. Вместо батарейки достал аккумулятор из сотового. По его требованию все скептики взялись за руки, последовательно встав в цепь, крайние, я и Олег, подсоединили контакты к клеммам, и сразу их отсоединили. В этот момент нас так потрянуло! После этого, вечером, я и полез в интернет, чтобы почитать обо всем. Вот только и помню — что надо сделать, а как описать — не помню. А если сделать как Олег Жихарев?

— А на практике можно показать? — и посмотрел на преподавателя.

— Можно, — заинтересовался он.

Я прошел к шкафу, и достал с нижней полки силовой трансформатор, высмотренный перед уроком.

— Мне нужна ещё батарея на четыре с половиной вольт.

— Сейчас посмотрим. — Коротов покопался в ящиках учительского стола, нашел несколько батареек, проверил их на наличие заряда и подал мне одну:

— Вот, держи.

— Еще мне нужны добровольцы, — сказал я, — те, кто не боится, конечно.

Желание принять участие выразили почти все ребята, сразу вскочив из-за парт, только половина девочек остались сидеть.

— Ребята, ребята, — замахал руками Коротов, — не все сразу...

— Ничего, Василий Владимирович, — говорю я, — тут можно хоть всем классом опыт проводить.

— Да? Тогда и я приму участие. Что делать дальше?

— Надо цепью встать. Как хороводом.

— Ребята, — сказал Коротов, — давайте-ка за руки возьмемся.

Довольно быстро образовалась цепочка из учеников. Крайними в цепи оказались Василий Владимирович и я. Савин стоял в середине хоровода, выразительно на меня смотря, а слева меня за руку взяла Зеленина, спросив шепотом: «Током бахнет?». «Да» — так же шепотом ответил я, и сказал громко:

— Теперь, беремся за провода и подсоединяем к батарее.

Коротов и я взяли по проводу и замкнули их на контакты батарейки. Только бы получилось, — подумал, — может, опыт зачтется? Я не знал — сколько надо держать контакты и, выдержав несколько секунд, сказал:

— Теперь, не отпуская провода, отключаемся от батарейки.

— Ой! — почти весь класс синхронно подпрыгнул, разрывая хоровод.

— Ух-ты, здорово! — выпалили одновременно Ульский, Переходников и Михеев, — всех потрянуло!

— А что это было? — спросила Марина Зеленина. И тут я вспомнил практически всё:

— Это называется обратным индукционным током.

— Да? — удивился Коротов, — объясни-ка подробнее.

Я дождался, когда ребята усядутся по местам и начал объяснять:

— При подаче напряжения на катушку с сердечником, ток в ней нарастает постепенно, ему оказывает сопротивление ЭДС катушки, и ток этот сравнительно мал. Сама катушка, кроме индуктивности, имеет собственную ёмкость, и в ней возникает магнитное поле. В нашем случае оно кратковременное, так как батарея постоянного тока.

При отключении катушки индуктивности от батареи, по включенной параллельно катушке нагрузке, в данном случае это все мы, протекает ток, нарастающий мгновенно и имеющий большую силу, чем при подключении батареи. Он возникает под действием ЭДС самоиндукции катушки.

— Хм, — склонил голову Василий Владимирович, — не совсем верно и не всё ты рассказал, но... откуда ты это взял?

— Из ин... э-Энциклопедии, — чуть не брякнул про Интернет, — Большой Советской.

— Про такой опыт я не слышал, — Коротов пристально на меня посмотрел, — ты продолжаешь всех удивлять, Сергей, — он усмехнулся, — и этим других заразил. Тоже фокусы показывать начали, — и глянул на последнюю парту. При этом Савин густо покраснел.

— Ну что ж, садись, Сергей. Ставлю пять, а за год четыре.

Шел к парте и думал — ну что меня всё время за язык тянет? Хорошо хоть обошлось. В который раз себе говорю — надо думать, прежде чем что-то сказать. Опять детские гормоны влияют.

Как только сел, Савин наклонился ближе и прошептал:

— Все секреты выболтал, суперагент, или ещё остались?

Но я ему не успел ответить, так как с первой парты прилетела записка. Разворачиваю и читаю: «Удивляет с каждым разом, наш герой Электровязов».

— Ха, опередили с подколкой! — прокомментировал Олег.

Пихнул Савина локтем и показал на ровные строчки:

— Тот же почерк, кстати.

Я вынул из кармана первую записку и сличил написанное на обоих.

— Всё ясно, это Морозова писала.

— С чего ты взял?

— Я когда мимо проходил, в её тетрадь заглянул.

— Значит ещё и Морозова, — хмыкнул Олег. — Однако!

Урок прошел как-то быстро, но исправить оценку успели все желающие. После звонка на перемену, Василий Владимирович поднялся и сказал:

— Ну, ребята, встретимся завтра. Вам будет нужна ясная голова и хорошее настроение. Так что сегодня постарайтесь хорошенько отдохнуть. До свидания.

Последним уроком в этом учебном году была история. У меня по ней всегда пятерки были, но если вдруг чего по предмету спросят, тоже смогу удивить, особенно по древней Руси.

Кабинет истории находился в другом конце коридора, как раз напротив школьной библиотеки. Практически всем классом сразу направились туда, учебники сдать, но библиотекарьша на нас замахала руками, потребовав выйти и входить по одному. Тогда мы отправились в класс. Библиотека напротив — куда спешить? Когда прозвенел звонок, вместо учителя по истории в кабинет зашла Щупко.

— Ребята, — сказала она, — истории не будет. Посидите этот урок тихо, ладно? Учебники можете пока сдать.

Классная вышла, а ребята сразу оживились. Последний урок и без учителя, а потом домой! Все радовались. Странно, а я нет. То есть рад, конечно, но... Будучи взрослыми мы часто мечтаем вернуться в свои школьные годы. И вот он, этот фантастический случай, а проучился я только два дня...

Учебники мы сдали и, не дожидаясь, фактически, последнего звонка, потихоньку потянулись к выходу. Завтра придем на линейку, на которой и прозвонит символический «последний звонок», но уже сегодня у всех «чемоданное» настроение. И ничего, что ещё впереди пара контрольных...

Каникулы впереди!

Мы уже шли к выходу по главному коридору, как со звоном школа взорвалась диким и радостным криком, который вместе с ребятнёй младших классов выплеснулся из кабинетов в школьные коридоры. Счастливая малышня, от осознания того, что все уроки наконец-то кончились и целых три месяца они не будут ничего учить, с криком: «Ура!» понеслась к выходу. Толпа ребятни быстро увеличивалась и набирала скорость. Она была похожа на селевой поток, вперемешку со снежной лавиной, а ещё на штурмующих Зимний дворец революционеров, только бегущих в обратную сторону. Олег, как более опытный, сразу отпрыгнул и прирос к стене, а меня этим потоком подхватило и поволокло на улицу в первых рядах. Удачно вырвавшись, перевёл дух и стоя около колонны, стал поджидать Савина. А из школы вылетали ученики и, не останавливаясь, бежали дальше. Они мчались сломя голову, как будто их сейчас схватят и опять засадят за парту на всё лето. На миг показалось, что сейчас этот поток иссякнет и вслед ему выкатится глобус, как в одной из серий «Ералаша».

Похоже, я был единственный, кого вынесла на себе малышня. Остальные ребята нашего класса выходили сами. Наконец появился Олег с слегка ошалевшим видом.

— Чуть не затоптали! — Он бросил пустую сумку рядом с колонной и начал отряхивать брюки.

— Сами такими были, — и показываю на его левую штанину, где четко отпечатался след от ботинка, — по тебе кто-то потоптался.

— Ага! — смеётся он, — мамонты из четвёртого «А». Правильно нам на биологии говорили — даже лев уходит с пути несущегося стада антилоп.

— Так антилоп или мамонтов? Ты уж определись, лев затоптанный.

— Какая разница? Бегут как антилопы, а топчутся как мамонты. — Олег пытается стереть отпечаток, но след все же остается. — Фиг с ним, так дойду.

Оглядываемся на школьные двери. В этот момент выходят Зеленина и Морозова, как-то угадав ослабление потока младших классов.

— А вот и твоя любимая сеньорита... — говорит Савин и успевает увернуться от подзатыльника. — А чо?

Марина глянула в нашу сторону, попрощалась с подругой и подошла к нам.

— Серёж, давай прогуляемся?

— Давай, — опережает меня Савин, сводя зрачки к носу. Клоун, блин. Но Марина на него и не смотрит. «Падумаешь!» — бормочет он.

Медленно идём вдоль школы. Олег плетется следом.

— Это моя записка была, — сказала Марина, — ну, та где про встречу...

— И твой стишок, — киваю я.

— Как ты догадался? — сделала удивленные глаза она, — я не хотела, чтоб ты сразу после уроков куда-нибудь ушел.

— Зачем такие сложности? Можно на перемене сказать.

Марина идёт рядом, за ней Олег. Вижу, как Савин делает большие глаза и губами имитирует поцелуй. Показал ему кулак. В ответ он изображает пантомимой движение прочь, но потом все-таки опять идет следом.

— Прогуляемся по скверу, — предлагает Марина.

— Давай.

Олег молча пожимает плечами и оглядывается. Свернули за школу и прошли к забору. В этом месте не хватало нескольких досок. Через эту дыру мы и проникли в сквер. Пропуская Марину, заметил, что Савин все-таки куда-то тихо свинтил. Тактичный у меня друг. Марина тоже замечает, что Олега нет, и тут же берет меня за руку. Эти гормоны меня когда-нибудь доконают. Спокойно, Вязов, спокойно. А Марина тянет дальше по тропе.

Идём под ручку вдоль забора. Тропинка петляет между деревьями и кустарником. Тут будто островок природы в большом городе. Тишину нарушает только птичий щебет и еле слышный шелест листьев. Моё смущение потихоньку уходит, но все равно иду и молчу, как бука. Никогда со мною такого не было, а Марина как будто чувствует это и улыбается, ещё больше смущая меня.

— Хорошо тут, — говорит она, — я здесь по вечерам с Чарли гуляю.

Чарли — это американский кокер-спаниель. Очень симпатичный кобель, абрикосового цвета. Приветливый и ласковый, хвост как мизинчик, пропеллером вертится, когда встречает знакомых людей. А если очень хороший друг встретится, то Чарли от радости может и счастливую лужу напустить.

Мы вышли к полянке с беседкой.

— Это здесь ты с Громоzekой дрался? — спрашивает Марина.

— Да, именно тут.

Она отпускает мою руку и медленно обходит поляну. Останавливается около яблони.

— А нож правда был?

Врать ей совсем не хочется, даже во благо, поэтому киваю.

— Был. — Я подобрал полуметровую палочку и начал крутить её пальцами. И почему я так робеть начал?

— Страшно было?

— Конечно. — Пожал плечами и закрутил палочкой быстрее.

— Странно, а я думала, ты ничего не боишься.

— Нет, человек всегда боится. Страх это такая защитная реакция. Но его надо перешагнуть, тогда, кажется, что страха нет. Так что все боятся. Даже сам Громозека боится.

— Ну да, — улыбается Марина, — после всего-то...

Из кустов сирени, что росла рядом с яблоней, чинно вышел большой рыжий котяра и остановился, глядя на нас.

— Кис-кис-кис, — присев, позвала его Марина.

Но кот вдруг злобно прошипел и кинулся под сиреневый куст.

— Вот видишь, — смеётся Зеленина, — тебя теперь все боятся.

— А ты?

— Нет, — она поднялась и шагнула ко мне, — я нет...

— ... ко мне! ...! — Заорал кто-то за беседкой матом. Видно не было, так как закрывали кусты сирени. Раздался громкий лай и опять трехэтажный мат. Почувствовав недоброе я сказал:

— Марин, пойдём-ка отсюда.

Но не успели мы сделать и шага, как за беседкой заорали:

— Фу, Рекс, фу, ну куда ты прёшься?

Потом кусты рядом с ней зашевелились, и из веток показалась огромная черная овчарка. За ней, держась за в струну натянутый поводок и ругаясь появился... Громин.

Он ещё раз «фукнул», затем посмотрел на нас, его брови поползли вверх, а на губах заиграла улыбка.

— Какая встреча! — воскликнул он, а черная овчарка нацелила на нас свои пирамидки ушей.

— Здравствуйте... Андрей М-михайлович... — пролепетала Марина.

Я стоял молча. Андрей Михайлович, значит? Не знал, да и плевать, как его зовут. Плохо, что

Громин с собакой, пусть на поводке, но что ему мешает снять его? Просто так не убежать. Я знаю, как противостоять собаке. Учили как-то. Но я сейчас не сорокалетний мужик, а подросток, и рядом подруга, которую не бросить.

Бывший физрук одернул овчарку и скомандовал: «сидеть». Собака, не отводя от нас взгляда, медленно села. А Громин немного посмотрел на меня, перевёл взгляд на Зеленину.

— Вот так повезло мне, только одного не хватает...

Он намотал поводок на правую кисть, второй перехватил её в полуметре, довольно подергав его, затем сделал маленькую петлю и выразительно посмотрел на меня.

— Ну что, сучонок, — скривил в усмешке рот, демонстрируя петлю, — теперь поговорим по душам?

— Давай поговорим, — я шагнул вперёд, загораживая Марину от овчарки. — А что, без собаки боишься?

— Она не помешает, — хмыкнул бывший физрук. — Наоборот, поможет, если ты сбежать попытаешься.

Марина испуганно вцепилась в мои плечи.

— Все-таки ты трус, Громин. С младшими связался. Не боишься, что засмеют?

— Мне плевать — что там кто скажет.

— Месть сладка?

— Ты прав, сучонок. — Скалится он в ответ.

Мститель, мля. Что же делать? Как выпутаться? Палка всё ещё была у меня в руках. Как дубина она не подходит, слишком легкая. Палка и есть палка...

— Мариш, — еле слышно зашептал я, — я сейчас овчарку палкой отвлеку, а ты сразу беги к забору.

И обратился к Громину:

— А собачка-то очень хорошо слушается.

— Молодая, — Громин усмехнулся и начал сматывать поводок с руки, — но дрессуру прошла.

— А мы сделаем так. — И я кинул палку в сторону, крикнув:

— Апорт! Взять!

Но овчарка равнодушно проводила её взглядом. Громин презрительно хмыкнул, а Марина никуда и не побежала. Так и держалась за мои плечи, стоя сзади.

А палка влетела в сиреневый куст, оттуда выскочил давешний котяра и, тут же застыв в форме подковы, зашипел на собаку. Вот этого овчарка не перенесла и, как только кот кинулся прочь, рванула следом. Она бы настигла этого извечного раздражителя собак, но овчарка тащила за собой по траве матерящегося хозяина, который от неожиданности не устоял на ногах и теперь

пытался высвободить руку из петли поводка.

Тем временем, кот подбежал к двум растущим рядом березам, слету прыгнул, но сорвался и, не повторяя попытки залезть на дерево, кинулся дальше, так как овчарка уже была рядом. А она, повторяя путь кота, пробежала между двух деревьев. Следом, между берез влетел её хозяин и тут же в них застрял. Овчарка взрыла землю и, взвизгивая от обиды, залаяла вслед коту. Она рвалась дальше, дергая поводком, чем мешала подняться Громину. А тот, похоже, застрял капитально и теперь материл собаку, кота, «долбаный поводок», ну и меня с Маринкой до кучи.

Марина, глядя на это, звонко рассмеялась. Громин, пытаясь выбраться, орал на собаку, а та, не понимая команд, начала носиться вокруг деревьев, все больше опутывая хозяина длинным поводком. В конце концов, поводок запутался окончательно. Картина примотанного к дереву Громина, мне что-то напоминала.

— Как Карабас-Барабас, — смеясь, сказала Марина.

Я тоже улыбнулся — действительно, похоже. Вместо бороды поводок, собака хоть и черная, но совсем не Артемон, а Зеленина даже на киношную Мальвину немного похожа, и смеётся так же заразительно. Только вот я вовсе не Буратино и не буду стоять как пень, пока Громин выпутается, и не возьмется за нас. А он возьмется. И за то унижение на уроке, и за его позор тут...

— Пойдем, отсюда Мариш, — сказал я, смеющейся Зелениной, — тут опасно, покусать могут.

Это только добавило ей смеху. Подхватил Марину под руку и повел к выходу из сквера.

— Ты за все ответишь, сучонок, — донеслось мне вслед.

Обернулся и встретил ненавидящий взгляд Громина.

Глава 6

— Жарко было. Влажность невыносимая и при этом пекло страшное, как постоянно в парилке сидишь. Не климат, а наказание какое-то. У побережья прохладно, а как вглубь страны попадёшь... Там всего в избытке — и джунгли, и саванна, и пустыня. Самое интересное, что есть болота огромные, с тварями кусачими — комары и мухи, которые так цапнут, что тут же огромный фурункул вздуется...

Мы сидели на лавке, рядом с рухоходом. Я внимательно слушал Тихомирова. Голос его глухой, с оттенком горечи. Видно, что эти воспоминания ему радости не приносят, но за годы так наболело...

— Если что-то съешь, то не значит, что переваришь нормально. Чаше на толчке сидели. Таблетки горстями, чтоб не заболеть, спирт хлестали... но не очень помогало. Я дольше всех ребят продержался, но все равно малярией заболел. За один день восемь килограммов потерял, правда, оклемался быстро и сразу за работу...

Наша тренировочная база была в глубине страны, в десяти километрах от городка Уамбо. Там мы готовили местный контингент, опыт свой передавали. Нас, то есть советских специалистов, на базе было всего пятнадцать человек. Восемь военспецов, два медика и пять «переводчиков». Вот только по-португальски говорил один. Я тоже «переводчиком военного советника» числился, хотя на португальском — ни бум-бум. Разве только несколько слов — «си» и «нао»,

что значит — да и нет, «бемь» — хорошо и «побрементье» — плохо. До сих пор помню, — горько усмехнулся Тихомиров.

— Наша группа «переводчиков», ставила охрану и оборону базы, заодно обучая местных всем премудростям. Военспецы по технике обучение вели. Наши в Анголу много отечественного вооружения поставляли. Помощь в обучении местной армии нам оказывал кубинский батальон. Совместно с ними часто выходили на учения. Полученные навыки на местности отрабатывать. Поначалу нам было запрещено участвовать в выходах и приказано всегда находиться на базах, — тут Тихомиров усмехнулся, — но потом руководство все-таки решило, что надо самим мастер-класс показывать.

Дядя Миша помолчал немного и продолжил рассказ:

— Перед отправкой в Анголу, нас всех тщательно инструктировали — нельзя попадать в плен. Если вдруг случится, то мы гражданские специалисты, оказывающие местному населению помощь. Но попадать в плен мы не собирались. У каждого на этот случай был специальный патрон или граната. Мы ходили в камуфляже без знаков различия. В документах наших были другие имена, чаще латинские. Меня называли Мигель Транквильо. За то время, что я провел там, так свyksя с этим именем, что даже стал забывать — как на самом деле меня зовут. Сашка Григорьев, единственный по-португальски говорящий, все смеялся: «Вернемся домой, родные позовут, а мы и не поймем...». Его самого ангольцы называли «Санчес Амиго», а мы шутили, вторя: «Друг Санчо».

И вот как-то учения проводили недалеко от черных скал. Были такие, странные очень. Ровное место и вдруг — горы. Невысокие и черные, как будто чистый уголь. Склоны крутые, ровные. А вокруг них осколки камней с острыми краями, хоть сало режь.

Дядя Миша встал, прошелся туда-сюда, остановился у рукохода и, взявшись за трубу, тихо сказал:

— Вот у этих скал и случился тот бой. Последний...

Кисти Тихомирова побелели, сжав перекладину. На миг показалось, что железо сейчас сомнется в его мощных руках. Дядя Миша выдохнул. Голос его стал ещё глуше:

— Шли колонной по дороге, вдруг стрельба впереди. Кубинцы и ангольцы сразу в бой вступили, а мы, всей группой, заняли оборону. Вместе с нами отделение кубинских товарищей, прикрытие наше. Нас всегда хорошо охраняли. И тут нам в тыл ударили, да так, что сразу половину прикрытия положили. Ухнуло два взрыва впереди. И пулеметы из зарослей огонь открыли. Стало понятно, что это засада именно на нас. Предупреждали же, что могут охотиться на советских военспецов. Вот они и отвлекли основные силы, а вторая часть в тыл нам ударила. Грамотно обложили. Нас отжали к скалам. Вызвать бы помощь, но, как назло, рацию «шальной» пульей разбило. С нами к камням отошли трое кубинцев, и ещё двое ангольских партизан. Все, что в живых остались после взрыва и пулеметного огня. Укрылись за камнями. Командир кричит — отходим за скалы, но куда там... огонь со всех сторон, не высунуться. Зажали качественно. И непростые диверсанты из УНИТА, а юаровские командос. Гранатами по нам не работают, хотят живыми взять. Слышим, как где-то недалеко тоже бой идёт. Но нам деваться некуда и нас просто так не возьмешь...

От камней рикошет страшный, искры летят, осколки камня не хуже чем пуля. Острые, горячие. Патронов мало, а эти лезут...

Первый взрыв гранаты и я понимаю — всё...

Это Сашка Григорьев первым подорвался. Слишком близко подобралась юаровцы. «Амиго» уже тяжело ранен был. И помочь ему не смогли...

Потом Антон Михайлов рванул свою последнюю...

Валера Свиридов, командир наш, кричит: «Держитесь, помощь идёт!» и тут же падает. Я к нему. Живот раскурочило, и горло пробито, но по губам читаю: «помоги...», а я не могу в него стрелять. Не могу! Гранату в руку сунул, вернулся к своей позиции, а за спиной взрыв...

Я стреляю и реву. Да реву! А рядом что-то Рамон орёт. И тоже плачет. Из калаша по врагу поливает...

Когда меня ранило, не заметил. Просто уплывать начал. Пока в сознании гранату из подсумка тяну. Главное — живым в руки не попасть...

В себя пришел — тишина вокруг. На пальце кольцо от чеки. Это я с гранаты успел её сорвать. Как мне потом сказали — я пришедший на помощь кубинский батальон за юаровцев принял. Из всех наших ребят только я и Рамон Азуро в живых остались. Этот кубинец в последний момент гранату из рук вырвал и буквально грудью меня от осколков загородил. Можно сказать жизнь спас. А мне как пусто всё стало — что живым быть, что мертвым. Ребята все полегли. Все себя подорвали и хоронить нечего...

Дальше был госпиталь в Луанде, потом в Союз отправили. В контору вызвали и сказали жестко: «То, что было, забудь. И запомни — не в бою они погибли, а умерли от тропических болезней». Вот так. А я не забыл. Вот уж скоро десять лет тому будет, но как ночь, так все ребята мне снятся. Антон Свиридов, Сашка Григорьев, Паша Яневич, Юрка Агапов. Стоят на черном камне и смотрят... живые...

Тихомиров опять прошелся вдоль лавки. Остановился и сказал тихо:

— Десять лет никому не рассказывал. Даже жене. А тут...

Я вспомнил строки из когда-то слышанной песни. Там как раз про наших в Анголе пелось:

— Куда нас, дружище, с тобой занесло,
Наверно, большое и нужное дело?
А нам говорят: «Вас там быть не могло»,
И кровью российской чужая земля не алела...

Дядя Миша потрянул головой:

— Точно — быть не могло. Даже могилы не осталось. Только кровь на черном камне...

У меня на душе нехорошо стало, как будто часть вины на себя взял. Но если дяде Мише стало легче, то пусть. Ведь столько лет в себе носил.

— Ты не виноват, дядь Миш. Война виновата.

— Война, будь она проклята... не только жизнь, но и душу забирает.

Да, проклятая война. И чужая. И самое обидное, что об этом забудут официально. Останется только память таких вот ветеранов, которым запретили помнить своих друзей.

Я поднялся и сказал:

— Ты прав, капитан. Не дай бог испытать такое...

Шел домой не оглядываясь. Знал — не удивлён Тихомиров, не до этого ему сейчас. Только бы не сорвался. Уже и не уверен — хорошо или плохо я поступил, вызвав дядю Мишу на откровенность. Легче ли ему стало? По крайней мере — мне нет, даже тяжелей, чем до этого. А ведь совсем не собирался Тихомирова про войну спрашивать. Как и вчера, встал пораньше и на школьный городок побежал. Дядя Миша уже был здесь, раздетый по пояс на турнике подтягивался. А я, как только рядом на перекладине повис, так и увидел шрамы на теле. Пулевые сразу узнал. Были и другие. Страшные. Как будто тело сначала пополам разорвали, а потом обратно половинки приставили и сшили.

— Ангола?

Ещё вчера я понял — где он воевал. Для Кореи и Вьетнама слишком молодой. Йемен тоже был раньше. Оставались Египет и Ангола. Но про Египет многие знали, а вот про Анголу...

Тихомиров, услышав вопрос, замер, затем медленно подошел к лавке и сел, смотря перед собой. И как только я присел рядом, начал говорить...

Да, судьба у него не позавидуешь. Не смог оправиться после такой встряски. Такое одним снятием стресса не вылечишь и не забудешь. Я бы точно не забыл.

На половине пути к дому остановился. В заборе сквера кто-то сделал широкий пролом, как раз напротив беседки. Видно заколебались ходить через центральный вход или лазить через забор. Надо же, а когда к школьному спортгородку бежал, не заметил. Заглянул в сквер. М-да, это место уже для меня символично стало. Две разборки и обе с Громиными. Со старшим два раза получилось. Думаю, грядет и третья, решающая. Вчера нам фантастически повезло. Ушли без проблем. Марина, правда, смеялась долго. Успокоилась только у подъезда, и то, прощаясь, тихо хихикала.

Вот мне было не до смеха, хотя виду не подавал. Тот Громинский взгляд ничего хорошего не сулил. Мстить за двойное унижение будет, я уверен. Только когда и как?

Нет, он не станет соваться во двор. Подловит где-нибудь в другом месте. Марине нечего бояться. Наверняка Громин-старший знает — кто её отец. А вот мне он обязательно отомстит. Самое странное, что я совсем не боюсь. В этом Марина права. Почему-то нет у меня страха перед бывшим физруком. Понимаю, что он очень опасен, но нет страха, и всё. Так что безвылазно у себя дома сидеть не собираюсь. По опыту прошлой жизни знаю — от проблемы бежать нельзя. Она, разрастаясь как снежный ком, обязательно тебя догонит и может получиться только хуже. Поэтому нельзя прятаться, надо искать выход. Жаль, что со старшим Громиным не решить так же, как получилось с младшим.

Что же тогда делать? Рассказать родителям? Так они обратятся в милицию, и увезут меня на всё лето на родину предков. И так вчера узнали почти всё. Вечером, когда я сидел у себя в комнате и готовился к контрольным, услышал что к нам кто-то зашел. Как оказалось, это был Василий Владимирович. Он и рассказал родителям то, что в школе произошло, то есть позавчерашнее утреннее происшествие с Максом и конфликт на физкультуре.

После ухода Коротова был серьёзный семейный разговор. Больше волновалась мама. Отец сидел задумчивый. Наконец он остановил взволнованный монолог мамы:

— Ладно, мать. Ничего страшного не случилось. Просто мы не заметили, как наш сын повзрослел. Если считает, что справится сам, то пусть.

Только потом, когда мама ушла в комнату, папа глянул на меня и сказал:

— Чую, что не все ты нам рассказал. Но я не тороплю. Помни, что даже если ты обратишься за помощью, это не будет считаться трусостью.

Отец всегда меня понимал. Он и сейчас понял, что не все так просто.

Школьная линейка с последним звонком — для учеников событие эпохальное. К концу учебного года даже самые отъявленные ботаники устают от учебы. Вот-вот зазвенит последний звонок и... свобода. Странное дело. Похоже, я тут единственный из всех, кто сожалеет об этом. Если скажу кому из ребят, то никто меня не поймёт, ещё и пальцем у виска покрутят. Надо же такому случиться — попасть в самый конец учебного года. Хм, надо в будущем все свои желания формулировать точнее. А то получится, как с желанием в странной программе. Понимаю, что попадание было в один из поворотных моментов в моей судьбе. Вот и повернул судьбу, что не знаю, как дальше быть?

На линейку я опоздал. Слишком уж задержался на спортплощадке. Вернувшись домой, быстро обтерся намоченным полотенцем, времени на душ уже не было, переоделся и побежал в школу.

На площади все ученики выстроились классами по порядку убывания и алфавита. Издалека, эта организованная толпа, напоминала каре, вывернутое наизнанку. Только у входа в школу был маленький разрыв в строю. У колонн, по краям крыльца стояли колонки и стол, накрытый красной материей. На нем стопкой лежали какие-то книги и поднос с медным колокольчиком. Рядом со столом выстроилось руководство школы. А впереди, с микрофоном, стояла завуч школы, та, что позавчера выходила посмотреть на «внезапно установившуюся тишину», и поздравляла учеников с окончанием учебного года.

Я вытянулся и приподнялся на цыпочках, выискивая своих. Седьмых классов было семь. «Семь седьмых» — шутили учителя. Увидел, что седьмой «ж» стоит как раз на углу «каре», а мой «а» дальше. Протиснулся к ребятам, которые все стояли в глубине строя. Впереди стояли девчонки, все парадно одетые, с белыми бантами, совсем как на День Знаний. Наверно они сейчас нарядней смотрятся, чем на первого сентября. Все-таки праздник последнего звонка! Почему бы не приодеться? Хотя мне только кажется, та же парадная школьная форма.

Встал рядом с Савиным.

— Чего опаздываешь, — покосился он на меня, — проспал что ли?

— Ага. — О Тихомирове и о разговорах с ним, рассказывать не стоит.

— Не фиг допоздна сидеть, — буркнул Олег и сам сладко зевнул.

— Ещё пару часов помучаться и мы свободны, — шепнул Переходников, — скорей бы дали этот последний звонок...

У микрофона уже стояла вторая завуч. Она торжественно называла фамилии, из строя выходили названные ученики, шли к столу, где им вручали грамоты и книги.

— Я тут случайно узнал, — зашептал мне в ухо Олег, — кто прятался за забором тогда.

— И кто?

— Алдар Кигаев из седьмого «г». Он и рассказал всем про твою разборку с Громозякой.

Седьмой «г» стоял от нас недалеко, но из-за учеников Кигаева я не разглядел.

— Вершина ему чуть челюсть за это не сломал, — продолжал рассказывать Савин, — теперь Алдар с ними не тусуется.

— А Ильяс?

— Какой Ильяс? — удивляется Олег.

— Расулов.

— А при чем тут Ильяс?

Я пожал плечами и счел нужным промолчать, так как вспомнил, что Кигаев и Расулов пока были просто приятелями и одноклассниками. Так, иногда ходили вместе. Вот если бы Ильяс был в тот момент с Кигаевым, то обязательно вступился бы за Алдара. Не любил он когда несправедливо дрались. Вершина ведь старше...

Надо будет с Кигаевым поговорить насчет того дня. Кстати, Савину про вчерашнее стоит поведать, вдруг чего толкового посоветует. Потянул Олега в сторону от ребят и тихо, чтобы никто не услышал, рассказал вчерашние события. Он выслушал, постоял немного, взглянул на меня мрачно:

— Слушай, а ты что, совсем страх потерял? Он же теперь точно тебя приберёт, — и, оглянувшись, добавил еле слышно, — я слыхал у физрука «дура» есть.

— «Дура»? — переспросил я, — ты уверен?

— Пацаны рассказывали, что видели как-то его в горах. С ним был какой-то мужик лысый, в спортивной фирме. Они там пиво пили и по бутылкам стреляли.

— Что за пистолет?

— Фиг его знает, — пожал плечами Савин.

— А стрелял как, не перезаряжая?

— Вроде да. Пацаны говорили, что будто бы они обойму пару раз набивали...

Ох, не простой оказался этот Андрей Михайлович. Пистолет у него, оказывается, есть и явно не самоделка, и патроны имеются. Макаров, Токарев? Интересно, откуда он его взял?

И одет хорошо, я ещё на уроке заметил — костюм-то у него фирменный. Маде ин оттуда. Отец по своим связям достал? М-да, самый старший Громин сейчас шишка городского масштаба, а братья ведут себя аналогично сыночкам «больших» боссов, что появятся в будущем. Эдакие пионеры будущего класса крутых мажоров, которым все позволено. Макс вон, что творил постоянно — так в школе его терпели. Случай на физкультуре стал последней каплей, и Коротов выгнав старшего брата, занялся младшим, а так как Макс не успевал практически по всем предметам, то просто оставил его на второй год. Таким образом директор решил обе проблемы, но это явно не останется без внимания главы Громинского семейства. Так что всё не так просто.

— Слушай, а если с Расуловым побазарить? — прошептал Савин, видно подумав о том же, что и я.

— Зачем?

— Ну, обрисуем ситуацию, тот поговорит с отцом...

Отец Ильяса сейчас возглавляет местный РОВД, и мог бы помочь, но...

— Не пойдёт, — качаю головой я. — Расулов отпишет нашему участковому, тот проверит — как такового нападения не было, у нас следов побоев нет. Дело закрыто, а мне ещё большие проблемы.

— Тогда я не знаю что делать.

В этот момент у микрофона встал Коротов и провозгласил:

— Ребята давайте проводим прошедший учебный год последним звонком.

— Наконец-то... — прошелестело по школьному «каре». А из десятых классов вышел здоровенный парень, подхватил, посадив на плечо, отличницу-первоклашку, и пошел вдоль строя, а девчонка весело зазвонила колокольчиком. Площадь загудела. И как только старшеклассник вернулся к столу, все, кроме седьмых классов, сразу рванули по домам.

— Счастливые... — сказал кто-то из седьмого «б».

— Ничего, мы тоже обедать будем уже свободными людьми! — ответили там же.

— Вот так и тарабаним мы, от звонка до звонка! — буркнул Олег, провожая глазами убегающие младшие классы. — Только вот не сразу домой отпускают.

— Фу, Савин, — толкнула его Раевская, — что за выражения?!

— Нормальные выражения, — ответил тот, — а что, не так что ли? Все, вон домой, а мы...

— Тоже пойдем, как контрольные напишем, — говорю я. — Мы ещё что, вот восьмые и десятые классы экзамены только через пару недель сдавать будут...

— Угу, могли бы и раньше контрольные эти сделать.

— Ребята, ребята — громко сказала подошедшая к нам Елена Михайловна, — сейчас все организованно идем к кабинету математики.

Значит, первой будет контрольная по математике. Некоторые из ребят тут же зашуршали маленькими листочками. Шпаргалки, куда же без них? Их прятали под рукава, передние карманы, но так чтоб можно было незаметно достать, в шариковые ручки...

Мне шпаргалки не нужны. На память я не жалуюсь, вчера весь вечер готовился, повторяя все по тем учебным пособиям, что были у нас дома.

— Слушай, а если Маринкиного отца попросить помочь? — зашептал вдруг Савин. — Как думаешь?

— Ага, и сказать, что бывший физрук на уругвайскую разведку работает, — ответил я, — Олег,

успокойся, давай сейчас об экзаменах подумаем. Этой проблемой займемся позднее.

— Поздней... — пробурчал Савин, — ты хоть карате знаешь, а я?

Вошли в главное фойе. У самой двери стояла Зеленина, чуть подальше Смольнякова и Толина. Только они как бы отдельно друг от друга стояли. Меня что ли ждут?

— Привет, — весело поздоровалась Марина, — не устал сегодня?

— Привет, — улыбнулся я, — ты это про что!

— Я утром видела, как ты куда-то побежал, — пояснила она, — к будущим схваткам готовишься?

— Нет, обычная утренняя зарядка. А ты чего так рано встаёшь?

— Да проснулась просто, и больше не спалось, — Марина поправила пышный бант и взяла меня под руку. — Пойдем вместе?

Только мы пошли к кабинету математики, как сзади нас раздались удивленное гудение. Мне было все равно, а Марина тоже не обращала на это никакого внимания. Сзади шли недовольные Толина и Смольнякова. Кто-то из мальчишек начал было: «жених и невеста...», но тут же раздался шлепок и продолжения дразнилки не последовало. Причём Савин шел впереди нас, значит это или Ленка, или Верка дали кому-то подзатыльник.

— Спасибо, что закрыл меня вчера собой, — шепнула Марина улыбаясь, — а я из-за смеха забыла поблагодарить.

— Не за что. Ты отцу ничего не говорила?

— Нет, а зачем? Думаешь, Громин рискнёт? Мне кажется, что ты и его легко поколотишь.

Мне тоже кажется, — подумал я. Но «кажется» — это не совсем значит, что «может». Ещё в той жизни нам на занятиях говорили инструктора — какой бы ты ни был мастер, против нескольких противников можешь не устоять. Есть возможность — беги, нет — вот тогда вспоминай — чему учили. А я совсем не мастер, тем более что ребенок, поэтому мне надо поискать другой выход. То, что у меня вышло на физкультуре — случайность. Больше так Громин не подставится.

Мы зашли в кабинет математики и привычно расселись по своим местам.

— Странно, — сказал Савин.

— Что? — не понял я.

Олег показал на чистую доску.

— Задания нет.

В этот момент в кабинет зашел Коротов. Класс встал.

— Так, ребята, — сказал он, — сейчас все выходим в коридор.

Мы вышли из класса, ничего не понимая, а Василий Владимирович поднял руку:

— Теперь подходим по одному и садимся за ту парту, куда я покажу.

Ребята стали заходить обратно в класс и садились так, как указывал учитель. Мне стала понятна логика Коротова — он рассказывал учеников по-хитрому — слабый со слабым, сильный с сильным... Вместе со мной посадили Елену Толину.

Василий Владимирович взял со стола стопку двойных листов и, разделив на три части, разложил на первых партах.

— Возьмите себе по листу и передайте назад.

А Коротов взял карточки и прошелся по проходам, раскладывая их перед учениками. Я получил задание с вариантом номер шесть. Глянул в карточку Толиной, у неё был восьмой вариант. Карточек приготовили, совсем как на экзамене...

— Внимание, ребята, — сказал Василий Владимирович, — в левом углу листа поставьте — седьмой «а», в правом напишите свою фамилию и инициалы, на две клетки ниже запишите вариант. И можете приступать. На все вам даётся целый час.

Я прочитал задание. Так, мы имеем шесть пунктов — три из них, это одна задача по математике и пара примеров, остальные пункты по геометрии с теоремой Пифагора, и парой задач по теме. Хмыкнул — надо же, как получилось, вчера, готовясь к контрольной, читал множества доказательств. Везёт же мне...

Все задачи по математике сделал сразу, чуть задержался как раз на теореме Пифагора. Как её записать? Может, методом площадей? Да ну, нафиг, опять меня поумничать тянет. Конечно это не устный опрос, и Коротов дополнительные вопросы не задаст, но лучше не стоит постоянно выпендриваться. Вздохнул и решил остановиться на обычной, алгебраическая формулировке. Так и начал записывать: «Сумма квадратов катетов...».

Закончив, отложил ручку и огляделся. Быстро я управился, всего полчаса прошло. Остальные ребята всю корпели над задачами. Шпаргалки никто достать не решился, Василий Владимирович внимательно смотрел за учениками.

Покосился на листок Толиной. Она застряла на четвёртой задаче «признаки равнобедренного треугольника» и сидит, смотря в лист, на котором она написала только заглавие задачи. Я пихнул Ленку ногой и, не касаясь поверхности, начал выводить ручкой буквы. Сначала она смотрела, не понимая, потом врубилась и, поглядывая на мою руку, начала записывать. Постоянно косился одним глазом на учителя. Коротов сидел и смотрел на класс, оглядывая учеников как радар. Иногда он улыбался и начинал постукивать пальцами по столу. После этого кто-нибудь из ребят вздыхал, и опять наступала тишина. Но ненадолго.

Закончив с доказательствами треугольных признаков, Толина пихнула меня ногой и показала на оставшиеся примеры. Вздохнув, помог и с ними.

— Спасибо, — еле слышно произнесла Ленка.

— Не за что, — ответил я. — Учить надо.

Коротов тут же постучал по столу, строго посмотрев в нашу сторону.

— Все, ребята, — объявил Василий Владимирович, — заканчиваем и сдаём свои работы.

Тут же тишина в кабинете нарушилась вздохами и шуршанием бумаги. Все зашевелились, стараясь успеть дописать, как будто только сейчас, в самый последний момент, пришло озарение. Коротов встал и прошел вдоль рядов, собирая контрольные работы. Забирая листы у меня и Толиной, на мгновение глянул в мою работу, затем в лист Ленки. Бросил хитрый взгляд на меня и погрозил пальцем. Ленка тут же покраснела. Василий Владимирович хмыкнул и двинулся дальше. Собрав все листы, он прошел к учительскому столу и объявил:

— Я постараюсь проверить работы побыстрее. Результаты, может, даже успеете узнать через час. А сейчас свободны. Через пятнадцать минут Елена Михайловна будет ждать вас в кабинете русского языка и литературы. — Коротов подмигнул нам. — Желаю удачи, ребята.

Вслед за директором из кабинета начали выходить мы.

— Пифагоровы штаны, на все стороны равны, — подходя ко мне, сказал Савин.

— Чтобы это доказать, нужно снять и показать, — продолжил шутливый стих я, — у тебя что, шестой вариант был?

— Ага, — хмыкнул Олег, — повезло мне. Из всех теорем, только эту и знал.

М-да, совпадение. Учитель усадил Савина на его же место, а меня через ряд за третью парту. Почему-то меня посадили с Ленкой Толиной. У неё по математике всегда пятерки с четверками были, а я, хоть и имел четвёрки, но на хорошие математические знания вовсе не тянул. Значит Коротов специально посадил меня с Толиной. Только получилось все наоборот. Не Ленка помогла мне, а я ей. Вон, какая довольная идёт.

До кабинета русского и литературы всего-то пройти по коридору в другую часть здания. Сегодня тут непривычно тихо и пусто. Странная и непривычная тишина, как будто здание окунулось в спячку до первого сентября. Ведь что такое школа — обычное учреждение, живущее только учебным годом. Но вот заканчиваются уроки, и жизнь в нем замирает. Школа без учеников, как тело без души. Однако даже без привычного гомона ребятни, тут присутствует что-то особенное, неизвестное, но жутко интересное...

Может, это писатели, поэты, математики, физики, философы в летние каникулы, сходят со своих портретов и бродят по пустым коридорам и классам, наполняя здание загадочностью до первого сентября? И эту неизвестность хочется побыстрее изучить, придя в класс. Наверно поэтому все ученики так полны энтузиазма после летних каникул.

Есть в школе что-то родное и близкое. Она как вторая семья. Наверное, поэтому уже будучи взрослыми нас так тянет сюда.

Мы прошли половину коридора, как из трех дальних кабинетов начали выходить другие семиклассники. Это с «г» по «ж» классы, у которых первой контрольной было сочинение. Одновременно сзади, из математических кабинетов вышли «б» и «в». Коридор наполнился веселым гомоном, и школа на время ожила.

— Эй, ашники, — крикнули шедшие нам навстречу ребята из седьмого «г», — кто контрольную вел?

— Директор.

— Блин! — настроение у вопрошающего понизилось, — вот не повезло...

— Серёг, — толкнул меня в бок Савин и показал на Кигаева, только что вышедшего из кабинета.

— Пстой, — придержал я за рукав Алдара, — разговор есть.

Тот дернулся, испуганно на меня посмотрев.

— Не кипишуй, — улыбнулся я, — бить тебя никто не собирается. Мы просто поговорим. Пошли...

Мы отошли в сторону и встали у окна.

— Я знаю, что это ты за забором тогда сидел, — сказал я Алдару. — Почему спрятался?

— Я слышал, как ты с физруком смахнулся и решил не влезать. А когда ты нож в забор кинул, то просто испугался и убежал. Но потом вернулся...

— И что? Где Громозека, Вершина и Толща были?

— Они в беседке сидели. Базарили по-тихому.

— О чем?

— Громила говорил, что отомстит, подстережет тебя и отомстит, а Вершина был против. Всё на уговор упирал. Говорил, что это не по-пацански. По-пацански разбор должен быть. Потом они разругались, чуть махаловка не началась...

— Так что, получается Громозьяка и Вершина разбежались? — спросил я.

Кигаев кивнул и добавил:

— А вчера вечером Вершина мне предъяву кинул за то, что подробности пацанам рассказал.

— А Толща? — спросил Савин, — он с кем?

— Плевать на него, — оборвал я Олега и повернулся к Алдару, — как мне Вершину найти?

Тут меня толкнули.

— Эй, чё тут за дела?

Я обернулся и увидел Расулова.

— Че на пацана наехали? — сказал он, хмуро оглядывая нас.

— Никто ни на кого не наезжает, — ответил Савин.

Но Ильяс смотрел только на меня.

— Говорят, ты крутой стал, — процедил он, — с чего вдруг?

— А тебе-то что? — двинул его плечом Олег.

— Погоди, — придержал я Савина и посмотрел Расулову в глаза.

— Ильяс, мне надо просто поговорить с Алдаром. Если хочешь, стой рядом.

И повернувшись к Кигаеву, повторил свой вопрос:

— Так, как мне Вершину найти?

— Сам найдёшь, — опять вмешался Расулов, — он в четвертом доме живет. Там у пацанов местных спросишь.

И вместе с Кигаевым пошел по коридору.

— Зачем тебе Вершина? — спросил Олег, глядя им вслед.

— Потолковать, мал-мала.

— О чем?

Я оперся на подоконник и взглянул на Савина.

— Вершина хорошо Макса знает. Думаю, знает и его брата.

— Не факт, — хмыкает Олег. — И станет ли он с тобой о нем говорить?

— Станет, думаю.

Но друг смотрел скептически.

— Ну, узнаешь что-нибудь, и что тебе это даст?

— Пока не знаю. Поговорю, а там ясно будет... — И мысленно добавил: «как дальше поступить и к кому обратиться за помощью».

Мы зашли в кабинет. Почти все ребята толпились у доски, читая написанные на ней варианты тем для сочинений. Мы тоже остановились просмотреть. Хм, довольно большой выбор, однако. Любую выбирай. Да только, тут у меня косяк получается. Хоть и читал когда-то всех классиков, но подзабыл основательно. Приготовился к контрольным, называется. Математику учил, а про литературу забыл. И темы как на подбор! «История пугачевского бунта» и вымышленное повествование в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»! — нет, эта тема не для тринадцатилетнего, блин, капитана, который опять хорошо тормознул. Хлестаков? главный герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Все эти произведения читал ещё в школе. В смысле той ещё жизни. Вот попал... и почему у нас не диктант?

— Какую тему возьмёшь? — спросил Савин.

Я ещё раз просмотрел список тем и пожал плечами:

— Пока не знаю.

В кабинет зашла Елена Михайловна.

— У меня есть хорошая новость, — объявила она, — ребята из других классов тоже хотят в горах отдохнуть. Я поговорила с Василием Владимировичем, и он пообещал договориться в автопарке, чтобы выделили автобусы, которые нас доставят прямо на место.

Все радостно загудели. Насчет автобусов новость, конечно, приятная, а вот по количеству желающих отдохнуть в горах, даже с учетом, что не все родители отпускают своих детей в этот поход, может случиться казус. Как управятся с такой отарой детей те взрослые, что поедут в этот поход? Ладно, это частности, там видно будет.

— Сбор у школы послезавтра в десять часов. Не забудьте. — Щупко взяла приготовленные листы. — А сейчас берем листочки, выбираем темы, они на доске, и пишем. Те, кто хочет писать на свободную тему — пожалуйста...

Все склонились над листами. Рядом засопел Олег, обдумывая начало сочинения. Он немного погрыз ручку и начал что-то записывать. Я вздохнул и ещё раз просмотрел список. Может, по Байрону тему взять? Или все-таки взять одну из предложенных тем? Вообще-то историю я знаю отлично, так что я принялся за «Пугачевский бунт», отвергнутый мной вначале. Самой темы «Капитанской дочки», касался осторожно, так как плохо помнил произведение. Однако увлекся так, что не заметил, как пролетел час.

Когда Щупко начала собирать наши работы, в кабинет, с журналом в руках, зашел Коротов.

— Садитесь. — Он остановился у доски и объявил:

— Ваши контрольные работы проверены. Могу обрадовать — плохих оценок, то есть двоек — нет. Да и троек всего две. Сейчас я объявлю результаты по вашим работам и, соответственно, оценки за год.

— Итак, — Василий Владимирович открыл журнал. — Антонова — пять, Агаревич — четыре, Васильчиков — три, Волжанин — четыре, Вязов — четыре...

Дальше я слушал в пол уха.

— ... Зеленина — пять... Толина — пять ... Савин — четыре...

— Оп-па! — удивился Олег, — я на такую оценку и не надеялся. Вот повезло...

На стол упала записка. Развернул. «Огромное спасибо!!!», а под надписью довольная рожица.

— А это от кого? — спросил Савин.

Я понял от кого, но промолчал, просто пожав плечами.

— Наш пострел, — хмыкнул Савин, — сам не знает где поспел.

Потом учителя ушли проверять наши «шедевры», а мы остались в классе, обсуждать предстоящий поход и дискотеку. На удивление, преподаватели справились быстро.

Очень довольные мы шли домой, чуть ли не вприпрыжку. Не поддаться всеобщему настроению было невозможно. Да и итоговым оценкам можно было радоваться — у меня ни одной тройки за год. У Савина их на две меньше, чем в прошлом году, что привело его в дикий восторг.

У его подъезда остановились.

— Когда к Вершине пойдёшь? — спросил Олег.

— Откладывать не буду. Сейчас пообедаю и двину.

— Я с тобой, — а то опять втяхнешься в историю, вытаскивай потом тебя.

— Это когда такое было-то?

— Было-было, — усмехнулся Савин, — так что вместе пойдем.

Родители были дома. Порадовал их своими успехами и быстро пообедав, выскочил во двор. Олег уже ждал меня, меря шагами ширину дороги у крыльца. До четвертого дома топать далековато. Он находился на самом краю микрорайона, и идти к нему пришлось постоянно в гору, хоть и очень пологую. Пройдя мимо школы, Савин пошутил:

— Какое-то восхождение к Вершине.

Через пятнадцать минут мы подошли к четвертому дому. Эта пятиэтажка была восьмиподъездная, в отличие от остальных домов в микрорайоне. Из какого-то окна, в районе третьего этажа, слышалась отборная брань.

— Во загибает, — прислушался Олег, — и где тут Вершину искать?

— И спросить, блин, не у кого, — оглянулся я.

Напротив дома кроме играющих детей не было. Поймав пробегающего мимо мелкого мальчишку, спросили:

— Вершинина знаешь?

— Знаю, — кивнул тот важно.

— А где живет?

Пацан показал на третий этаж, с которого неслись звуки матерного скандала.

— Вон его окна. — И вывернувшись из рук, ускакал к песочнице.

— М-да, — пробормотал Олег, — можно было догадаться...

Во всех домах нашего микрорайона планировка была однотипная, поэтому определить номер квартиры труда не составило.

— Здесь меня подожди, — сказал я Савину, — чего вдвоём туда переться?

— Угу, — кивнул Олег и сел на лавку.

В подъезде невыносимо пахло краской. Советская, блин, химия — самая вонючая химия в мире! Стараясь не касаться стен и перил, и дышать через раз, поднялся на третий этаж. Нужная дверь была жутко обшарпанной и выглядела дико, среди других, аккуратно оббитых дерматином. В районе замка множественные трещины и вмятины, как будто дверь много раз отжимали топором или монтировкой. Звонок отсутствовал, точнее, вместо него торчали только провода. Постучался. Подождал немного, слушая доносившийся через дверь скандал. Этажом ниже громко хлопнули дверью, и двое быстро сбежали по лестнице. Я ещё раз постучал, затем повторил, но сильнее. Оглохли что ли они там от своего мата?

Только я собрался в последний раз долбануть по двери, как она сама распахнулась. Из квартиры на меня пахло жуткой смесью курева, потных тел и перегара, отчего я отшатнулся

на шаг назад. Запах краски показался мне гораздо приятней. Кто-то в глубине комнат продолжал выстраивать матерные рулады.

Во, даёт! — подумал, слушая как в матерную композицию вплетаются словечки из «фени». А внутри-то какой бардак! М-да, тут уборки давно не проводили. Вдоль стены стояли разнокалиберные бутылки. Это сколько они выпили-то! Мне даже стало немного жаль Вершину. Попал парень под закон яблока, и не того, что на Ньютона свалилось, а того что рядом с деревом упало. С такими родителями дорога жизни определяется автоматически.

Из-за двери, держась за ручку, вышла женщина в халате с растрепанными волосами. Она, пьяно покачиваясь, смотрела на меня, шуря то один, то второй глаз. Видно в глазах троилось, и женщина пыталась сосчитать количество визитеров. Наконец она вперила в меня правый глаз и спросила хрипло:

— Чё надо?

— Игорь ... дома? — через кашель выговорил я. Ну и дурман тут. У самого скоро в глазах троеиться начнёт.

— Нет, шляется где-то. — Женщина скривилась и покачала головой. — А где, не знаю.

Дверь захлопнулась, обдав напоследок жуткой вонью. И как они не угорят там? Я быстро сбежал вниз, хотелось вдохнуть свежего воздуха, а то голова уже кружиться начала. На площадке первого этажа услышал какую-то возню, доносившуюся с улицы. Выскочив из подъезда, обнаружил, что три пацана окружили Савина и молотят его куда попало.

— Ё-п!

Сходу пробил кулаком ближнему, чуть выше поясницы. Второму, самому высокому, ударил вбок, сильно, не жалея. Терпеть ненавижу — когда всей толпой на одного. Теперь вон на асфальте от боли корячатся. Последнего пацана перехватил за руку и, загнув болевым, посадил его на асфальт рядом с остальными. Сидят, морщатся и зубами от боли скрипят. Белобрысый, что получил удар в поясницу, попытался приподняться и получил хлесткий удар в лоб.

— Сидеть! — рявкнул я всей троице, и спросил у Савина:

— Что за сыр-бор?

— Да вот, понимаешь, — ответил Олег, потирая челюсть, — сижу я на лавке, тебя жду, тут выходят двое из подъезда, и сразу плюют в меня.

— Не понял... как это плюют?

— А вот так, подошли и плюнули. — И Олег показал как — зычно харкнув в сторону, затем рассказал, как было дальше — после того, как оба плюнули, Савин зарядил одному по челюсти, а второму в грудь. Тут кто-то сзади налетел, сильно по спине ударив...

— Ладно, — прерываю Савина, — сейчас разберемся.

Присел и схватил одного из «верблюдов», самого высокого, по-особому — большим пальцем за подбородок, а средним под глазом. Другой пацан, что сидел рядом, попытался встать. Дал ему кулаком в лоб, отправляя в легкий нокдаун. Савин стоял рядом и контролировал третьего, не давая тому подняться.

— Чего на пацана плевали? — спросил я белобрысого и потянул его на себя. «Верблюд» справа опять попытался встать, я хлопнул его ладонью по щеке, возвращая обратно и рывкнул белобрысому:

— Говори! Глаз вырву, мля! — и чуть сжал пальцы, отчего тот всхлипнул.

— Эта поганая лавка, — заканючил белобрысый, — кто на неё сядет, на того плюют...

— Ух ты! — изумился Савин. — Это кто такое выдумал?

Уж не знаю, почему эту лавку признали запретной. Что на ней такого произошло, чтобы в любого севшего на неё, все местные пацаны плевали. Но я понял — кто это придумал. Естественно Вершина. Порядки тут наводит, аналогично зоновским, что от отца узнал.

Существует в зоне такая каста — опущенные, их ещё «петухами» называют. Низший слой зоновского общества. Все их вещи, предметы обихода обозначены особыми метками, чтобы другие не опоганились. Опущенные сидят, спят и едят в отведенном им месте. Не дай бог какому-нибудь зеку, даже по незнанию, коснуться любой вещи «петуха», то автоматически он будет считаться опущенным, и никого подробности не волнуют — случайно коснулся, не случайно....

Меня взяла злость на эту зоновскую действительность, на Вершину, устроившего это тут, на этих идиотов, следовавших этому дебильному решению. Захотелось избить придурков. Скрипнул от злости зубами и белобрысый опять дернулся, но из такого захвата не вывернуться. Подтянул его ещё ближе и зашипел прямо в лицо:

— А если твоя мама сюда сядет, то ты в неё тоже плюнешь? Чего молчишь, урод? — и опять рывкнул остальным:

— Сидеть! Верблюды хреновы!

Савин легко стукнул полбу крайнего, усаживая обратно.

— Прекратите, хулиганить! — заверещали из окна первого этажа, — сейчас милицию вызову!

Обернулся и увидел, что из окна первого этажа смотрит женщина с волосами, накрученными на крупные бигуди.

— Вызывайте, — отвечаю этой бугристой голове. — Чего же молчали, когда тут трое одного метелили, а?

Голова скрылась, а я спросил у Олега:

— Ты их знаешь?

— Этот из восьмого «б», — показал он на белобрысого, — а эти из седьмого «д». Как звать — не знаю.

— Кто из них в тебя плюнул?

— Эти двое, а этот только бил, — Савин показал на сидящего перед собой, затем ткнул пальцем в белобрысого, — но вот это первый харкнул.

Посмотрел высокому в глаза, тот сразу тихо заскулил, предчувствуя будущую экзекуцию.

Поздно, голубчик, раньше думать надо было. Усмехнулся, пришедшей мысли...

— Ну и что с ними делать, а? — спросил Олега, напустив металла в голос.

— А по рожам надавать...

— Нет, — перебиваю, — мы поступим по-другому...

Ухватил сразу двоих пацанов за их верхние губы и потянул вверх. Олег сразу сообразил — что я задумал и тоже схватил третьего за губу. Они приглушенно завопили, но противиться боли не могли, встали, как миленькие. Развернув «верблюдов», мы усадили их, почти одновременно, на «поганую» лавку.

— Вот, — удовлетворенно сказал я, — теперь плюйте друг на друга, пока слюна не кончится.

Как только мы пацанов отпустили, они вскочили с лавки как с раскаленной сковороды, и бежать...

Но я перехватил белобрысого за руку и загнул болевым.

— Погоди, вопрос есть, — сказал ему я, — где тусуется Вершина?

— Обычно в скверике у беседки, — заскулил высокий, — отпусти, больно.

— Потерпишь. Так обычно, или где-то ещё? — и я прижал кисть сильнее.

— Ай... ещё он в будке бывает. Ай!

— Что за будка? Где именно?

— Старая будка, рядом с домом отдыха. Да отпусти же, больно...

— Я знаю где, — сказал Савин. — Пойдем, Серег, отпусти этого верблюда.

Я отпустил белобрысого, наградив его напоследок пинком под зад.

Длинный «верблюд» отбежал подальше и что-то грозно заорал, но мне было плевать на его пустые угрозы. Ничего он мне не сделает, только и будет издалека воздух от большой обиды сотрясать.

Микрорайон имел форму сильно вытянутого прямоугольника. До дома отдыха недалеко, только пересечь поперёк. Мы прошли половину пути, как Олег меня остановил.

— Серёг, когда про поганую лавку сказали, у тебя глаза такими бешеными стали. Я подумал, что ты сейчас их убьёшь.

— Этих уродов не за что убивать. Тут другое...

— Что?

Я пояснил Савину смысл «поганой» лавки, и рассказал некоторые зоновские реалии.

— И что теперь... — бледнея, пробормотал он, — они ведь всем расскажут...

— Не расскажут, побоятся, так как сами опоганились. А насчет себя не волнуйся, сам-то себя

таким не считаешь?

— Нет, конечно! — возмущенно выпалил Олег.

— В этом-то и суть.

— Сволочь этот Вершина, — зло сплюнул Савин. — Чувство такое — будто пятно несмываемое осталось.

На то и ставка была, что чувство такое будет. И Савин прав — Вершина сволочь, причем большая сволочь. А ему только шестнадцать лет, и страшно подумать — что дальше будет? Боюсь, что разговора с ним может не получиться. Могу сразу в рожу дать, как увижу. Руки так и чешутся.

Мы вышли на дорогу, разделяющую частный сектор и пятиэтажки микрорайона. В садах вызревала черешня. Опять это чувство непривычности. В Поволжье в это время только-только зелень появляется, а тут погода, как говорили у нас ребята в отряде — шепчет. Буйство зелени. Небо синее-синее, чуть разбавленное клёчками мелких облаков. Солнце, ласково щекочет кожу. И я такой молодой. Чего бы не радоваться? Вот только от ложки дёгтя никуда не денешься.

Пошли вниз по дороге, любуясь наливающейся красным цветом черешней. Чуть ниже частных садов начинался бетонный забор дома отдыха. Только забор этот странный какой-то. Трехметровый, желтого цвета и с колючей проволокой поверху. Что это за дом отдыха такой? Больше на спецучреждение похоже. Сто пятьдесят метров мощной ограды закончились открытыми воротами и стеклянной будкой КПП, что никак не указывало на строгий пропускной режим. И рядом с будкой оказался не милиционер, как я решил вначале, а какой-то мужик в футболке, шортах и растоптанных сандалиях. Он полулежал на лавке и дремал, надвинув на глаза панаму аля-Челентано.

КПП стояло на углу периметра, а дальше был небольшой пустырь и одинокая деревянная постройка, больше похожая на разросшийся газетный киоск. Это собственно бывшее КПП дома отдыха и было. Даже асфальтовые дорожки присутствовали, только через многочисленные трещины густо торчала трава. Наверное, когда учреждение начали обносить новым ограждением, то просто не хватило бетонных плит на забор, вот и решили немного срезать территорию, а старая будка КПП оказалась заброшенной.

В её окна не заглянешь, они наполовину заколочены фанерой, но входная дверь оказалась раскрыта. Внутрь заходить не стал, на пороге остановился. На обшарпанном двухтумбовом столе стояли две трехлитровых банки с остатками пены на дне, измятая пачка сигарет «Медео» и шелуха с костями от тарани на расстеленной газете. Изнутри несло куревом и кислым пивом.

— Никого? — заглядывая, спросил Олег.

— Никого. — Я отошел в сторону и огляделся. — Пивка попили и свалили. Только куда?

В двадцати метрах начинался сквер. За рядом густых сиреневых кустов кто-то был.

— Тихо! — я прислушался. За кустарником слышались выкрики и отрывки разговора.

— Думаешь, они? — взгляделся в ту сторону Савин.

— Пошли, посмотрим.

Чем ближе мы подходили, тем громче становились крики и возгласы. Добавилось какое-то кряхтение и глухие звуки, толи шлепков, толи ударов. В разрыве кустов стали видны и те кто там был. Два пацана, в центре поляны, выясняли отношения, а остальные стояли и смотрели на это действо.

— Пацанская махаловка, — сказал Савин.

Мне и так стало это понятно. Помню, что такие «встречи» бывали часто. Кто-то из «авторитетных» пацанов решал — кому и с кем махать, а сам сидел за судью и следил за боем. Здесь за «рефери» был Вершина. Только мы шагнули на полянку, как один из дерущихся пропустил сильный удар в челюсть и растянулся на траве.

Вершина пока нас не видел. Он восседал на небольшом железном ящике. Рядом, на самодельной лавке, сделанной из доски и нескольких кирпичей, разместились другие «авторитеты». Не считая Вершинина, я знал только нескольких пацанов. Трое из параллельного седьмого класса и двое из соседнего дома. Остальные были мне не знакомы. Все действующие лица стояли вокруг импровизированной арены, на которой лежал, держась на голову, поверженный «гладиатор».

— Молодец! — хлопнул по колену парень, одетый в редкий на это время адидасовский спортивный костюм. — Настоящий пацан!

Этого, одетого в фирму парня я где-то видел, но не помнил его имени. В его густой шевелюре имелась проседь, сделанная скорее всего искусственно. Про себя назвал его «меченым». На вид старше всех тут присутствующих, но был явно не на первых ролях.

— Ты, должен мне трёшку, — Вершина ткнул в сторону лежащего пальцем и сплюнул, — на сегодня свободен.

Победитель, потирая ушибы, отошел к кустам, а проигравший, поднявшись с земли, понуро побрел прочь. Я начал злиться. Устроил тут тотализатор с показательно-наказательными боями. Кулаки опять зачесались набить морду Вершине за всё. И за лавку и за навязанные всем понятия...

Непременно ответит, но прежде надо с ним поговорить. Укротив свою ярость, шагнул к сидящим пацанским «авторитетам».

— Привет, Вершина, — холодно поздоровался я.

Руки никому не подал, а то действительно опоганишься, и уважать себя перестанешь.

— Это что за хрен с горы? — поинтересовался у Вершины одетый в фирму парень.

— Привет, Вяз, — вяло ответил Вершинина, явно недовольный моим появлением.

— А, это тот, о котором ты толковал, — разглядывая меня, произнес «меченый». — Что-то на вид он не очень.

И скривив рот и одновременно выпятив челюсть, процедил мне:

— Слышь, Вяз, а со мной смахнешся?

Проигнорировав «меченого», обратился к Вершине:

— Я слышал, ты с Максом краями разошелся?

— Откуда такие вести? — нахмурился тот.

— Птичка нащебетала.

«Меченый» поднялся, засучил рукава на адидасовской куртке и медленно зашел мне за спину, остановившись в двух шагах. Олег шагнул ко мне ближе.

— Я этой птичке клювик-то ещё расколочу... — сказал Вершинин, злобно ощерясь.

Разглядывая его хищное лицо, захотелось испортить эту улыбку. В этот момент неугомонный фирмач шагнул ближе, а Вершина усмехнулся, глядя мне за спину.

— Не понял, ты чё, о...л? — И «меченый» попытался заехать мне по челюсти.

Я чуть присел, подбивая его руку и, сместившись назад, сильно ткнул локтем в солнечное сплетение. Тот охнул и свалился на траву, беззвучно разевая рот.

— Полежи спокойно, — посоветовал я «меченому» и повернулся к Вершинину, — отойдём? Разговор есть.

Мы с Олегом отошли в сторону. А Вершина с места не сдвинулся. Он посмотрел на меня, затем на севшего и потирающего грудь «меченого». Наконец медленно поднялся, расслабленной походкой подошел и сплюнул мне под ноги.

— Чё за базар?

Еле-еле сдержался, чтоб не вколотить кулак в его харю.

— Ещё раз плюнешь, — предупредил я тихо, — уроню ниже плитуса. И базар свой фильтруй, не с «быками» говоришь.

На лице Вершины отразилась усиленная работа мозга. Он решал, как поступить — кликнуть пацанов и всем скопом уделать наглеца, или, все-таки, поговорить, тем более ещё неизвестно, кто тут кого уделает? Я усмехнулся — даже мысли читать не надо, на лице все написано.

— Ладно, — сказал Вершина, — что за вопрос?

— Ты старшего брата Макса знаешь?

— Ну, — кивнул Вершина, — знаю.

— Кто он по жизни?

Вершинин внимательно на меня посмотрел.

— А тебе зачем?

— Надо.

— А-а-а, — протянул понатливо Вершина, — ты про то, что в спортзале было?

— Именно. — Про то, что случилось вчера у беседки, Вершине знать незачем.

Молчал он недолго. Посмотрел под ноги, собираясь плюнуть, но передумал.

— Андрон с серьёзными людьми дела имеет, — сказал он веско. — Кто ты для него? Мелкота. Не будет он делом рисковать, можешь быть спокойным. Вот Макс да, на тебя очень злой.

— Макс меня мало волнует.

— Зря, — усмехнулся он.

Серьёзные люди, значит? Фарца или наркота. Похоже, прикрываясь положением отца, старший брат проворачивал темные делишки, а работа в школе была прикрытием, так как в это время бездельники и тунеядцы преследовались по закону. А может и отец в деле? Тогда мелкая месть какому-то школьнику действительно выглядит идиотским шагом. Но помня его ненависть в глазах, стоит учитывать все варианты. Что ж, тут больше делать нечего, осталась одна мелочь.

— В общем, так, Гоша, — начал я, вспомнив одно выражение, — покой цена, покой любя, ни ты меня, ни я тебя. Пока наши дорожки не пересекаются, у нас мир. Так?

— Пока так, — процедил Вершина, — не много ли на себя берешь, Вяз?

— Достаточно, чтобы унести. — И обернулся к Олегу:

— Пошли отсюда.

Под хмурые взгляды присутствующих мы вышли с поляны. Специально прошел мимо стоящего «меченого», тот молча сделал шаг в сторону. Когда мы оказались на дороге, Савин сказал:

— Серег, а рядом с тобой становится опасно, но интересно. — Олег потер челюсть. — Глянь, у меня фонарей нет?

— Нет, — я осмотрел его физиономию, — а что?

— Просто если рожа кособокая, то на дискотеку я не пойду.

— Ровная она у тебя, — усмехнулся я, — ровная.

— Ну да, подравнивали, ничего не скажешь.

Времени у нас достаточно. Сейчас только четыре часа дня, а дискотека начнется вечером в семь. И пропускать её я не собирался. Ведь она, можно сказать, первая в этой новой жизни.

С Олегом я расстался у подъезда. Пробегая мимо лавок, поздоровался с дедом Косеном. Поднимаясь по лестнице, вспомнил «поганую», и разозлился. Самого бы Вершину на ту лавку усадить. И попробовал бы кто плюнуть в ветерана, голову сразу тому свернул.

Перед дверью остановился и попытался успокоиться. Не стоит таким на глаза родителям попадаться, придется объяснять причину моего раздражения. Но никого дома не было, и слава богу. Подошел к зеркалу. М-да, сейчас и без фотографии видно — не глаза, а лазеры какие-то, даже перекрестие прицела в них померещилось. Кажется, увижу сейчас кого-нибудь из раздражающей меня «братии», одним взглядом убью. Взял полотенце и пошел в ванную. Душ принес облегчение. Злость ушла. Надеюсь, с моим взглядом тоже всё в порядке, а то на

дискотеке в такт цветомузыке подсвечивать глазами буду, пугая народ. Кстати, что надеть? В шкафу отыскал джинсовый костюм, привезенный отцом из загранкомандировки. Помнится, его я надевал редко, только когда куда-нибудь с родителями ездил, но гулять в нем не ходил. Местные хулиганы хорошие вещи снимать побаивались, но могли их испортить. Содрать лейбл, например, иногда вместе с куском ткани, но сейчас я сам могу кому-нибудь что-нибудь оторвать. Нет, с этим надо что-то делать. Опять заводиться начал. Если увижу кого-нибудь из той компании на дискотеке, точно морду набью. Отсчитал до десяти, успокаиваясь, сел за стол, перевернул лист с записанной песней, и взял ручку. Пока есть немного времени, подумаю — что дальше делать? Надо составить план на дальнейшую жизнь. Разобьём его на две части — максимум и минимум. План-максимум — как я могу использовать свои знания о будущих событиях, и план-минимум, решение моих насущных проблем. Задумался — а что там у нас должно случиться в ближайшем времени?

Интересная у меня ситуация получается — всё что случится в будущем знаю, а толку от этого ноль. Как применить эти знания, даже не представляю. Помню только крупные события, как например, полет в космос, или двадцать третьи летние Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Ну, так об этом все знают. Или что Индия какую-то войну у себя затеет. Событий набралось с полтора десятка, все, что вытащить из памяти смог.

Человек много чего может запомнить, но только то что видел или слышал, а я в этом возрасте, к сожалению, мировой обстановкой и событиями в СССР в частности, мало интересовался. У мальчишек другие увлечения. Смотреть программу «Время» и «Международную панораму» совсем не интересно, вот фильмы посмотреть про индейцев, или про рыцарей, про войну, это да...

А как мне пригодится то, что я смог вспомнить? Да никак. Например, впечатлить прогнозом будущего выхода в космос Савицкой могу только Маринку Зеленину. Вот отец её сразу поинтересуется — откуда известна школьнику информация, имеющая гриф «совершенно секретно»?

Или рассказать про то, что за границей произойдёт. Те же яйца, только вид сбоку. В новостях о событиях за рубежом сообщают только то, что цензура разрешила, и то с запозданием. Контора сразу заинтересуется, откуда я это знаю? И вряд ли поверят в мои рассказы о том, что я уже прожил сорок лет, и попал в своё же тринадцатилетнее тело из будущего, с помощью, фиг его знает какой программы.

В шпионаже меня подозревать не будут, конечно, мал ещё, однако у отца на службе проблемы точно возникнут. Откуда, мол, ваш сын такое знает, а? Так подставлять свою семью я не хочу, но опять спокойно пережить всё то, что со страной случится, мне совесть не позволит. Надо что-то делать, хоть и понимаю — времени мало чтобы всё изменить. Поэтому к чекисту надо подойти вдумчиво. Вот и сижу, ломая мозги, думаю, как обосновать своё обращение к Зеленину. Только в голову ничего не идёт.

Вздыхнул и посмотрел на тетрадный лист, исписанный ближайшими событиями. Каждая дата подробно описана и обведена окружностью. Пробежал взглядом по написанному. М-да, в октябре «Терминатор» в прокате появится. Очень мне это поможет!

В самом низу листа я написал почему-то по-английски: «There is no light in my future». Это точно — нет света в будущем моем. Вся моя жизнь теперь — чистый лист. За три прошедших дня я уже изменил своё будущее. С одной стороны — закончил седьмой класс без троек, имею хорошие перспективы далее, но с другой стороны приобрел злейших врагов. И теперь все мои знания о моей жизни ничего не стоят. Так как помню, что не было у меня в той жизни стычки

ни с Громозекой, ни с физруком, а после того, как начались каникулы, мы всей семьёй, почти сразу, уехали на родину родителей. Так что — рассвет мой скрыт за тучей тьмы и что дальше будет — зависит только от меня.

Вчера вечером отец говорил, что его отпуск может накрыться «медным тазом». М-да, похоже, проблема с отдыхом у меня наследственное.

Ладно, с планом максимум потом ещё подумаем, тем более я не знаю, изменилась ли история или нет. Ведь я ещё и Тихомирову помог. Так что подожду до середины июля. И если Савицкая летит в космос, то я иду к Зеленину, а до этого может ещё вспомню чего-нибудь.

Сейчас меня волнует другой вопрос из плана-минимум — как с братьями Громиными разобраться?

Сегодняшний разговор с Вершиной ничем мне не помог. Может не все так трагично выглядит, но я за всю прожитую жизнь привык готовиться к худшему. Поэтому надо думать — что предпринять? И к кому, в случае чего, обратиться за помощью?

К нашему участковому? Он меня, конечно, выслушает, покивает, может и примет стандартные меры, то есть проверит, поговорит и все...

С отцом Ильяса будет такая же ситуация. Он тому же Мурашову дело и поручит. С дядей Мишей что ли поговорить?

Кто-то настойчиво начал звонить в дверь, пошел открывать. Это оказался Савин.

— Спишь, что ли? — спросил он, разглядывая меня. — Смотрю, приделся уже.

— Заходи, — пропустил его я. Олег зашел в мою комнату и остановился у стола.

— Что это? — он взял листок с моими записями событий.

— Ничего, личное это, — выхватил у него листок и порвал на мелкие кусочки.

Олег удивленно на меня посмотрел.

— Всё твои шпионские штучки? — хмыкнул он и посоветовал, — раз порвал, то теперь их надо съесть.

Я молча сходил и спустил клочки в унитаз, чем вызвал новые подколки друга.

— Сжег, а пепел истолок? — сказал Олег улыбаясь и, глянув на меня, поднял вверх руки, — все, молчу...

И чего я сразу этот лист не убрал?

— Без десяти семь, — сказал Олег, глянув на часы, — вроде и пора, но давай пойдём попозже.

— Давай, — согласился я. — Всё равно группа начнет играть не сразу. Сначала под магнитофонные записи народ «согреваться» будет.

— Кстати, — Савин подхватил лежащую на кровати гитару, — ты мне так и не показал, точнее не доказал, что умеешь играть. Я Онегина читал? Читал. Так что давай, играй.

— Ох, ты и жук! — ответил я, отбирая инструмент у Олега.

Перо, джага — нож. Другие названия — пика, шило.

Забаркасная суть — воровские понятия.

Брательник-аристократ — вор, мошенник высокой квалификации.

Глава 7

Не знал, что игра на гитаре хорошо нервы успокаивает. Теперь буду чаще играть, с помощью музыки релаксировать. Спел сочиненную мной песню, она Олегу очень понравилась, несмотря на её излишнюю сентиментальность. Ещё сыграл парочку мелодий из «Скорпионс», только без слов, а то последует множество лишних вопросов, но Олег все же имел один:

— Серёга колись, не ты ли это сочинил? — спросил Савин. — Что-то я такого нигде не слышал...

— Нет, это не моё, — ответил, решив не приписывать себе всё сыгранное, но вышло как-то не уверенно, так что Олег только хмыкнул.

— Сыграй ещё...

В половину восьмого вышли из дома. Настроение у обоих фестивальное, то есть вполне дискотечное, даже походка танцующая.

Все школьные танцы, проходили в актовом зале. Места в нем достаточно, даже если придут все ученики старших классов. Только для этого надо было убрать ряды театральных кресел и расставить их вдоль стен. Имелась самодельная цветомузыка, для которой использовали несколько софитов, вставив в них покрашенное в нужный цвет стекло. И неизменный шар с приклеенными осколками зеркала. В общем, как на всех танцплощадках этого времени.

Осталось пройти пятьдесят метров по аллее, с подстриженными кустами, тянущимися сплошной полосой и завернуть за угол школьного корпуса к боковому выходу актового зала. Уже слышны уханье басов, и мелодию я узнал — сейчас на дискотеке «зажигают» под «Арабески». Тут нас обогнал какой-то мелкий пацан. Он на бегу обернулся, внимательно оглядев нас, и припустил быстрее.

Миновали поворот к главному входу в школу, и тут появилось ощущение пристального взгляда. Савин тоже закрутил головой. Видно неспроста тот пацан мимо нас пробежал, будто весть принес. Чувствую, сейчас что-то будет, и я знаю что. Как в том анекдоте: «драку заказывали?». Дискотека сродни свадьбе, без конфликтов редко когда обходиться. Видно сегодняшнее мероприятие не исключение.

Впереди вышли четверо пацанов, перегородив дорогу.

— И сзади, — шепнул Олег, обернувшись.

Как там, в песне поётся: «Их восемь, нас двое...»? Этих тоже было восемь. Те, что сзади остались на месте, а четверка впереди пошла нам навстречу. Среди них я узнал того «верблюда», что мы днем на «поганую лавку» посадили. Значит, всё-таки, он решил совершить свою «ужасную мстю»? И дружков своих собрал. Аж восьмерых.

М-да, тут удивляться нечему, сам свою судьбу изменил и теперь как магнит притягиваю

неприятности. Может действительно уехать на время куда-нибудь? Но я знаю — у ненависти память длинная, все равно когда-нибудь наши дорожки пересекутся, так что отступать не буду. Но ладно я, Олегу за компанию достается. И место-то выбрали — деваться некуда, через куст не перемахнуть, он густой и колючий, высотой в полтора метра и подобен тому, в который я на велосипеде вломился.

— Держись за спиной, — шепнул я Олегу, — и назад поглядывай.

Четверка пацанов молча кинулась на нас. Хорошо хоть те, что сзади пока далеко, а то толпой бы задавили, но даже четверо для нас много. Поэтому надо бить от души, чтобы сразу выключить из драки как можно больше противников. Первым на меня налетел тот «верблюд», торопясь отомстить. Он подпрыгнул и, целя в живот, выбросил ногу вперёд. Я шагнул в сторону, подбивая его ступню вверх, и сам нанес удар в грудь. Пацан рухнул, треснувшись головой об асфальт. Не убился ли, ненароком? Но раздумывать некогда. Второй прыгать не стал, просто подбежал, пытаясь ударить рукой. Я крутанулся, пропуская его мимо, и добавил скорости ударом локтя. Шагнул навстречу следующему. Сзади что-то чпокнуло и раздался треск кустов. Третьего встретил ударом ноги в челюсть, тот растянулся рядом с «верблюдом», а четвёртый сам нарвался на кулак и осел на асфальт. Я развернулся, скрипя зубами — надо лучше растяжку тренировать. Та четверка пацанов, что отрезала нам отступление, уже была почти рядом. Савин стоял около кустов, тряся рукой. Это он приласкал кулаком второго, перенаправив его в кусты. А «верблюд» в себя пришел, сидел, потирая затылок и грудь. Я ощерился, готовясь встретить остальных.

— Это что тут такое?! — раздалось сзади. Четверка нападающих замерла, глядя мне за спину. Я обернулся и увидел парня в черных штанах и свободной белой рубашке. Он оглядел поле боя и хмыкнул, сразу поняв, что тут и как:

— Что, толпой нападаем? — парень недобро оскалил зубы. — Шакалы.

— Мы ещё встретимся, Вяз, — процедил мститель, тяжело поднимаясь.

— Что? — усмехнулся я, — больше народу приведёшь?

«Верблюд» не ответил. Вся компания, оглядываясь и злобно сверкая глазами, поковыляла прочь.

— Пойдём, Серега, — сказал Олег, потирая сбитые костяшки на кулаке.

— Вяз... Вязов, — пробормотал парень и вдруг спросил меня:

— Не Сергей ли ты Вязов?

Откуда он может меня знать? Я что, уже всем стал известен? Парень выглядел как-то празднично. На мента не похож, волосы больно длинные.

— Ну, я Вязов, — ответил, глядя на него, — и что?

— Пойдём, разговор есть. — И усмехнулся:

— Да не смотри так, дело есть.

Уже направляясь к зданию, парень сказал:

— Генку Кима знаешь? Виктор меня зовут. Мы вместе с Генкой в одной группе по горам ходим, а в «Палитре» я на гитаре играю. Мне Ким про тебя рассказал, что играешь здорово. Пошли, там расскажу — что за дело к тебе.

Около первого запасного выхода стоял РАФик, на котором, очевидно, приехала группа «Палитра». Немного народу толпилось у следующей двери. Рядом стояли учителя, контролирующие порядок. Мы вошли в первую дверь. Музыка сразу стала громче. В свете от мерцающих цветных фонарей и многочисленных зайчиков от большого шара с наклеенными на него осколками зеркала, под зажигательную «Бони Эм», колыхалась масса танцующих. Назвать эти подергивания танцем сложно, каждый двигался как ему вздумается — кто «давил окурки», кто переминался с ноги на ногу в такт музыке, кто прерывисто дергался, изображая робота. Обычная дискотека.

У входа, пританцовывая, стояла Елена Михайловна и смотрела в глубину зала. Она мне что-то сказала, только я не разобрал, просто кивнул. Мы быстро прошли следом за Виктором, поднялись на сцену, где стояла аппаратура и инструменты, но никого из группы не было. Вошли в помещение за сценой и закрыли дверь, музыка сразу стала тише. В комнате сидели музыканты — двое парней и девушка. Оба парня одеты также как и Виктор, а девушка была в красивом сарафане.

— Кто это? — хрипло спросила девушка, потирая шею.

— Вязов Сергей, — ответил Виталий, — это, про которого Ким рассказывал.

— Привет... — вразнобой поздоровались парни, а девушка кивнула и скривилась, держась за горло. Виталий представил всех:

— Это Надя, наша солистка и клавишник, это Андрей — ударник, Лёха — бас. Меня ты уже знаешь, я на ритме шпарю. Садись, поговорим.

Мы с Савиным присели на стулья. Витя уселся напротив.

— Понимаешь, Сергей, — сказал он, — тут такая беда случилась, я руку вчера повредил. Играть могу, но такая боль, что в глазах темнеет. Какая тут может быть игра?

— А я тут причем?

— Сейчас объясню, — скривился он, — мы пару песен уже отыграли, но тут Надя горло сорвала, и петь не может. А почти все песни под неё разучены. Нет, мы можем и без неё спеть, да только согласись, исполнять по несколько раз не комильфо, да и у меня рука почти не действует. Помоги, а?

— Петь, что ли? — оторопел я.

— Нет, просто играть, то есть меня на ритме подменить, а петь... — Витя потер подбородок, — сейчас прикинем, что мы, в этом составе сегодня споем.

— Он и сам петь может, я знаю, — вдруг некстати брякнул Савин, — ещё песню сам сочинил.

И замолчал, так как я его в бок пихнул. Все посмотрели удивленно на меня.

— Ты песню сочинил? — спросил Лёха — бас.

— Да-да... — опять влез Олег и получил новый тычок, — уй!

Вот, блин, спел на свою голову! Ну, я Савину это припомню. Будет «Евгения Онегина» на центральной площади города с выражением читать!

— Что за песня? — поинтересовался Виктор. — Новая?

— Новая, и здоровская, — кивнул Савин, — я только час назад её слушал. Медленная такая. Мелодичная.

— Интересно-интересно, — заёрзал Андрей, — исполнишь?

— Спой, пожалуйста, — просипела Надя, и сделала ТАКИЕ выразительные глаза, как у просящего чего-нибудь спаниеля. Такому взгляду красивой девушки трудно отказать и я уже почти согласился.

— Серега, ну чё ты жмешься-то, — сказал Олег, — выручи уж людей.

— Ладно, — сдался я, надеясь в душе, что после этого от меня отстанут, — согласен.

«Хоть от драки нормально отойду, — подумал, — проверено». Мне протянули гитару.

— На, держи.

Взял несколько аккордов, проверяя настройку. Инструмент звучал изумительно, даже лучше чем у Генки Кима. Ну да, как ещё должна звучать гитара у музыкантов? Вздохнул (извините ребята из «Хаддавей», все-таки придётся вам сочинять другой хит) и начал играть. Пел в полголоса, ухающая за стеной музыка совсем не мешала. Ребята из группы подсели поближе и внимательно слушали. Гитара тут оказалась не одна (зачем они ещё и акустические с собой возят?). Лёха-бас принялся подыгрывать, ударник начал отбивать такт, а Надя стучала по тумбе пальцами, имитируя игру на ионике. Даже таким макарсом получилось здорово. Когда я закончил, все захлопали в ладоши, а Витя вскочил:

— Мелодия незатейливая, но звучит! Здорово звучит! Слова простые, но... эту вещь можно даже сейчас сыграть легко, — он поморщился, — если бы не рука...

Только сейчас я заметил у него перетянутое левое запястье. М-да, действительно, неудобно играть.

— Слушай, а ещё что-нибудь новое есть? — спросил басист.

— Есть...

— Нет, только эта, — перебил я Савина, показывая ему кулак.

— Значит есть, — сделал вывод Андрей.

Ребята переглянулись.

— У нас нового ничего нет, — сипло сказала Надя, — поем то, что на эстраде давно замусолили уже, а самим сочинять не получается.

— Я не сочиняю. Раз только и вышло, — пожал плечами я. — Могу только что-нибудь из зарубежного перевести...

— Так ты ещё и по-английски шпрехаешь?! — удивился ударник. — Ну, ты могёшь!

— Не могёшь, а можешь, — поправил его Витя и повернулся ко мне, — а много ты песен знаешь?

— Почти все песни... знаю, — чуть не брякнул «восьмидесятых-девяностых». Они и правда, мне все нравились. На моём ноутбуке их под сотню гигов было. Слушал всегда с удовольствием. Их же на МП-три плеере постоянно крутил. Только бук мой «остался» в грядущих временах, а все эти песни сейчас считаются новыми, хотя этим ребятам они кажутся «замусоленными».

Музыканты опять переглянулись.

— Слушай, пацан, выручи, а? — сказал ударник, — сыграй сегодня, подмени Витька. И свою споёшь. Песня — класс, примут на ура.

— Я бы сам но... — и Витя помахал травмированной рукой.

Какая мне разница, когда все узнают, сегодня или завтра? Надо людям помочь.

— Хорошо, — решился я, — работаем, только насчет новых песен ничего обещать не буду.

— Лады, — повеселел Витя.

Там, пока народ танцевал под магнитофон, мы «спевались». Проиграли пару песен для проверки из рабочего репертуара группы, чтобы проверить слаженность исполнения. Несколько раз сыграли «Я скучаю». Пел её я, ребята подстраивались под новый мотив, запоминая все переходы и количество куплетов. Заканчивая в очередной раз песню, обнаружил стоящую в комнате Щупко. Елена Михайловна зашла узнать — будет ли ещё петь группа, или нет. Зашла и замерла, удивленная подобным изменением состава ансамбля.

— Сергей, — она покачала головой, — у меня нет слов. Неужели стихотворение о Вечном Огне тоже было твоё?

Промолчал, притупившись. И получилось что своим молчанием ответил на вопрос. Странно, что я тут постоянно попадаю в подобные ситуации. Во взрослой жизни подобного со мной не случалось. Все-таки, что ни говори, а гормоны сильно влияют на личность. Кто знал, что безобидная шутка над другом, выльется для меня игрой на гитаре в ВИА «Палитра». Хотя чего говорить? Я ведь «магнит» теперь, давно привыкнуть пора, и ничему не удивляться. Прочитал ребятам стихотворение. Всем понравилось, а Витя сказал:

— А чем этот стих не песня?

— Музыку к ней я так и не смог сочинить, — пожал плечами я, — как ни старался.

— Ребят, ребят, а петь-то... — напомнила Елена Михайловна.

— Да, пора и выступить. — Витя по-деловому поднялся. — А то приехали, пару песен спели и все... так, давайте на сцену.

— Серег, не дрожишь? — спросил он у меня.

— Нет, — прислушался я к своим чувствам, — наоборот уже релаксировался.

— Чего?! — вытаращился на меня Савин, — чего там ты... это?

Мы вышли на слабо освещенную цветомузыкой сцену под начавшуюся песню Самоцветов. На самом краю сцены стояли два стола, за которыми и сидел диск-жокей, обставленный кипами коробок с записями и сразу тремя катушечными магнитофонами. Пока звучала песня, на одном из аппаратов он перематывал ленту, готовя к включению следующую композицию. На нашу возню пока никто не обратил внимания. Ребята подключили инструменты, я подогнал под свой рост микрофон, подтянул ремень на гитаре и огляделся.

У ионики и ударников, к пюпитрам, прикреплены обычные настольные светильники, так чтобы свет от них падал на листы с нотами и инструменты. Мы собрались возле ионики, ожидая Виктора. Он переговорил с диск-жокеем и вернулся к нам.

— Следующим заказали медляк, — громко сказал он, — начнем с новинки Сергея.

Ну что ж, мелодия проиграна несколько раз, но подсказка музыкантам не мешает. Витя разложил по пюпитрам написанные ещё в комнате листы с нотами и текстом песни, с моими и Виктора пометками. Они обозначали моменты вступления других музыкантов и подпевки. Подпевать мне будет Надя, шепотом повторяя слова припева. Подключили светильники и в зале сразу радостно заорали. Композиция закончилась, диск-жокей выключил магнитофон, и в зале стало очень тихо. Народ, наконец, рассмотрел — кто именно стоит на сцене. Кажется, весь зал в этот момент пялился только на меня. Так и подмывало гаркнуть в микрофон: «Сюрприз!».

Сам себе удивляюсь. В первый раз, вот так, стою на сцене, на меня смотрит много народу, но мандража нет. И это очень странно. Конечно, раньше я часто играл в больших компаниях, но это были свои, давно знакомые люди. Даже на электрогитаре играл. До Зинчука мне далеко, но полет шмеля сыграть смогу.

Витя подошел к микрофону и объявил:

— Прошу прощения за длительную задержку с нашим выступлением. Как говорят в спорте, произошла замена, вместо меня будет играть Сергей Вязов. Сейчас мы исполним новую песню. Она ещё нигде не звучала.

Он не стал говорить, чья это песня. Я его попросил. Пусть лучше потом узнают. Ну что же, начнем, пожалуй. Перебирая струнами, начал играть вступление. Оно не такое длинное, как в оригинале. Сразу подключилась Надя, нежно добавляя звучания ионикой. Народ прислушивался к мелодии, и было видно — нравится. Центр зала пустовал недолго. Почти с первыми аккордами на середину начали выходить пары. По краям зала толпилась основная масса народа и продолжала смотреть на сцену, точнее на меня. А я улыбнулся им, и запел:

— В окно печалью льётся лунный свет,
Вокруг меня одна лишь пустота,
Тебя, моей любимой, давно со мною нет,
Виной тому обидные слова.
Скучаю,
Я скучаю,
Хочу сказать тебе — прости меня, прости.
Скучаю,
Я скучаю по тебе,
Моя любовь стрелой к тебе летит.

Тут я обнаружил, что Витя свалил со сцены и уже танцует с Еленой Михайловной. Шустряк

какой!..Ладно, ему сейчас не надо ни петь, ни играть, а наша классная действительно... классная. И по виду её кавалера это заметно. Рядом с ними Олег танцевал с Ларисой Раевской. Единственная пара от седьмых классов. Они о чем-то разговаривали, склонив к друг другу головы. В какой-то момент Олег подмигнул мне, оказавшись ко мне лицом.

— Держать обиду в сердце мне стало тяжело.
И боль разлуки давит все сильнее.
Зачем мы не сдержались, нас ссорой развело,
Теперь все мысли только о тебе.
Скучаю,
Я скучаю,
И с каждым днем ты больше мне нужна.
Не выразить словами, мою любовь к тебе.
Одну люблю тебя я, навсегда.

Какое-то странное чувство, на дежавю похоже. Знакомая ситуация, как будто уже было такое. А, ну да — я в прошлом, играю на гитаре, как в голливудском фильме «Назад в будущее», который, кстати, только в следующем году выйдет. Вот только разница в том, что у того героя есть возможность домой попасть, а у меня её нет. Но... но не буду думать об этом. Хотя воспоминание об фильме заставило невольно улыбнуться. Интересно, если зафиналить на гитаре так же, как герой фильма, то долго ли народ в ступоре находиться будет? Хулиган во мне вздохнул и решил по-другому, и я начал петь оригинальный куплет.

— I miss you.
Oh, I miss you.
I'm gonna need you more and more each day.
I miss you.
More than words can say,
More than words can ever say.

Оригинальную версию припева на английском получилось спеть ещё лучше, чем мою. Никто такого колоритного исполнения не ожидал, даже танцующие пары развернулись к сцене.

Всё. Тонко пропела струна электрогитары и я облегченно выдохнул и все-таки смутился, когда в зале зааплодировали. Хлопали и музыканты, по моим плечам. Надя чмокнула в щеку. Поклонился немного аляписто, и почувствовал, что в зале словно добавился софит красного цвета. Как хорошо, что тут подсветка музыкантов плохая и не видно моего горящего лица. Рядом вдруг оказался Савин, умудрившийся чудесным образом просочиться на сцену мимо взрослых у сцены. И как успел? Только что его внизу видел.

— Здорово спел! — выдохнул он. — Все в восторге.

— И я тоже, — сказал подошедший Витя, — мог бы и предупредить. Это ты на английский свою песню перевёл?

— Да, — сделав честные глаза, ответил я, и вытер вспотевший лоб. Знал бы он — кто кого на самом деле перевёл.

Но Виктор растолковал это по-своему:

— Что, жарко стало? Это ещё не вечер, мы только начали. Но тут действительно душно... — и помахал листками с текстом. — Ладно. Сейчас работаем «Синий иней», а там посмотрим — что будем играть.

Вслед за «Синим инеем» мы сыграли — «Люди встречаются», «Клен» и «Ты мне не снишься». Даже «Облади-облада» сбацали. Эту песню Леннона, кажется, «Веселые ребята» пели. Мы её исполняли с избыточным энтузиазмом, проглатывая фразы, так что песня была похожа на абракадабру, подобную «Уно-уно-уно ун моменто». Но внимания на это никто не обращал. Подумаешь, слова перепутали, или не так спели, песня, как говорится — «зажигала». Музыка вообще великая вещь! А от «Битлов» не завестись невозможно. С удивлением заметил, что сам, чуть пританцовывая, солирую на гитаре. Хорошо хоть не начал колбаситься, как герой того фильма. Однако мои музыкальные выкрутасы заслужили одобрительный взгляд Виктора. Он даже большой палец показал. Следом мы сыграли «Алешкину любовь», после которой Виктор объявил перерыв на двадцать минут.

Несмотря на танцевальный настрой, в зал не пошел. Руки вдруг налились тяжестью, казалось, вот-вот отвалятся. Локальная усталость передалась всему телу и в комнатухе, куда вся группа ушла на отдых, буквально рухнул на стул, на что Витя улыбнулся:

— Устал?

— Чувство такое, будто вагон угля разгрузил, — сказал я, рассматривая подушечки пальцев, их немного жгло с непривычки. И, видя недоумение ребят, пояснил:

— Это образно.

Увлёкся, бдительность потерял. Опять начали проскакивать неуместные фразочки.

— Понятно, — хмыкнул Виктор, — но ты прав, именно так мы чувствуем себя после целого вечера работы. Некоторые люди этого не понимают. Говорят: «Только и бренчите на гитарах, бездельники, делом бы занялись». А отыграть концерт тоже трудная работа.

— Витя, — тихо сказала Надя, сделав выразительные глаза.

Музыканты переглянулись. «Ну, вот опять, — подумал я, — сейчас начнут меня в группу сватать». И не ошибся.

— Сергей, как ты смотришь на то, чтобы заняться музыкой всерьёз? У тебя отлично выходит. Голос хороший, ноту не врешь. Соло, вон, клевое выдал. Нет, — поднял руки Витя, — я тебя с решением не тороплю. Подумай...

«Ну да, куда торопиться? Играю, конечно, не совсем супер, но вполне прилично. А голос у меня только пока звучит. И я точно знаю, через год он сломается и всё...».

— И песня твоя просто отличная (опять смутили, чуть не покраснел), — продолжал хвалить Виктор. — Не против, если в свой репертуар включим?

— Пойте, — пожал я плечами, — я не против.

Подхватил гитару и, думая, принялся перебирать струны под звучащую за стеной песню.

«Не жалко, тем более что она наполовину моя, точнее на маленькую четверть. Только русский текст к мелодии и сочинил. Иногда на меня муза нападает, выдаю стихи на гора, а вот музыку к текстам... ну не композитор я! Сколько ни старался придумать свой мотив, ничего не выходило, всегда получалось что-то похожее на другие мелодии.

А эти ребята новых песен хотят. Конечно, можно брать готовые, их много знаю, на года вперед.

Наши и зарубежные, но уже твердо решил — наши не трогать, а иностранные не жалко. Их тексты можно перевести и с той же мелодией исполнять. Так многие группы в моё время делали».

— Мы в дэ-ка Энергетиков базируемся, — сказал важно Виктор. — Это недалеко, отсюда прямой экспресс ходит. Знаешь, какое обеспечение? С инструментом помогают, аппаратурой. Питание в буфете бесплатно. Если надо выступить где, то на выезд РАФик дают. Подумай.

— Подумаю, — кивнул я Вите.

«Вот у меня уже ещё один вариант жизненного пути добавился. Не знаю насколько он перспективный по сравнению с военной карьерой и тем, что напророчил мне декан КазГУ. Если выбрать учебу в инязе или военном училище, то какая тут игра в группе? В военном училище строгий распорядок. Хотя если выбрать институт, то можно совмещать — днем на лекции, а вечером в дека Энергетиков. Тут, кстати, можно будет начать исполнять песни на английском языке. Однако по окончании института все равно придется выбирать — или продолжать музыкальную карьеру, или, как сказал Виктор Михайлович Кокошин: „иметь очень большие перспективы“».

Из раздумий меня вырвал вопрос Виктора:

— Сергей, а где ты конкретно живешь?

Я продиктовал адрес.

— Рядом с Кимом? — удивился Витя. — Обалдеть! Ты вот что — как решение примешь, или ещё что сочинишь, то к Генке зайди, он передаст. Хорошо?

— Договорились.

В комнате опять, как по волшебству, возник Савин.

— Ребят, — сказал он, — я Серегу у вас заберу на время. Все равно пока не поете.

— А что мне в зале делать?

— Шашлык жарить! — съязвил Олег и, нагнувшись, прошептал:

— Там тебя кое-кто ждёт.

— Иди уж, — кивнул Витя, под улыбки остальных, а Надя мне подмигнула:

— Только гитару тут оставь, не с ней же танцевать.

Мы вышли в зал, пройдя мимо учителей, смотрящих за порядком и за тем, чтобы ребята не мешали музыкантам. Как удалось проникнуть Савину, непонятно. Не заметил, как он исчез в скоплении народа. Только что закончилась очередная композиция и все ждали следующую.

Я огляделся. Куда Олег-то слинял? Вытащил меня, а сам... тут его и увидел. Он что-то диско-жею говорил. Тот Савина выслушал и с особой радостью провозгласил в микрофон:

— Белый танец!

Как там, в песне поется: «На десять девчонок, всего лишь девять ребят»? Только зазвучала

музыка... как сначала показалось, ко мне устремились все присутствующие девушки. По крайней мере, не меньше десятка. Они очень целеустремлённо двигались, что в голове пронесли кадры фанаток, раздирающие объект обожания, а ведь только одну песню спел. Следом возникла мысль: «бежать», но «сделать ноги» за сцену не успел. Кто-то сбоку крепко схватил за руку, и я в мгновение оказался на середине зала. Причем вывернуться не было возможности. Хват сильный и знакомый — еще чуть повернуть кисть, руку за спину и мордой в пол...

— Потанцуем? — Последовал запоздалый вопрос Марины, но я был рад, что это именно она. — Это я Олега просила тебя привести.

— Здорово ты меня танцевать вывела... — дальше договаривать не стал, просто улыбнулся. Марина возвратила улыбку.

— А ты здорово спел. Мы, кажется, не ссорились, но песня класс! Пока рядом со сценой тебя ждала, даже соскучилась.

Медленно кружились пары под Битловское «Girl». Рядом с нами Виктор и Елена Михайловна, танцуя, воркуют о чем-то. Тут же Савин с Раевской, Смольнякова и Морозова, с пацанами из нашего класса. Смущение парней на лицах яркими красками написано. Девушку как горячий чайник держат — на расстоянии и только пальцами касаясь. Я такой же был когда-то и тоже смущался, краснея, а сейчас, смотря на героические лица пацанов, мне самому смешно становится. Немного неудобно от частых взглядов со всех сторон, хотя, больше на Зеленину косятся. Марина этого не видит, её голова на моем плече.

— Я слышала, ты опять дрался, — подняла она голову и переложила руки с моих плеч на шею, — говорила же, что ты всех поколотишь.

— Кто сказал? — удивился я. — Хотя, я знаю этого болтуна...

— Олег, — засмеялась Марина, — он так мне всё расписывал! И как ты дрался сегодня, и как классно на гитаре играл...

В этот момент Смольнякова и Савин оказались рядом, и я легонько ткнул друга кулаком. Запоздалое наказание. Он сразу все понял и повернулся с видом: «мол, я тут ни при чем», а глазами выразительно на Марину показывает. Савин в своём репертуаре, так и подталкивает нас к друг другу, но я уже сам не против. В той жизни я и Марина были просто одноклассниками. Иногда гуляли вместе, но особых отношений у нас не было. То, что началось на реке во время пикника, тот розыгрыш, или просто какой-то поворот в моей судьбе, можно уже не вспоминать. Целовались ли мы под яблоней, или нет, не важно. Сейчас всё в моих руках, главное голову не терять, но от действия гормонов никуда не денешься. «Весна», дискотека, красивая девушка, обвившая шею и чувство, при котором растут крылья за спиной... эх, ну почему нам по тринадцать лет?

Мы медленно кружимся, и нам нет ни до кого дела. Пусть все пялятся, прожигают глазами, завидуют, злятся, что хотят, то и делают, и... пусть эта мелодия не кончается.

Из эйфории меня вырвал Савин, гадский папа, и заработал тычок от Марины, но от этого только ещё шире улыбнулся.

— Хорош обжиматься, песня давно кончилась, — хихикнул он и показал на сцену, — Серега, тебя только ждут.

Действительно, на сцене все было готово. Витя что-то говорил Наде, изредка поглядывая в мою сторону. Увидев, что я смотрю на него, призывно замахал рукой.

— Иди, Сереж, — шепнула Марина и улыбнулась.

Эх, как меня эта улыбка зарядила! На сцену взлетел орлом и...

Не считал, сколько песен исполнили, мне было все равно. Для меня кроме Марины в зале никого не существовало. Играл только для неё. Как играл — можно было судить по паузам, в которых ребята из группы каждый раз показывали большой палец, а в зале восторженно гудели и хлопали. И действительно, ко мне, как будто сразу всевозможные музы слетелись. Гитара превратилась в живое существо и мы, как симбиоты, жили музыкой, или музыка жила в нас обоих. Музы хулиганили, и я выдавал на инструменте такие зарисовки, что сам удивлялся. В этот момент мог сыграть любую вещь не хуже Зинчука или Хендрикса. Так и подмывало исполнить что-нибудь новое на данный момент. Можно было бы спеть любой ремикс уже известных зарубежных песен. Хотя бы ту же «Living next door to Alice» группы Smokie, которую пару раз крутили на магнитофоне, но вряд ли тут примут текст ремикса: «... а вдруг она не курит, а вдруг она не пьёт». Молодёжь, может, ещё ничего, а вот взрослые... они и так кривятся при любой иностранщине, а тут: «он отличный парень, не смотря на то что ...». Поразмыслив, решил так не рисковать, моей песни вполне хватит. Всё-таки ребята из группы, не зная текста и мелодии, не смогут меня поддержать.

В одной из пауз к микрофону подошла завуч и объявила, что дискотека подошла к концу. В зале возмущенно загудели. Я и сам не заметил, как время пролетело. Хотелось играть и играть, а ещё с Мариной потанцевать. Ребята из группы подошли к завучу и принялись её уговаривать.

— Только две песни, — решительно отрезала завуч, — и все.

— Так, — собрав нас, сказал Виктор, — играем «Скучаю», завершаем «Облади-облада». На эти две песни больше всего заявок поступило.

Разошлись по местам. Витя задержался около меня, шепнув:

— Давай, Серег, жги. — И умчался в зал, где его ждала Елена Михайловна. Классно она его зацепила!

Я нашел глазами Марину и вновь весь остальной мир жил отдельно. Гитара как чувствовала — пела особенно и великолепно. Снова были аплодисменты, а я улыбался только ей.

Под «Облади-облада» вышли танцевать все до единого. У стен не осталось никого. И опять еле сдержался, чтобы не выкинуть что-нибудь подобное герою «Назад в будущее», ограничился маленьким наигрышем, от которого завопил весь зал.

Закончив играть, мы удалились в комнатку за сценой, верней, меня почти утащил туда Витя.

— Серега, у тебя талант, — выпалил он. — Ты должен играть!

Знал бы он — откуда у сегодняшнего «таланта» ноги растут, и какова этому причина. Я молча пожимал плечами. А что ему сказать? Что на самом деле я играю посредственно, просто сегодня у меня особенный день. И что такое может просто не повториться? И вообще, мне хотелось сейчас выйти и проводить Марину. Слушал уговоры Вити, а сам размышлял, принять ли его предложение, или нет.

В комнате вновь волшебным образом материализовался Савин с улыбкой «а-ля Буратино».

— Там вас почитатели дожидаются, — выпалил он. Затем склонился ко мне и прошептал:

— Марина домой ушла, её отец у выхода встретил.

Настроение немного испортилось. Вяло попрощавшись с музыкантами, я направился к выходу, но Олег схватил за руку и потащил меня вглубь затемненных коридоров школы.

— Там тебя народ ждет, — пояснил он, — огородами уйдем.

Вот уж никогда бы не подумал, что у меня фанаты появятся. Вспомнились истории музыкантов, кадры хроники из будущей, или прошлой жизни и что-то сразу расхотелось делать музыкальную карьеру. Не моё это.

Мы выскочили из здания школы тем же путем, как и в первый мой день здесь — из окна туалета, оставив окна открытыми. Прошли дорогой мимо скверика и остановились у моего подъезда. Я взглянул на окно второго этажа. Жаль, что за Мариной отец пришел. Захотелось сбежать домой, взять гитару и начать петь серенады под окном. В этот момент свет в нем погас.

— Спать легла, — тихо сказал Олег, почему-то вздохнув.

И мне вдруг показалось, что все мои приключения тут — это какая-то программа, начавшаяся в момент открытия загадочного окна с исполнением желания. Может вовсе и не драка с Громиным является переломным моментом в моей судьбе? А пока ещё моя и Маринина дружба?

В темном окне отражались звезды. Уходить не хотелось, так бы и стоял под окном. Эх, ну почему у меня сейчас гитары нет? Точно бы серенаду запел.

«Марина, Мариночка, Марина...». — Не имя, а песня!

Не знаю почему, но в прошлой жизни мне везло на девушек с именем Марина, только не везло с длительными отношениями. Максимум полгода и мы расставались. Причем оставляли, по причине обидной для меня — мол, мало денег зарабатываю. А когда вояки были богатыми? Это сейчас профессия военного в почете и зарплаты считаются приличными, а тогда...

Как-то не обращал на казус с именем внимания и, почему-то, не удивлялся, узнав имя девушки.

Сейчас, вспомнив, задним числом удивился. В моей жизни одни Марины. В той жизни. А в этой? Будет одна, единственная.

— Очнись, Ромео, — дернул меня за руку Савин, — Джульетта уж десятый сон видит. Ты мне вот что скажи, у тебя котелок есть?

— Какой котелок? — не понял я, все ещё глядя на темное окно второго этажа.

— Не тот, которым думают, — усмехнулся Олег, — а в котором варят.

— Не знаю. Нет, наверно.

— И у меня нет, — вздохнул друг, — и на чем будем еду готовить?

Я повернулся к Олегу, все ещё не понимая.

— Какой котелок? Какую еду? Ты о чем вообще?

— Я про поход, — прищурился друг, — или забыл, что в горы идем?

— Забыл. — Действительно про поход в горы я забыл начисто. Послезавтра, у школы в десять часов сбор желающих.

— Не мудрено, — хмыкнул Савин и покосился на окно второго этажа. — Вот что, давай в «Динамо» завтра съездим. Котелок купим и ещё что-нибудь нужное присмотрим.

— Что нужное?

— Для похода, — разозлился Олег, — спустись на землю, влюбленный.

Потом внимательно на меня посмотрел и сказал:

— Короче, до завтра. Я за тобой в девять зайду. Поедем в город, прогуляемся. Заодно и в «Динамо» заскочим.

На том и разошлись, пожав руки.

Медленно поднимался по лестнице, вспоминая — как мы с Мариной танцевали.

Тихо зашел в квартиру. Заглянул в зал — родители по телевизору смотрели «Вечный зов».

— Как прошел вечер? — поинтересовался отец.

— Нормально, — отвечаю, зевая.

— Есть хочешь? — спросила мама.

— Нет, я не голоден. — И пошел в свою комнату.

Разделся, сходил в ванную умылся, почистил зубы, вернулся в комнату и растянулся на кровати. Хороший вечер. Прекрасный вечер. И романтическое настроение. Если бы не дикая усталость, сел и написал стих, или песню. Уверен, у меня бы получилось, все музы пока рядом ощущаются. Но с кровати подняться трудно. Летите музы, но далеко не улетайте, вы мне ещё поможете. Руку протянул к будильнику и завел, чтобы не проспать утреннее занятие на спортгородке.

Переворачиваясь на бок, задел гитару. Она, упав, треснула меня декой по голове. Просто отодвинул её в сторону и провалился в сон.

Утром проснулся с чувством радости и хорошего настроения. И ничего не ломит, как обычно после трудного дня. Как будто не шесть часов спал, а сутки. Даже подушечки пальцев как новенькие, а вчера так зудело...

Поднялся с кровати. Потянулся. Ух, хорошо-то как! Вчерашний вечер был сказкой какой-то.

Тело с утра маршрут знает. Пока ещё сонный плетусь по коридору, а сознание отмечает некоторые несуразности, но какие именно, пока не понимаю. Ладно, взбодрюсь и подумаю над этим. Захожу в туалет. Ой, а почему он совмещенный? Раковина умывальника рядом стоит.

Сплю ещё, что ли? Открываю только холодный кран. Руки принимают форму ковша и набирают воды. Всю её на лицо и растереть, хорошо растереть, чтобы поскорее проснуться. Б-р-р-р, ну очень холодная вода!

Не понял? Ладони замирают в районе подбородка. Медленно поднимаю голову и смотрю в зеркало.

— А-а-а!

Ноги подгибаются сами собой, и я плюхаюсь на кафель, а пальцами так по подбородку и вожу. На нем щетина недельная. Наощупь, чуть ли не борода. А перед глазами все ещё стоит моё отражение в зеркале — небритая рожа сорокалетнего мужика. Рот невольно открывается. Сажу и плююсь на свои волосатые ноги.

Что это? Я опять в своё время вернулся? Тут я понимаю, что все несуразности, отмеченные по дороге сюда — это обстановка моей квартиры в Нижнем Новгороде. Вот почему туалет совмещенный. Как обратно-то попал? И почему сразу в квартире оказался? Через четыре тысячи километров как-то не заметно для себя перенёсся. С чего? От того что меня гитара по голове треснула?

— Серёженька, что случилось? — это распахнулась дверь, и я увидел...

Челюсть, не успев занять своё привычное место, падает обратно. Передо мной стоит... Марина. Такая, как на пикнике была. Такая... красивая... и в одной ночнушке.

— Я... это... ты... ик! — От непонимания происходящего нападает икота.

— Ты ударился? Обжегся? Что случилось-то? Почему кричал?

Тут между Мариной и дверным косяком втискивается девчонка, лет десяти. И добавляет мне изумления.

— Мам, а что с папой?

— Ик! — вырывается изнутри. Я папа?

— Не знаю, доча, — зевает Марина, — папа ударился наверно, или встал не с той ноги.

Точно не стой ноги встал. Слышится частый топот, и появляются... два мальчика-близнеца.

— Ик! — у меня ещё и два сына?

— Папка, ты почему на полу сидишь? — одновременно горланят они. — Простудишься!

— Ик!

Сажу и как рыба рот беззвучно открываю. Только могу, что икать в ответ.

— Ладно, хватит сидеть на полу, — потягивается Марина, — вставай, а то простудишься. Вон, уже икота пробрала. И одевайся. Сегодня мы детей в парк везём, или забыл?

— Ик! — Не просто забыл, целую четверть века как-то не заметил!

Марина, прикрывая дверь, говорит:

— Ты сходи в спальню и младшенькую проверь, а я завтрак пока приготовлю.

Младшенькую? У меня четверо детей?

Трясу головой и... вдруг обнаруживаю себя сидящим на кровати. У себя в комнате. Ошалело оглядываюсь. На часах без пяти шесть, вот-вот будильник зазвенит. Завел вчера, чтобы не проспать, так как устал.

Фу-у-ух! Ну и приснится же! Так можно не только заикой стать. Но как реалистично! Руки сами проверяют лицо — нет, тут года два ничего расти не будет. На всякий случай в трусы заглянул. М-да. А ноги не такие уж и волосатые.

И тело ломит, а пальцы жжет, как и должно быть. Вот так, а во сне ничего не болело. Снов, мля, повелитель!

Говорят, что сны отражение всего пережитого человеком за всю жизнь. Только что означает этот? Он о том, что когда-то произойдет. Блин, даже во сне экстрим начался. Раньше мне не снились ужастики. Правда, этот сон кошмаром назвать нельзя. Раньше-то я отлично понимал все происходящее во сне и мог управлять им, а теперь и это изменилось. А как понять этот сон? Что он означает? И чего я так испугался? То, что у меня четверо детей? Девочка, два мальчика близнеца и ещё девочка. Это хорошо, просто здорово. Всегда хотел иметь много детей. Только все как-то не складывалось, а тут...

М-да, та жизнь кажется какой-то бледной по сравнению с этой. Сплошной аттракцион с мощным выделением адреналина. Даже когда сплю.

Однако я узнал свою квартиру в Нижнем Новгороде. И как такая орава в тридцати восьми метрах разместилась? В тесноте, да не в обиде? И сколько я зарабатываю, чтобы большую семью содержать? Должно быть хорошо. Может, я композитор или музыкант, но точно не бизнесмен, не моё это. Жаль, что сон недосмотрен, а то точно бы знал — по какому пути идти.

Ладно, пора подниматься. Повернулся, спустил ноги на пол, поморщился. Действительно, будто уголь вчера разгружал, а не на гитаре играл. Все болит и не хочется ничего. Завалиться, что ли, и еще поспать? Можно утреннюю зарядку пропустить один раз, подумаешь не сбегал и причина есть — устал. Хотя... нет, с таких мелких причин и начинается большая лень, так что надо вставать и бежать на спортгородок.

Солнце уже выглянуло из-за гор и теперь весело пускало зайчики от множества окон. Я припустил привычным маршрутом, радуясь утренней свежести. Сквозь кроны деревьев на дорогу падали солнечные лучики, а утренний птичий щебет мне что-то напоминал. Даже на шаг перешел, прислушиваясь. Все птицы, как сговорясь, чирикали очень знакомый ритм. Но мелодия никак не вспоминалась.

— Тара-тарам, тара-тара-тарарам, — начал подпевать я, — там-там-там-там-там-там...

Но ничего на ум не приходило. Видно все музы после вчерашнего отрыва на дискотеке, вместо меня, остались досыпать в постели.

На спортплощадке никого не было. Интересно, Тихомиров уже был тут, или ещё нет? Раз я почти весь путь прошел пешком, гадая — что за мотив чирикали птицы, то тогда можно пробежать по стадиону кружок, чтобы лучше разогреться, а там и дядя Миша появится. Интересно, почему Тихомирова нет? Может, случилось чего? В голову полезли нехорошие мысли. Не привиделись ли опять погибшие друзья, и не сорвался ли дядя Миша? Не запил ли

опять?

А чего это я тут надумываю всякую дребедень? Может, он просто не смог, потому что на работу устроился, например. Или ещё какая-нибудь уважительная причина. Мало ли ещё причин? Огляделся и обнаружил, что задумавшись, пробежал мимо турников и решил ещё кружок сделать, в максимальном темпе. Затем походил вокруг турников, восстанавливая дыхание, заодно оглядывая окрестности. Никого. Обалдеть! Из всего микрорайона зарядкой занимается один человек. Надо Савина на утренние пробежки подбивать, а то «трудовая мозоль» быстрее вырастет, да и в компании веселее. После турника на рукоход, потом на лавку качать пресс. Затем растяжка до невыносимой боли. Тяжело в учении, как говорится в пословице. Ещё бы удары по-отрабатывать. Жаль, тут макивары нет, или груши боксерской, хотя бы. Принялся наносить удары ногой по стойке турника, стараясь ударить выше. Что интересно, боли в паху нет. Значит — хорошо растянулся.

Наконец мышцы начали гудеть. Можно бы ещё позаниматься, но скоро оговоренное с Савиным время, пора домой. Напоследок качнул пресс на рукоходе, затем сделал уголок, отсчитал минуту, и, довольный результатом, побежал домой.

— Иди сразу в душ, спортсмен, — услышал голос мамы из кухни, как только в квартиру зашел, — потом завтракать.

После душа я уминал вкусную яичницу с луком и помидорами.

— А папа где?

— На службе, — вздохнула мама, — опять вызвали.

М-да, как изменилось все. В это время мы должны были уехать в Нижний Новгород, а тут ...

Надеюсь, все у нас уладится, и мне удастся решить все проблемы.

— Чем сегодня займешься? — спросила мама, наливая мне чай.

— Я и Олег в город съездим. В «Динамо», котелок купим, да погуляем немного.

— А, это для похода? — спросила мама и достала из серванта кошелек. — Вот десять рублей, хватит, надеюсь?

— Хватит. Если что, у меня ещё мелочью пара рублей осталась. — Помню, котелок стоил около пяти рублей, так что хватит и на него и на погулять.

Пока ждал запаздывающего Савина, обещавшего зайти за мной, на гитаре подбирал тот мотив, услышанный у сквера. Опять ничего не выходило. Сыграл «Облади-Облада», «Алешкину любовь», и только потом, убедившись, что навык не пропал, а просто никак мотив вспомнить не могу, принялся перебирать струны, напевая под нос «Мой конь», пока не существующей группы Любе. Когда закончил, то обнаружил в дверном проёме маму и Савина.

— Здорово! — выпалил Олег.

— Сереженька, может гитару купить тебе? — спросила мама. — Хорошо играешь, мы заслушались даже.

— Успеется, мам. Пошли, Олег, — сказал я, злясь на себя. Нечаянно засветил песню любимой

группы. Не хотел же плагиатиться на наших исполнителях.

Когда увидел подходящий автобус, то чуть не вскрикнул от удивления. Это был ЛИАЗ, четверть века такой не видал. Хотя и новый на вид, но все равно он казался мне выходцем из прошлой эпохи. Входил в него осторожно, как в раритет. Вид билетного аппарата умилил. Просто раньше было — сам подошел к кассе, бросил в прорезь пятикопеечную монету, повернул ручку и оторвал один билет. Хотя в автобусе были свободные места, и ехать надо было прилично, мы все равно прошли на заднюю площадку и встали у заднего окна, тут удобно стоять и смотреть на убегающую дорогу. Я любил ездить именно тут. Автобус плавно тронулся, начало мягко покачивать. Лепота!

— Чего это у тебя такое счастливое лицо? — спросил Савин, облокотившись об поручень.

В ответ пожал плечами и улыбнулся. Как объяснить Олегу мое состояние? То, что я сейчас чувствую себя едущим в центр города на автобусе, который будто машина времени, погружает меня в прошлое все глубже и глубже. Тут Савину надо объяснять сразу всё, с самого начала истории. Но не поверил бы он в моё попадание из будущего. Так что я лучше помолчу.

ЛИАЗ весело катил по проспекту, а я с интересом смотрел в окно. Мелькали знакомые с детства остановки: «Алмагуль», «Университет», «Весновка»... они совсем другие, как недавно видел, когда из аэропорта на Савиновской машине ехал, но они сейчас мне больше нравятся. Такими, как сейчас.

На остановках выходили и входили пассажиры. Водитель внятно объявлял название следующей остановки, дразня мою память, а я мысленно торопил его: «давай быстрее, вези туда».

— Следующая Виноградова, — раздается в динамике. Это остановка наша.

До магазина спортивных товаров «Динамо» предстояло идти пешком, так как около него автобусных маршрутов не проходило, но находился он недалеко, всего пара кварталов по улице Советской. Сам магазин — обычная стекляшка, занимающая первый этаж жилого дома. Мы вошли внутрь и я с интересом осмотрелся. Первое впечатление не такое, как в том гастрономе. Налево обувной отдел и одежда всякая, спортивной направленности, направо прилавки с всякими мелочами, типа эспандеров, гантель, хоккейных клюшек, лыж, прочие спортивные и туристические товары. И главное — все смотрится. Не так, конечно, как в будущем, но вполне прилично. Когда-то тут я покупал себе кимоно, когда начал плотно заниматься самбо, тут же выбирал кеды и спортивные костюмы нашего производства, маску и ласты, удочки и блесны...

У одного прилавка, что рядом с вещевым отделом толпились люди.

— Что-то тут продают такое, — сказал Олег, — посмотрим?

Мы подошли ближе. Оказалось тут очередь за кимоно. Вот это номер! Только об этом думал. Савин что-то подсчитал в уме и двинул меня локтем.

— Давай купим?

— На кой?

— Для занятий карате, конечно!

— Эко как! — удивился я. — Думаешь, надел и сразу крутым стал?

— А че? — обиделся Олег. — Можно начать, удары там всякие...

— Ты лучше утром, пораньше вставай, — прервал я Савина, — и зарядку делай. А то скоро «трудовая мозоль» вырастет.

Тот непонимающе захлопал глазами.

— Какая ещё мозоль?

— Живот, — улыбнулся я, — вот такой.

И, как помнил, примерно показал размер будущей объемной части тела друга.

— Ну тебя, — оттолкнул меня Олег, — не будет у меня никакого живота.

— Ага, — усмехнулся я, — если меня не послушаешь. Ладно, пойдем котелки смотреть.

И мы пошли вдоль прилавков. Я задержался у стойки с лыжами. Провел рукой по деревянной лакированной поверхности. Пластиковых лыж в продаже ещё долго не будет. Много чего не будет. Но ездить мы учились именно на них. И ломали их много, так как горки тут ог-го-го! Крутые. Санок порой на сезон не хватало, не то, что лыж. А клюшки? Я даже взял одну, рассматривая. «Динамо» — написано на боку. В Нижегородской области делают, кстати. Тоже ломали пачками.

— В горы возьмешь, — съязвил Олег, — вместо посоха.

— Угу, от медведей отбиваться. — Я поставил клюшку обратно. — Пошли, вон, там котелки, вроде.

Савин обозрел тур-посуду и сказал:

— Чет-то они все какие-то... мелкие, что ли.

— Нормальные, — отвечаю и прошу продавщицу:

— Покажите мне, пожалуйста, вон тот котелок.

Получив требуемое, я хмыкнул — у меня имелся такой же. С ним я обычно на рыбалку с ребятами ездил. Двухлитровый, с толстыми стенками, округлый и с крышкой. Его вполне хватало, чтобы вскипятить чаю, или сварить уху. Е-моё! Да я его тут, в «Динамо» и покупал. Вот так совпадение!

— Да ну-у-у, — протянул Олег, критически оглядывая дюралевое изделие, — не котелок, а каска фрицевская. Да и мал больно.

— Ничего ты не сечешь в этом вопросе, — отвечаю ему, — самое то!

— Что, то? Нас сколько будет? Класс целый!

— А ты что, огромный казан хотел купить? — усмехаюсь я. — Как носить такую тяжесть? А в этом котелке на трех-четырех человек хватит поесть сварить и воду для чая согреть, быстро причем.

— Ладно, — сдался друг, — только я другой возьму, а то будут говорить, что Савин в немецкой

каске суп варит.

— Твоё дело, — отвечаю и обращаюсь к продавщице:

— Сколько он стоит?

— Четыре рубля двадцать копеек.

— А мне вон тот. — И Олег показал на полку.

— Этот четыре рубля стоит. Будете брать? — спросила продавщица.

— Минутку, — ответил Олег и повернулся ко мне, — у тебя сколько с собой бабок?

— Рублей двенадцать с мелочью, а что?

— Сейчас одиннадцатый час, сразу домой ехать неохота, давай в парк Горького сходим. Гульнем немного, в игровых автоматах поиграем, — и Савин похлопал по карману, где зазвенела мелочь, — а за котелками потом зайдём.

Как тут быть против? Помнится, мы много раз ездили отдыхать в парк. Атракционы в Луна-парке, карусели всякие, колесо обозрения... здорово!

— Согласен.

— Мы позже зайдём, — сказал Савин продавщице, — погуляем пока.

Продавщица забрала у меня котелок и отошла.

Мы вышли из магазина. На углу перекрестка я увидел парк. Это же парк Двадцати восьми Панфиловцев! Ноги сами понесли меня туда.

— Стой, ты куда? — схватил меня Олег. — Нам сюда.

И показал вниз по улице, идущей вдоль парка.

— Давай через парк пройдем, к огню сходим, — говорю ему.

— Давай, — пожал плечами Савин, — только попьем газировки.

Он показал на три аппарата, стоящих на углу магазина «Динамо». День обещал быть жарким и пить уже хотелось. Подошли ближе. Из трех аппаратов работал только один, но в его проёме стояли три стакана.

— Монеты у тебя есть? — Савин сунул руку в карман. Я тоже зазвенел мелочью, отыскивая трехкопеечные монетки. Пока отбирал монеты, Олег уже намыл в мойке стакан, поставил его и бросил монетку. Аппарат коротко прозвенел, скачущей внутри монеткой, хрипнул и выдал порцию сиропа, затем с шипением наполнил его газированной водой. Следом стакан поставил я.

Как же вкусно! Жаль, но такого в будущем уже не будет. Все эти напитки — Кока-Колы, Пепси, Спрайты... это все не то. Я пил четвертый стакан.

— Это называется — дорвался, — хмыкнул Олег, глядя на меня. — Ты так воду смаковал,

совсем как мой папа, когда коньяк пьет.

— Вкуснота, — довольно говорю, — выпил бы ещё, но монеты кончились. Ладно, пошли.

Мы стояли у мемориала довольно долго. Здесь удивительная прохлада и тишина, такая, будто мир в этом местечке замер, затаился в скорби. Все тут говорило — прислушайся, и ты услышишь грохот боя, а люди, воплощенные в граните, закрывшие собой путь к столице, вновь рванутся навстречу смерти. А за ними кремлевская стена...

Когда-то, ещё курсантом, вот так же стоял и смотрел на Вечный Огонь, а в голове сами собой рождались строки: «Я в пламени живу давно...».

— За нами Москва! — тихо прочитал Савин. — А ведь наши были, здешние.

— Да, — киваю я, — дивизию формировали тут, в Алма-Ате и сразу же на передовую.

— Цветов много. — Произнес Олег.

Да, цветов много. Пока мы тут стояли, несколько человек положили гвоздики к Вечному Огню. Цветы лежали почти по всему периметру гранитной плиты. Савин тронул за руку:

— Слушай, а ведь твой дед воевал, он тебе рассказывал о войне?

— Нет, — качаю головой, — не любил он о ней говорить.

— И мой тоже, — вздохнул друг.

Мне было девять лет, когда он умер дед, но я хорошо его помню. Он был веселым, общительным, много историй рассказывал, сказок, но всегда замолкал, когда я про войну спрашивал. Взгляд при этом у него грустный становился. И уже только потом понял — почему. Я не был на войне, но знаю — кто смерти в глаза посмотрел, о войне рассказывать не любит. Даже ребята из нашего отряда, что побывали в Чечне, не распространяются об этом. Все больше о снятиях стресса и о последствиях после него. Сейчас думать об этом почему-то не хотелось.

— Пойдем?

Я повернулся и пошел к зданию дома офицеров. Мы прошли вдоль него, затем спустились к остановке. Ждали совсем недолго. В сторону парка Горького шли почти все маршруты. Первым подошел двенадцатый троллейбус. Сели, взяли билеты, бросили в кассу по три копейки и прошли назад, но не к заднему окну, как обычно, а уселись на последнее свободное сидение.

— Кстати.

Я достал деньги и отложил четыре тридцать в другой карман джинсов. Олег вопросительно брови.

— На всякий случай, — пояснил я, — вдруг в парке увлечемся и потратим все.

— Дельно, — согласился Савин, и тоже отложил часть денег. Подсчитав остальное хмыкнул:

— Ну и гульнем! У меня восемь с мелочью.

— У меня почти также.

Удивительно для меня, привыкшему к значительно большим суммам, что на без малого десять рублей можно хорошо отдохнуть в Парке Горького, посетив каждый аттракцион раз по пять, при этом пить ситро из автоматов и прохладный квас из бочек, который казался самым вкусным напитком на свете.

— Остановка «Парк Горького», конечная, — прохрипел динамик.

Мы поднялись, и вместе со всеми пассажирами вышли на площадь перед большой аркой — входом в парк. У арки купили по мороженому в бумажных стаканчиках с деревянными палочками и двинулись в сторону аттракционов.

Я шел и наслаждался вкусным мороженым, давно такого не ел. А вокруг такая красота! Газоны выложены затейливым орнаментом из цветов, кусты фигурно подстрижены, а где-то в глубине парка играет музыка и слышится смех отдыхающих. Тенистая аллея вывела к большому пруду, в котором катались на лодках и катамаранах отдыхающие, а на той стороне виднелось множество аттракционов. Мы прошли через арочный мост, за которым на небольшой сцене играл духовой оркестр, и свернули к Луна-парку.

«Ромашка», затем «Горки», после на «Лебедей»... На руках целый рулон билетов, почти на все аттракционы, что тут были. Я жмурился будто от солнца, скрывая свой восторг. Казалось что я не испытывал такого, даже когда впервые попал в Луна-парк. И хотелось повторить ещё и ещё раз, подобно малышу, которого мы видели на простенькой карусели. Он вцепился в ручки, торчащие из пластикового коня, и никак не хотел с него слезать, а родители, не зная, как ещё успокоить своё чадо, вздыхали, отправлялись к кассе и вновь покупали билет.

Я был как тот малыш, а Олег за его родителей. Он тянул меня с очередного аттракциона дальше, что-то бурча под нос. Билетный рулон, по его мнению, никак не кончался, а вот по моему... я бы еще билетов взял, на повторный круг. Савин немного успокоился на «Автодроме», когда мы в разные машинки сели. Весело рулили. Друг старался протаранить меня, я уворачивался. Множество машин больше мешали друг другу, но мне, имевшему в будущем опыт вождения, удавалось избегать столкновений, хотя именно в этом был свой смак. Под самый конец я проскочил между двух машинок, Савин, гнавшийся за мной, в этот просвет не вписался и... в результате получилась отличный затор из всех машин аттракциона. Они пытались разъехаться, но ничего не выходило. Я единственный катался вокруг этой кучи и смеялся над Савиным, который оказался аккурат посередине.

— Здорово у тебя удирать получалось, — сказал он мне на выходе. В следующий раз я догоню.

— Так давай повторим? — прищуриваюсь я.

— Нее, — замотал головой Олег, — потом как-нибудь, сейчас к игровым автоматам пошли. Я тебе уже давно про них говорю, а ты будто не слышишь.

Действительно, Савин говорил что-то об них, но я, на волне восторга, пропускал все мимо ушей. И чего такого в этих игровых автоматах? По сравнению с компьютерными играми будущего, даже жалким подобием не назвать. Но до них ещё лет двадцать. Эх... даже немного взгрустнул о грядущих временах. Не об играх, конечно.

— Хорошо, — согласился я, — пойдём к твоим автоматам, но ещё на два аттракциона билеты есть — «Комната страха» и «Колесо обозрения».

— Ладно, — вздохнул Олег, — потерплю ещё немного. Пошли пугаться.

Большой шатер «страшной» комнаты находился недалеко от входа Луна-парка. Выстояли небольшую очередь, наблюдая за посадкой в двухместные тележки, которые потом заезжали в шатер, а изнутри слышались испуганные возгласы, взвизгивания и, какой-то нервный смех. Честно говоря, я почему-то совсем не помню, что там, но представляю. Наверняка ерунда какая-нибудь. Вот уж меня бесполезно пугать, навидался за ту жизнь всякого.

Наконец подошла наша очередь, мы уселись в тележку, и она медленно въехала в темноту шатра. Перед занавесью я зажмурил глаза, чтобы после яркого солнца хоть что-нибудь видеть в темноте. Сразу за занавеской что-то рядом затряслось, будто костями зазвенело. Глянул и заржал. Рядом дергался скелет, до того комичный и нелепый... я костяки достаточно навидался, но этот за настоящий принять даже с натяжкой сложно, хотя, для простого народа достаточно.

Когда я заржал, то Олег аж подпрыгнул.

— Ты чего? — завертел он головой и мелко-мелко заморгал. В отличие от меня, он глаз заранее не закрывал и скелет не сразу увидел.

— Чего орешь? Блин, напугал.

Это только добавило мне смеха, а ещё от следующей жутко страшной фигуры, на Кощея похожей. Этим только маленьких детишек пугать. Савин потихоньку тоже захихикал. Тележка петляла между «очень страшных пугал», которые подсвечивались красным светом и при проезде начинали дергаться, пугать, значит. Но видно кого-то пугали, так как взвизгивания раздавались впереди и сзади нас, только мы смеялись в этом царстве ужаса.

— Это не страха, а смеха комната, — хихикал Олег. — Ржом, блин, как идиоты...

Впереди чуть посветлело, видимо конец аттракциона и тут...

— Ой! — вскрикнул и съёжился рядом Олег.

И тут же кто-то мне дал легкий подзатыльник. От неожиданности не испугался, даже не вздрогнул, но реакция последовала. Видно рефлекс, наработанный в прошлой жизни, уже прописались в детском теле. Рука выстрелила в сторону того невидимого пугала, кулак попал в чье-то тело, кто-то болезненно вскрикнул и тут нас вынесло наружу.

— Что это было? — заморгал от яркого света Савин.

— Дружеский подзатыльник, на прощание.

Выскочил из тележки, буквально выдернув друга из нее, и потащил Олега прочь. Это я на всякий случай, ведь хороший удар вышел. Забежал за билетную кассу и из-за неё посмотрел в сторону шатра.

— Да чего это ты? — Савин непонимающе оглядывался. — Что за спешка?

— Смотри, вон, — я показал на дверь с надписью «Служебный выход». Из нее вышел мужчина и вывел... нинзя, по крайней мере, вся одежда была точно как на легендарных японских убийцах. Понятно, что в этом наряде его в темноте не разглядеть и задача его в аттракционе была — напугать напоследок. Вот и напугал, на свою голову.

Ого, кого я уделал! — мелькнула первая мысль.

— Вот, блин, — изумился друг, — это же... как его? Нинжа! Во! Я по видео смотрел...

— Нинзя, — поправил я.

Мужик в черной одежде массировал грудь и глубоко дышал. Тот, что помогал выйти, что-то спросил, затем снял с пострадавшего черную шапочку и принялся обмахивать ею.

— А чего это он? — тихо спросил Олег.

— Это я нечаянно сдачи дал.

— Сильно ты его, — хмыкнул Савин.

Это мужику ещё повезло. Я, похоже, в солнечное сплетение попал, а если бы ниже. А если бы вообще, я был в своём теле... то есть как в той жизни, то скорую бы пришлось вызывать. Тут у меня пока удар не такой. Представил себе аналогичный удар Паши Легких или Андрюхи Любшина... бр-р-р. Труп бы сразу был, с дыркой в груди.

Пострадавший пришел в себя и оба мужика, выйдя на площадку, принялись внимательно оглядывать отдыхающих. Не думаю, что тот меня смог запомнить. На всякий случай, мы быстро вышли из Луна-парка и направились к колесу обозрения.

У каждого аттракциона были таблички: «С мороженым и животными вход воспрещен», но на колесо обозрения мы все-таки мороженое пронесли. Я протягивал билеты, а Олег прятал его за моей спиной. Холодное лакомство было уже в вафельных стаканчиках. Оказывается, именно такие больше всего любил Олег, поэтому мы взяли по два. Будем сидеть и смаковать, пока колесо делает один оборот.

Кабинки на аттракционе представляли собой маленькие беседочки с четырьмя местами, небольшим навесом, который от солнца только-только закрывал. В середине округлые поручни, с помощью которых можно было поворачивать кабинку. Колесо вращалось очень медленно. Мы поднялись только на половину высоты, как съели по мороженому. Оставшееся уже начало таять, и поэтому пришлось сразу есть и его.

Савин облизал пальцы, потер ладони, довольно откинулся на кресле и посмотрел вокруг.

— Лепота!

Мы уже поднялись на самую вершину. Вид действительно потрясающий. Ветерок немного сильнее, чем внизу, однако кабинку раскачивает. Заметил, что Олег хоть и вида не подает, но в поручень вцепился.

— Ты чего, — улыбаюсь я, — высоты, что ли боишься?

— Не-а, — протянул он, но по виду понятно — побаивается. На меня с прищуром глянул:

— А ты, я вижу, весь страх потерял. Бьёшь всех, кого не попадя. Нинжу, тьфу ты, то есть нинзю, чуть насмерть не зашиб. Чудишь до полного изумления. И ведешь себя, будто лет двадцать в парке не был. Ведь ходили сюда на прошлых выходных.

Савин на пять лет ошибся, но в корень зрит. Рассказать ему все, что ли? Или не стоит?

— Мальчики!

Я обернулся — в соседней кабинке сидели четыре симпатичные девчонки. Они перед нами на аттракцион проходили. Сейчас красавицы чему-то смеялись и на нас поглядывали.

— Мальчики! — повторили они и замахали ладошками.

Я чуть повернул кабинку, помахал в ответ и послал воздушный поцелуй.

— Так-так, — пошутил Савин, — у Ромео оказалась сущность Казановы. А как же Марина, а?

Я сделал выразительные глаза Олегу.

— Это простая вежливость, причем тут Казанова?

Но тот не унимался:

— Надо же какой типчик, юбку не пропустит!

И запел:

— Если б я был султан...

— Олег, — я прервал его и, соорудив на лице грозное выражение, демонстративно посмотрел вниз, — ты летать умеешь?

— Молчу, молчу, — а у самого рот до ушей.

Девушки вышли первыми и, поглядывая на нас, ушли к Луна-парку. Савин, видно на всякий случай, схватил меня за руку и потащил к центральному входу в парк, где был нужный ему павильон. Черт бы побрал, эти игровые автоматы! Я бы ещё кружок сделал по аттракционам, с девушками за компанию. Денег только четверть потратили. Даже в «Комнату страха» еще раз бы сходил. Интересно, там до сих пор подзатыльники на выходе раздают, или нет? А ещё зоопарк рядом, можно туда сходить. Но Олег целеустремленно двигался к своей сегодняшней идее фикс. Ладно, раз обещал, значит надо идти.

В павильоне нас встретила какофония писка, музыки и всяких фантастических звуков. Справа, сразу за кассой, стояли игровые автоматы для самых маленьких — всякие машинки, самолеты, космические корабли, которые, после того как бросали монету, начинали покачиваться и издавать смесь музыки, жужжания, стрельбы и милицейской сирены. В них сидели счастливые малыши, и было видно, что их родителям придется менять мелочь не раз.

Народу много, даже тесновато, кажется. Популярное место, что говорить? Мы наменяли в кассе монет по пятнадцать копеек и заняли очередь сразу к нескольким автоматам. «Морской бой» — самая популярная игра и народа, желающего быть удачным подводником, много. Поэтому, заняв очередь, мы прошли вглубь павильона. «Викторина», «Танкодром», «Воздушный бой»... все игры такие знакомые. Сами аппараты кажутся мне убогими, нелепо-простыми. Слишком уж я избалован техникой будущего. Мониторы видеоигр «Магистраль», «Городки» и «Авторалли» больше на иллюминаторы похожи, и изображение мутное, однако это кроме меня никого не смущает, играют с азартом и не раз. Хороший доход идет от игровых автоматов. Пятнадцать копеек и всего две минуты удовольствия.

От «Снайпер-2» отошли три пацана, мы как раз мимо проходили, поэтому первыми оказались. Я быстро осмотрел этот агрегат для стрельбы. Весь в пластике под дерево, стекло почему-то все в отпечатках от рук, видно пытались сквозь руку стрелять. Двадцать горящих мишеней в

три ряда. И ружье, подобное воздушному, только жестко закреплено на упоре. Просто так в руки не взять.

— Давай, — сказал Олег, пропуская меня, — покажи класс.

Я пожал плечами. Класс, блин показать. Это даже на упражнение номер один не катит. Непривычно. Приходится причудливо перемещаться, буквально по сантиметру, а все из-за упора. Но приноровившись, последовательно погасил все мишени. Аппарат весело зажужжал и загорелась надпись «Призовая игра». Вновь прошелся по мишеням. Савин удивился, вот только чему? Детский лепет какой-то. Уж настрелялся я за года службы, а боеприпасов сколько сжег...

Стрельба Олега потянула на троечку, осталось не погашено шесть мишеней, и призовой игры естественно не было. Как не было желания повторить ещё. Рядом освободился аппарат «Авторалли-М». На нем можно вдвоем играть. Бросили монеты и началось...

М-да, «Нед фор спид» восьмидесятых. Не впечатлило, и повторять эту игру я тоже не захотел. Перешли к толстому столу со стеклянным колпаком под названием — «Баскетбол». Тут все просто. Множество углублений с номерами, в которых есть ударники, и кнопки, на которые надо нажать быстрее соперника, чтобы мяч, упавший в этот паз, в корзину соперника залетел.

— Сыграем?

— Начали!

Монету в прорезь и игра началась. Мяч скакал непредсказуемо. Лупим по кнопкам, стараясь успеть первыми. Тут время не ограничено, игра идет до выигрыша одного из игроков. Олег злился, на кнопку с нужным номером я первым успеваю нажать.

— Ещё, — потребовал он, когда игра закончилась чуть ли не в сухую.

— Давай.

Ещё пятнадцать копеек проваливаются в прорезь. Не игра, а битва, точнее барабанная бойня. Немудрено, что все кнопки такие протертые. Тресь! Тресь! Тресь! Я по кнопкам, будто по макиваре луплю. Савин победно щерится — он ведет в счете. Почему я не успеваю? В первую игру все нормально было, постоянно Олега опережал, причем намного.

— Один-один, — радуется он. — Давай ещё, на чемпиона?

— На супер чемпиона. Бросай монету.

И вновь битва. Но в этот раз не колочу по кнопкам. Угадываю по траектории, куда упадет безумный мяч, и спокойно нажимаю кнопку. Странно, но именно так я и выиграл, хотя и с маленьким перевесом. Подмигиваю Савину:

— Я суперчемпион!

— Ладно, чемпик, — говорит тот, — пошли, наша очередь подходит.

Аппарат зеленого цвета, с нарисованными кораблями и циферблатами. В центре перископ с рукоятками, и окошки, в которых можно следить за ходом игры. Савин приклеился к перископу и смешно ворочает телом. Прш-ш-ш, — это так торпеда шумит. Бежит огонек по

нарисованному морю. Кораблю на горизонте деваться некуда, хриплый грохот, имитирующий взрыв, силуэт исчезает. Но появляется новый, вновь бегущий огонек... Это похоже на отстрел тарелочек, корабли в игре идут как на убой и Олег всех топит.

Савин отыграл два раза, причем с призовой игрой. Прямо как я на «Снайпере».

— Ну, ты просто морской волк!

— А то! — На лице друга счастливое выражение, называется — дорвался. Наверно я также на аттракционах выглядел.

Теперь моя очередь топить корабли. Но получается не сразу. Транспорты как заговоренные. Уворачиваются они что ли? Или капитаны опытные. Торпеды все мимо проходят. Попав всего один раз за игру, я почесал макушку и отправил в прорезь аппарата вторую монету. Савин что-то там шепчет, но его не слышу. Я уже не здесь. Кажется даже покачивает и морем пахнет. Силуэт транспорта вползает в зону поражения. Пуск! Лодку заметно толкает. Торпеда вышла и теперь чертит смертельную прямую... бабах! Есть попадание! Срочное погружение! Курс двести, глубина...

— Серега!

— Что? — я отрываюсь от аппарата и обнаруживаю, что народу заметно убавилось.

— А ты не почувствовал?

— Нет, а что?

— Землетрясение. Тряхнуло пару раз. Правда не очень сильно.

М-да, так увлекся, что не заметил. Я огляделся. Интересно, а почему персонал не стал выводить людей из здания, ведь должен. Хотя тут все здания сейсмоустойчивые, но порядок есть порядок. Из павильона вышли почти все, только некоторые остались. Такие как мы. Увлеченные. Впрочем, землетрясения тут явление частое. Многие привыкли, некоторые просто не замечают. Ночью потряхает, так просто перевернутся на другой бок и дальше спать, а то и вовсе не просыпаются. Только утром узнают и плечами пожмут — ну было и фиг с ним.

Толчков больше не повторилось. Савин, пользуясь тем, что народу в павильоне мало, радостно потирает руки, видно надеясь поиграть без очередей. Но я тяну его на выход. Землетрясение не шутки. Тут срабатывает навык из прошлой жизни — при катаклизме надо покинуть помещение.

— Ты че, куда? Давай ещё немного! — Теперь мы ролями поменялись, он похож на того малыша, а я на родителей. Ему, как и остальным, уже возвращающимся обратно, плевать на все. Привыкли. Но есть один аргумент — время. Я сам с удивлением обнаружил, что уже пол пятого. Пять часов пролетело незаметно! А нам в магазин надо. Домой ехать потом...

— Время, Олег, на часы глянь.

— Ну-у-у, — возмущается он, но все же идет на выход.

На площади влезает в троллейбус, хотя ехать всего ничего. Пять минут шагом, но от той остановки ещё по улице в горку подниматься. Мы не особо напрягались, однако ноги немного гудят.

По Карла Маркса еле плелись, хоть уклон совсем мал. Видно жара на нас действует. В парке мы пили газировку и квас, потом в туалет не раз бегали, но пить постоянно хотелось. Но у «Динамо» Олег сразу направился к аппаратам с газ-водой. У них стояли два пацана, на вид чуть младше нас. Один пил газировку, второй промывал стакан. Затем он поставил его под кран и бросил монетку. Аппарат проглотил её и... тишина.

— Э! — возмутился мальчишка, — копейку зажал!

И ударил по корпусу агрегата рукой.

— Ай, — затряс отбитой кистью.

Савин в этот момент почему-то очень выразительно на меня посмотрел. Я пожал плечами и треснул кулаком в монетоприемник.

Хр-р-р! — полилась в стакан газ-вода.

— Ух ты! — изумились пацаны. — С сиропом налило!

Действительно, вместо простой газированной воды аппарат налил ситро.

— Это компенсация за задержку, — прокомментировал Савин и показал мне большой палец. — У меня только три монеты по копейке. Я тоже с сиропом хочу, так что будешь аналогично дубасить.

— У меня всего одна, — после осмотра мелочи, сказал я.

И началось — Савин бросал копейку, я взбадривал аппарат кулаком, а он исправно наливал газировку. С сиропом.

— Во, даёт! — смеялись пацаны.

Кинули последнюю монету, я треснул кулаком, мальчишки опять захохотали — копейка вылетела из паза сдачи, а аппарат все-равно налил полный стакан, и опять с сиропом.

— Может вообще денег не надо, просто долбанул и пей!

Халява манит, жажда рулит! Я треснул без монеты — стакан наполнился.

— А давайте с двойным сиропом?

Тресь! — Порция сиропа падает в стакан, он тут же убирается, затем, когда прольётся газ-вода, ставится обратно и опять — тресь! Но следующим ударом аппарат налил без сиропа.

— Кончился, что ли? — удивился один из пацанов.

Или удар ослаб. Не тянет этот агрегат на макивару. Железная, сволочь!

— Ладно, можно и просто воду. Давай ещё.

— Не, пацаны, — я осмотрел кисть, — руку отбил уже. Хорош.

Возвратили стаканы в аппарат и направились ко входу магазина. Сзади раздались удары по железу и обидные возгласы.

— Видно силенок не хватает, — хмыкнул Олег.

Глава 8

— Солнце светит ярким светом. Над Москвою и вокруг...

Это у меня просто настроение фестивальное. Сижу, напевая эту песенку и в рюкзак вещи с продуктами складываю.

— Почему же, люди летом, отправляются на юг?

Ну, можно сказать, тут и так юг, а отправляемся мы в горы. Помнится, у меня была такая мысль, у аэровокзала, куда-нибудь повыше забраться. Орать, может быть, не буду, но в водопад или в реку обязательно залезу, затем полотенцем до красноты раструсь.

— А в Подмоскowie ловятся лещи, водятся грибы, ягоды цветы.

Лещей тут не водится, собственно в наших речках вообще рыбы нет. А вот остального навалом, даже грибы растут. Опята.

— Лучше в мире места не ищи... — а вот это зря. Я во многих местах побывал. Почти всю страну объехал и точно скажу — везде есть очень красивые места, однако... как у Высоцкого: «Лучше гор могут быть только горы...».

Так, на самый низ куртку, свитер, штаны. Они занимают большую половину рюкзака. М-да, маловат он оказался. Дальше продукты — по две банки «завтрак туриста», тушёнки и «братской могилы», то есть кильки в томатном соусе. Немного подумал и добавил ещё по банке каждого вида, так, на всякий случай. Дополнил суповыми пакетами и еще приправы сунул, тоже в пакете. Двумя буханками хлеба завершил с продуктами, и рюкзак оказался полный. Кое-как уместил миску с ложками (помятуя забывчивость товарищей, я всегда брал их несколько). Немного поколдовав над рюкзаком, умудрился втиснуть пачку чая и банку сахара. Всё, больше ничего не влезет, хоть трамбуй. И так ноша почти как мячик раздулась. В боковые карманы сунул перочинный нож, моток бечевы, нитки с иглой, пару целлофановых пакетов, туристический топорик в чехле, только ручка осталась торчать. Попробовал на вес — ничего, не тяжелый. Ещё пара вещей осталась — котелок, так и не распакованный, и спальник. Спальник особенный, отец привез. Низ из прорезиненной ткани, сам достаточно свободный, так что рук-ног не стесняет, а главное внутри вставка меховая, так что замерзнуть ночью мне не грозит. Его я скатал в тугой рулон и ремнями прикрепил к клапану рюкзака, к нему же и котелок подвесил. Все, собрался. Сам уже одетый в ушитую отцовскую полевую форму, в карманах горсть леденцов, на ремне армейская фляжка. Я готов.

Пожал руку отцу, подставил щеку для поцелуя маме и вырулил в подъезд. Проходил мимо лавок под взгляды бабушек-соседок. Будет пища для разговоров, если не на час, то полчаса точно. У своего подъезда меня поджидал Олег.

— Привет, — протягивает он руку.

— Привет, — жму и спрашиваю, — Как личико? А мозги?

— Нормально, — бурчит друг, — тебя бы так...

Это мы вчера с мужиками в волейбол играли. Олег, вместо рук, умудрился мяч головой, точнее лицом отбить. Что интересно, после него мяч к соперникам улетел, и в поле попал, а у Савина

лицо красное и в пятиугольниках...

Вчерашний день прошел просто замечательно. Если не считать малого, то никаких конфликтов не было. Магазин, вопреки опасениям, был открыт (подумаешь, катаклизм, видели и страшнее). Котелки мы купили. По настоятельной просьбе Савина их завернули в бумагу и перетянули бечевой. А когда подошли к остановке, то обнаружили большую толпу народа. Это мы как раз к часу-пик подгадали. Весь транспорт шел забитый пассажирами до изумления, точней, выпучивания глаз от давки в салоне. Предприняли несколько попыток попасть на автобус. Безуспешно. К подошедшему транспорту сразу устремлялся народ, но в салон проходило ровно столько, сколько вышло. В конце концов, нам удалось угадать место, где будет дверь остановившегося автобуса. Пропустили выходящих пассажиров и только успели подняться на ступень, как нас просто внесло в салон, затем буквально сплющило между взрослых.

— Что тут такое жесткое? — кто-то возмутился рядом с нами. — Уберите.

Я бы убрал, да никак не могу котелок вниз опустить. Зажало, самому больно. Терпел до следующей остановки. Там пассажиры, сыграв в пятнашки (что мне напомнило аналогичную ситуацию во время освобождения самолета), поменялись местами. На какие-то секунды стало свободней. Я и Олег протиснулись к заднему окну. Вот только удобно встать не удалось — пассажиров вошло гораздо больше, чем вышло. Даже показалось, что автобус раздулся словно мячик. За нашим автобусом шло маршрутное такси, тоже полное, водитель которого смотрел на нас и улыбался. Наверно смешно мы выглядим придавленные к стеклу. В таком положении проехали остановок пять, затем понемногу салон освободился. К нашему микрорайону подъезжали уже сидя на задних сидениях, а выйдя из салона, даже вздохнули одновременно. Перед тем как разойтись по домам, договорились ещё погулять.

Дома я поел и сразу вышел во двор. Савина не видать, а в центре двора мужики сетку натянули и небольшой компанией перекидывают мяч, разминаются. Там я Аркадьича и увидел. На Тихомирове рубашка с коротким рукавом, спортивные штаны, на ногах кеды. Он с Макашовым чуть в стороне беседовал. Интересное дело, дядя Миша сейчас выглядит как обычный работяга. Никто бы не подумал, что он может любого в бараний рог скрутить.

Я подошел к ним и поздоровался.

— А, Сергей, здравствуй-здравствуй.

Макашов и Тихомиров по очереди пожали мне руку.

— Во, еще игрок есть, — сказал дядя Миша, — ну как, разомнемся, Сергей?

И показал в сторону площадки, где мужики палками очерчивали границы игровой зоны.

— Поиграть можно, — отвечаю, — а размяться я ещё с утра успел.

— Я на работу устроился, — ответил Тихомиров на скрытый вопрос, — инструктором в ДОСААФ, но пока волокита с документами, я ночным сторожем на продскладе подрабатываю.

— Здрась! — Это Савин нарисовался.

— О, ещё один. — Дядя Миша положил руку Олегу на плечо и спросил:

— Как у тебя с волейболом?

— Нормально.

Поначалу так и было. Сыграли две партии. Мужики так увлеклись, что лупили по мячу со всей дури. Дядя Миша лихо закручивал на подаче мяч, что не все могли принять, а когда поднимали его над сеткой, Тихомиров его как снаряд в землю заколачивал. На такой удар и нарвался Олег. Я думал — контузия будет, а у него только рисунок волейбольный на физиономии остался. Савин сразу домой ушел, договорившись перед этим — во сколько к школе выдвигаться будем.

Сегодня Олег выглядит бодро. Его рюкзак был чуть ли не в два раза больше моего. Чего это он там набрал? Савин, пыхтя, взгромоздил его на плечи, и мы направились к месту сбора.

На выходе из двора оглянувшись, глазами нашел окно на втором этаже.

— Не поедет она, — тут же сказал Олег.

— Как не поедет? Ты откуда знаешь?

— Утром видел, когда за хлебом бегал. Всей семьёй уехали куда-то, машина за ними пришла.

М-да, тут вопрос решен радикально — пусть дочь будет с родителями, так спокойней. Вдруг, случится что? Да ещё там Вязов будет, с которым не все понятно — и за дочкой ухаживать начал, и дерется каждый день, на английской мове заговорил вдруг. Подозрительно, по мнению отца, и чекиста в первую очередь. Впрочем, Зеленина я прекрасно понимаю. Не всех ребят родители просто так отпустили бы в поход, боятся за чад своих. Например, моя мама была против, но отец заступился — мол, нечего сына за руку держать, при этом мне подмигнув... Олегу тоже пришлось маму уговаривать, еле-еле согласилась. Нам ещё повезло, а вот другим... Скверно будет, если у школы соберется с десятков ребят, тогда поездки может и не состояться.

— Пошли, — сказал Савин, вздохнув, видно подумал о том же, — что теперь поделаешь?

На подходе к школе слышали многоголосье, смех и странную музыку, как будто ленту наоборот запустили.

— А народу-то много, — повеселел Олег, — вон как галдят.

— Ага, только давай сбоку пройдем от греха.

На это Савин только хмыкнул.

Площадь перед школой превратилась в сплошной бивак — сваленные там и сям рюкзаки, разве что костров нет, и палатки не стоят. Ребята снуют во все стороны, и на первый взгляд, желающих ехать в горы собралось много. Чуть ли не все седьмые классы в полном составе, но это не так. Большинство собралось по кучкам. Девчонки с девчонками — журналы листают, что-то в блокнотиках пишут-рисуют, поправляют прически и подкрашиваются...

Пацаны, сгруппировались в несколько компашек, почти у каждой орет магнитофон. Руками машут, пинают-бросают мячи, что-то друг другу доказывают...

И над всем этим стоит жуткая какофония.

— Вон наши, — показал Олег.

Чуть в стороне от главного входа лежала большая куча скаток, рюкзаков и сумок. На них восседал Переходников и что-то азартно рассказывал, при этом руками размахивая, а вокруг столпились ребята нашего класса.

— О, — воскликнул Савин, — Евгеша опять байки травит.

Да, Женька любил рассказывать истории всякие, да и приврать при этом. То рыбину он поймал огромную (размаха рук не хватит), то вот такая собака за ним гналась (не меньше Баскервильской, даже больше), то на велосипеде большой овраг перелетел (на скорости сто километров в час), или ещё что-то невообразимое выдумает. Незабываемые впечатления, помноженные на богатое воображение, плюс язык без костей... под окончание школы он прозвище получил — барон Мюнхаузен.

— По-ходу, что-то про полеты врет, — пробормотал Олег, — вон как руками машет...

Стараясь как можно дольше не попадаться на глаза, по самому краю площади прошли к нашим. Из-за спин слышали развязку невероятной истории Переходникова:

— ... как гавкнет! — выпучив глаза, повествовал Женька. — Я со страху на тополь как взобрался, до самой макушки...

— А потом как полетел... — продолжил Олег и, сняв свой рюкзак, бросил в общую кучу.

— Почти... — автоматически кивнул Переходников и обернулся, увидев меня, заорал на всю площадь:

— Вяз пришел!

— Тихо ты! — Поздно, к нам развернулись и...

— О-о-о, — раздалось со всех сторон.

— Ну, Серега, держись, — хмыкнул Олег.

Гул на пришкольной площади стих, со всех сторон к нам начали стягиваться ребята. С таким видом, что я захотел, как Переходников, на самый высокий тополь забраться. Тополей не было, так что скинул свой рюкзак и, на всякий случай, загородился им. Черт же меня дернул тот спор начать. Просто повесил бы гитару на стену и все. А потом ещё дал себя уговорить на дискотеке... и о чем я думал?

Образовалась плотное кольцо из ребят и каждый руку тянет.

— Вяз привет! — Это Расулов.

— Здорово, Серега! — Бердников сбоку протиснулся.

— Здравствуй, Сережа, — улыбается Смольнякова.

— Привет...

Мне отдавили ладонь и чуть не оторвали руку. Абсолютно всем хотелось поздороваться. Я тряс очередную ладонь и отвечал на вопросы.

— Нет, в «Палитре» играть не буду.

— ... и выступать тоже. Какие концерты, вы чего?!

— Нет, гитару не взял. Почему? Да не моя она...

Сдалась им она. Музыку можно и по магнитофону покрутить. Вон, аж пять штук с собой взяли.

— Нет у меня гитары, — говорю, — а без неё петь не буду.

— Нет инструмента? — слышу голос Расулова. — Найдем.

— Гитару! — орет «Мюнхаузен». — Где гитара? Сюда её!

Обнаруживаю, что Савин из школы выходит (как только исчезнуть успел?) и несет... м-да и где Олег её откопал?

— Вот, — протягивает он инструмент, — держи. И не говори, что играть не будешь.

Я посмотрел на гитару. Оп-па!

— Постой, это же твоего отца. Как он тебе разрешил-то?

— Никак, я тайком упер. Прихватил, когда за хлебом побежал и в школе у Василия Владимировича в кабинете оставил. Хотел сюрприз сделать.

— Угу, сделал. А от бати сюрприза не боишься?

— Искусство требует жертв! — хмыкнул Олег. — Короче ...

— Играй, — раздалось со всех сторон.

Взял несколько аккордов, проверяя настройку, спросил:

— Что играть?

— «Скучаю». — Это девчонки.

— «Облади» играй! — кричали пацаны.

Были и другие пожелания, но большинство просило сыграть хиты прошлой дискотеки. Первой сыграл «Облади-Облада», правда на акустической ТАК как вчера не вышло, но ребята остались довольны. Следующей сыграл «Скучаю», потом девчонки попросили «Алешкину любовь»... не в поход идем, а концерт выездной. Музыкальный тур, блин, по горам.

— Ребята, внимание! — раздалось от дверей школы, когда я закончил очередную песню. Там стоял Коротов, завуч Михайлова, Щупко и... Витя. М-да, похоже, у них все серьезно. Запал руководитель «Палитры» на нашу классную. На крыльце ещё взрослые стояли. Наверно родители, что согласились ехать в горы с детьми.

— Ребята, — повторил Василий Владимирович, — песни можно слушать и слушать, но автобусы пришли. Не будем людей задерживать. Сейчас встаём, забираем свои вещи и обходим здание. Организованно. Там садимся в автобусы по классам.

Организованной, но все-таки толпой, мы пошли за школу, где нас ждали автобусы.

Семь ПАЗиков стояли вдоль обочины.

— О! — Вырвалось у меня. Таких ПАЗиков не видел давно, с верхними окнами, похожими на иллюминаторы...

— У-у-у... — разочарованно протянул кто-то.

— А ты икарусы ожидал? — ответили из толпы.

— А влезем?

— Влезем.

Подразумевалось, что на каждый класс — по автобусу, но народу пришло мало, все-таки не всем ребятам родители разрешили в горы с ночевкой идти. С нашего класса семнадцать человек, в других не больше половины, а то вовсе меньше десятка.

Разместились все, даже место осталось, правда, на свободные сидения сумки и рюкзаки положили, а скатки с палатками, особо не заморачиваясь, в проходах свалили. Савин застолбил для нас заднее сидение. Рядом расположились пацаны. Девчонки и взрослые впереди расселись.

— Чего ждем? — осведомился Переходников.

— Что-то решают, — сказал Савин, показав назад.

Директор о чем-то с водителями совещался. Это чтобы не гнать полупустые автобусы, решили пару освободить. Коротов прошел к двум последним автобусам и вывел из них ребят. Вся эта толпа устремилась вперед и постаралась влезть в наш, но пропустили только пятерых, остальных разместили в других ПАЗиках. Я увидел, что к нам пробирается Кигаев и Расулов. Ильяс и Алдар переложили рюкзаки с сидений напротив, скинули свои и уселись, положив ноги на тюки. Мне тут же сунули гитару.

— Играй!

— Что? Опять «Облади»?

— Нет, что-нибудь другое, но веселое.

Веселое, значит, веселое. Сыграю шутиливую песенку, под всеобщее настроение. Внутри меня хмыкнул хулиган. На дискотеке он возникал не сильно, зато теперь, похоже, оторвется. А что, можно наконец и расслабиться. Забыть о проблемах, прошлом, или о будущем, побыть самим собой. То есть подростком, как все мои одноклассники.

Играю маленькое вступление на пару аккордов и пою:

— Из-за леса, из-за гор,
Топай, топай,
Вышел дедушка Егор,

— Кверху жопой. — Пропели ребята хором и засмеялись.

— Захотелось старику,
Топай, топай...

Переплыть Москву-реку,
Кверху жопой...

— Сергей, Сергей Вязов! — громко сказала Щупко, повернувшись. — Как так можно? Пой, конечно, но без всяких поп.

— А как же без них-то? — хихикнул Переходников, и все засмеялись.

Классная посмотрела на всех строго, смех стих только после того как Виктор встал.

— Ребята, тихо!

— Сергей, просто не пой эту похабщину.

— Ладно, Елена Михайловна, эту не буду, — кивнул я. Затем взял пару аккордов, вспоминая что-нибудь подходящее, но как назло все песни, что приходили на ум, были подобные «Топа-топай».

— Чингачгука спою, — наконец решил я.

Хотя, эта песенка тоже из разряда хулиганских, и тоже с матюками, но их я заменяю благопристойными синонимами, как и пел ещё тогда, в «приличных компаниях».

Народ сразу задвигался. Пацаны заулыбались, большая часть них знала слова. Вновь короткое вступление и я начал:

— Чингачгук Великий Змей,
Был он хитрый как еврей,
И гонял по всем лесам дикарей.
Утром встанет Чингачгук,
Томагавк берет и лук,
И гоняет всех вокруг — кто не друг.

Подпевать мне начали уже с середины куплета.

Как-то раз в сезон дождя
Дочку выкрали вождя,
А немного погода и коня.
Стал тут старый горевать,
Волоса седые рвать,

(я-то пропел «седые», а вот ребята, дружно про пятую точку. Елена Михайловна хотела встать, но её Витя удержал),

Перестал он пить и есть,
И, даже, спать

(«спать» я почти выкрикнул, но классная все-равно встrepенулась. Ребята-то совсем другое пропели. Витя что-то ей сказал, и Щупко махнула рукой — продолжайте, мол).

У всех лица довольные, в такт аккордам раскачиваются и мне подпевают.

Все бегут к Чингачгуку —
Помоги, мол, старику.

Отвечает — чем могу, помогу.
Надевал свой мокасин,
Заряжал свой магазин,
Выпил огненной воды,
И покатил.
Что не метр, то порог,
Тут пройти никто не смог,
Кто остался тут без рук,
А кто без ног.
Но летит Горбатый змей,
В утлой лодочке своей.
Не страшна ему вода,
Средь камней.
Вдруг из чащи подлый враг,
В Чингачгука — трах-бабах!
А ему не ведом страх,
А в глазах —
Горит бешенный огонь,
Хочешь жить — его не тронь,
Он здоровый словно конь.
Только тронь.
Он Винчестер свой хватал,
По врагам стрелял-стрелял,
Кто убит на повал,
А кто бежал.
Будут знать, япона мать

(Савин пропел «... мать», я его толкнул ногой и он зажал рот, испуганно посмотрев на Щупко, но та внимания не обратила, с Витей о чем-то шепталась.),

Как на Змея нападать!
Он весло из лодки хватать,
И догонять.

Последний куплет я пел один:

— Возвратил вождю он дочь.
И ушел скорее прочь,
Долго плакала она,
Глядя в ночь.

Наши автобусы проехали по кольцевой и повернули на дорогу ведущую в ущелье Алма-Арасан. В окнах замелькали пирамидальные тополя, растущие вдоль дороги, а дальше богатые яблоневые сады.

Автобус миновал последнюю плотину, словно границу пересек. Мы сразу к окнам прилипли. Впереди, будто хрустальные, сверкали снежные вершины. Красота их завораживала и манила. Так бы и ехали к ним, тем более что тут они казались ещё ближе, чем в городе. Но мы и не собирались ехать к самым перевалам. Нужное место находится не так глубоко в горах.

В тон настроению и под завывание двигателя, я запел «Вершину» Высоцкого:

— Здесь вам не равнина — здесь климат иной.
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад...

В отличие от камнепадов, лавины тут только зимой бывают. Весной, после снежных зим, сели сходят, превращая ущелье в большой грязный поток, от которого и защищает каскад плотин.

— Внизу не встретишь, как не тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес...

Лучше слов не подобрать. Прав Владимир Семенович — лучше гор могут быть только горы.

Пока пел песню, наша автоколонна миновала пионерский лагерь с одноименным ущелью названием и через пять минут остановилась, не доезжая небольшого моста. Тут дорога пересекала речку и уходила в сторону поселка Алма-Арасан. Но нам надо направо, вдоль реки, поэтому дальше пойдем пешком. С веселым гомоном высыпали из салона. На обочине тут же выросли кучи с вещами. Пока взрослые договаривались с водителями насчет завтрашнего дня, почти все ребята сразу к речке спустились. Воду пить. Она вкусная и холодная до ломоты в зубах.

Потом автобусы, развернувшись, укатили прочь, а всех нас собрали у вещей.

— Ребята, внимание! — громко объявила Щупко и показала на стоящего рядом Витю. — Это Григорьев Виктор Александрович, руководитель и солист группы «Палитра».

Все закивали, мол, видели, знаем.

— Он согласился идти с нами в горы, — продолжала Щупко, — а так как Виктор Александрович давно занимается альпинизмом, то мы попросили его быть старшим в этом походе. Сейчас он проинструктирует вас о поведении в горах.

— Ребята, — сказал Григорьев, — вы все уже достаточно взрослые и должны понимать — что к чему. Первое — это внимательно смотрим под ноги, но и по сторонам тоже. Не толпимся, друг другу не мешаем. Второе — не забываем, что тут воздух разряженный, поэтому вершины не лезем. На деревья тоже не стоит забираться. Пьем больше воды. Но в воду не лезем. Тут она просто ледяная. Слушаемся взрослых. — Он переждал тихий ропот. — А теперь организованно идем вдоль реки. Тут недалеко совсем.

— Ну вот, — проворчал Олег, — обломинго нам, а не Лысый Горшок! Ничего нельзя...

— Посмотрим. — Отвечаю я.

Мы напаялили рюкзаки, взгромоздили на себя тяжелые скатки палаток, и двинулись вдоль реки. Пройти осталось чуть меньше километра, но это расстояние оказалось долгим и трудным. Постоянное петляние тропы, да ещё в гору с грузом на плечах...

Мало того что мы несли свои вещи и палатки, так ещё и девчонки всю свою поклажу пацанам вручили, а сами налегке впереди. Я и Савин с самого начала взяли самую большую скатку и теперь несли её на плечах, как бревно. Другие перли палатки поменьше. Часто менялись местами, перекладывали с плеча на плечо. Наконец, устали окончательно, сбросили скатку вниз и попросили других пацанов подменить. Все-таки тяжело тащить в гору такой груз. Пока менялись поклажей, впереди кто-то испуганно заорал, а затем раздался смех. Оказалось, из-за

кустов корова неожиданно вышла, напугав идущих впереди девчонок. Они завизжали и сами напугали животное. Та, задрав хвост, перелетела через реку, словно горная лань.

— Ого! Видели? — восхитился кто-то впереди.

— Ага, как лихо она по камням скакала! Даже копыт не намочила.

— А че, привыкла по склонам лазить.

— Глянь-ка, у нее веревка оборванная. Сбежала, наверное.

Корова остановилась на другом берегу и теперь внимательно наблюдала за проходившими людьми. На её шее действительно болтался обрывок веревки. Корова смотрела на нас недолго. Успокоившись, начала щипать траву.

Наконец мы вышли на поляну.

— Пришли! — выдохнули почти хором и, сбросив всю поклажу, повалились поверх нее.

Я, немного отдохнув, направился к реке умыться и попить. Холодная вода освежила, сразу стало легче. Вернулся назад и огляделся. Что ж, хоть поляна и с небольшим уклоном, но достаточно просторная. С одной стороны река, с другой крутой склон, заросший елями. По краям ивовый кустарник. Лучше места не найти. Если палатки поставить компактно, то хватит места для всех, только крупные камни убрать. Места под костры определить и обложить теми же валунами.

Пока я разглядывал окрестности, большинство ребят, забыв инструктаж, успели разбрестись кто куда. Некоторые направились к водопадику, находящемуся недалеко, другие по камням через речку перебрались, где места тоже хватало, только уклон был круче. Часть ребят в ельник полезла. А вещи остались разбросанными как попало. На поляну вернулись взрослые. Они тоже у реки освежались. Взрослые, во главе с Виктором и Еленой Михайловной, начали собирать всех обратно.

— Так, ребята, внимание! — крикнул Григорьев, — вернитесь пожалуйста все сюда.

Ворча под нос, все собрались вокруг взрослых.

— Ребята, — повторил Виктор, — прежде чем гулять-играть, надо лагерь подготовить. Поляну расчистить, палатки поставить, собрать дрова. И только после этого можно будет и к водопаду сходить, и в футбол-волейбол поиграть...

Принялись расчищать поляну. Вещи сложили в стороне, из собранных камней сразу выложили несколько мест под костры. Часть пацанов занялась установкой палаток, часть отправилась собирать дрова. Девчонки принялись готовить бутерброды, чтобы немного перекусить. Потом, как разожжём огонь, приготовят всем обед.

Мы обшарили вокруг все, в поисках дров, подобрали вплоть до мелких веток и у будущего кострища, огороженного валунами, сложили. Получилось две высоких кучки, но что эти веточки? Сгорят быстро, только и успеешь, что воду в котелке вскипятить. Дров нужно больше, тем более что народу много. Нужен сухой ствол, а лучше пару стволов. Тогда хватит на всю ночь костры жечь. Но рядом сухих деревьев не наблюдалось. Расулов вспомнил — таковые есть на самой вершине Лысого Горшка, рядом со скальным выступом, или с другой стороны горы, что напротив. Далековато, но что делать? Я направился к Григорьеву.

— Виктор Алексеевич...

— Стоп, Сергей, — прервал он меня, — мы с тобой на ты были, так что можешь меня просто по имени называть.

— Хорошо. Я вот о чем... — и изложил ему суть проблемы.

— Хм, а как их спустите сюда?

— Срубим сучки, затем на короткие части метра по два-три. Спустим осторожно. У нас и веревка есть. Зато потом пару таких в костер сунешь, и всю ночь можно греться.

— М-да, ты прав. А откуда про такой способ знаешь?

— Дядя у меня охотник, с собой как-то раз в лес брал, когда летом к нему в гости ездили.

Гомон на поляне нас прервал. Пацаны, что занимались установкой палаток, громко ругались. Не получалось их поставить, точнее колышки в грунт забить. Под дерном-то камень сплошь.

Подошли к ним.

— А у вас, что за проблема? — спросил Григорьев.

— Колышки не вбиваются, — пожаловались пацаны, — Виктор Алексеевич! Камень под травой.

— Да? — прищурился Виктор. — А больше способов закрепить растяжки не знаете?

Ребята переглянулись и плечами пожали.

— Тут не за что крепить веревку...

— А ты что скажешь? — спросил меня Витя.

— Все просто, — отвечаю, — веревку привязать посередине колышка, натянуть и прижать валуном, или двумя. Можно камней больше наложить, чтобы крепче было.

— Вот! — поднял палец Григорьев.

Ребята принялись заново возиться с палатками. Вскоре поставили самую большую. Видя что дело наладилось, Виктор удовлетворённо кивнул.

— Хорошо, — кивнул Виктор, — с кем пойдешь?

Я назвал всех, с кем по округе ходил дрова собирая:

— Савин, Расулов, Переходников... хватит, думаю.

— Тогда ты старший. И смотри, осторожно там!

Тут ещё не горы, по сравнению с теми, что гораздо дальше на юг, а так, горишки, но достаточно высокие, с крутыми склонами. И черт нас дернул лезть на Лысый Горшок именно тут. Если бы мы прошли обратно, где корова паслась, то могли подняться на гору по более пологому месту. Так нет, упрямо прем в лоб. Это все Савин: «Так короче, так короче... помнишь, как в песне — но мы выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа».

До вершины Горшка, в принципе, недалеко, однако постоянно надо лезть по склону больше чем в тридцать градусов, но иногда откос становился круче. Только еловый лес, что покрывал большую часть горы, позволял подниматься как по серпантину, и то чуть ли не на карачках, из-за низких и разлапистых ветвей. Вылезли на маленькую полянку и решили отдохнуть.

— Глянь, — показывает на траву Женька, — тут тропка.

Мы смотрим вдоль нее.

— Ага, по ней бы спокойно и поднялись сюда.

— Нормальные герои всегда идут в обход?! — хмыкает Ильяс.

— Вяз, — говорит Савин, — я тебя не узнаю. То сам прешь в лоб, то вдруг легкие пути ищешь. А обратно тоже в обход бревна тащить собираешься?

— Нет, как раз обратно только вниз.

— А как?

— Потом объясню. Пошли.

Остаток пути дался легче, правда, попадались заросли шиповника. Мы поднялись на Лысый Горшок с северной стороны и, не поднимаясь до самой вершины, прошли налево. А вот и та самая восточная сторона со скальным выступом и отвесной стеной, тянущейся до самой вершины. Высота стены была около тридцати метров. По краям стены каменные осыпи, сходящиеся клином и тянущиеся вниз до самого леса. Недалеко от нас, как раз на самом краю осыпи стояло сухое дерево. Чуть ниже, было ещё одно, уже упавшее, но до него метров пять. Я спустился чуть вниз, собираясь пробраться к упавшему дереву, но каменное крошево вдруг покатилося. Вернулся обратно. Что ж, придется сваливать этот ствол, раз до того не добраться. Осмотрел сухостоину.

— В комле сантиметров тридцать будет.

— Ну и как мы его спустим вниз? — спросил Переходников, задрав голову.

— Сучки обрубим, пихнем с горы. Само и съедет, — предложил Расулов.

— А на кой тогда веревку брали? — спросил Савин.

— Ты сам её взял, — ответил Женька, — на всякий случай.

— Веревка пригодится, — говорю я. — А сделаем так — срубим сучья, потом делим на части, стаскиваем вниз, до тропы, затем вяжем веревку и спускаем, подстраховывая.

У Олега был обычный топор, не туристический. Поэтому, отложив свои маленькие топорики, принялись по очереди работать нормальным. Дерево хоть и сухое, но рубилось на удивление легко. Часто сменяясь, быстро закончили заруб. Сухостоина заскрипела и с шумом брякнулась вершиной к скале.

— Это она правильно упала, — хмыкнул Ильяс, — а то брякнулась бы туда, и алга до подножья...

— Просто заруб я там где надо начал, — говорю я. — Короче, обрубаем сучки. И кидайте их в

одно место. Тоже потом прихватим. В крайнем случае, вернемся, или других ребят сюда пошлем.

Затем, еще раз оценив длину ствола, подумал и уточнил:

— Рубим на три части. Нет, на четыре, короткие бревна будут легче, да и спускать проще. Они хоть между елей не застрянут.

Принялись работать топорами, срубая сучья и отбрасывая их в одно место. Затем, отмерив четыре части по два метра, перерубили ствол в двух местах. Умаялись, присели отдохнуть.

— Ф-ух! — утер лоб Олег. — Пить охота. Серег, ты флягу взял?

— Нет. Потерпим.

Я глянул на сучковатое бревно и подумал: «а не слишком ли мы хомячим с этой елкой? Половины бы хватило на дрова, причем только верхней части. Но раз нас четверо, то рубим четыре части. Остаток, вместе с сучьями стащим к той тропе. Хотя, четырех чурок и тех дров, что внизу собрали, думаю хватить».

После отделения четвертой части, ствола осталось ещё прилично. Вчетвером оттащили остаток к куче с сучками, вернулись обратно. Женька осторожно прошел вдоль осыпи и подобрал отлетевшие ветки.

— Пацаны, смотрите! — вдруг крикнул он. Мы подошли к Женьке. Он показывал на стену. В десяти метрах от начала осыпи, на самой стене, была ровная площадка, шириной в полтора метра и длиной в четыре. Но до неё вела узкая четырёхметровая тропка, шириной чуть меньше полуметра, и добраться туда можно было, прижавшись к стене. В самом начале тропки, росло маленькое и кривое деревце, а тропа была вдоль и поперек исчерчена трещинами. Выглядело это не очень надёжно, однако Женька, бросив собранные сучья, двинулся к площадке.

— Стой, — запоздало крикнул я, глядя на сразу затрясшееся деревце.

Но Женька, прижимаясь к стене, добрался до площадки и восторженно завопил:

— Здорово! Как на балконе! Природном, — и обернулся к нам, — идите сюда. Тут такая красота!

— Однако стихом заговорил, — хмыкнул Савин, и тоже двинулся к уступу.

— Олег, стой! — я попытался остановить его. Но и этот не внял. Деревце опять закачалось, и холодок по спине пробежался, однако Олег без проблем добрался до уступа.

— Серёга, Ильяс, идите сюда! — заорал уже Савин, — тут в натуре красиво!

Вот, блин, ещё один эстет нашелся! Неужели там что-то видно лучше, нежели отсюда?

Расулов, подошел к краю, посмотрел вниз, затем спокойно перешел на тот широкий выступ.

— Ага! — в один голос заорали Савин и Переходников, — вот и Ильяс тут...

— Делать мне нечего, как по скалам козлом скакать.

— Да он трусил, — засмеялся Переходников, — а Громозека бы не испугался. Слабо, Вяз?

— Слабо, — вторит Савин, — Вязу слабо! Высоты испугался! Ха-ха!

— Мне не слабо, — кричу им, — нас, вообще-то, внизу с дровами ждут. И Григорьев предупреждал...

Но этим, похоже, на всё плевать с высоты в двадцать метров. Ладно хоть Расулов молчит.

— Подождут! — кричат в один голос ценители прекрасного. — А лично нам он ничего не говорил. И чего ты его слушаешь? Короче, мы с этого места не сойдём, пока не докажешь, что тебе не слабо.

— Ладно, Вяз, — это уже Ильяс, — давай сюда. Ничего не случится.

Ишь ты, доказательство смелости нужно, как будто я её совсем не доказывал. Ладно, сдалась моя благоразумная часть, придется сходить на этот «балкон». Гляну на эту красоту. Парни прошли, и ничего не случилось...

— Плохая идея, — бормочу себе под нос и ставлю ногу на тропку, а сам кошусь на деревце, служащим своеобразным индикатором движения по зыбкой дорожке. Деревце не качается. Это послужило дополнительным стимулом. Прошел больше половины, как вдруг раздался скрежет, деревце мелко задрожало, а у меня из-под ног поехал камень.

Успел в падении ухватиться за крепкий уступ площадки, а внизу загрохотал каменный обвал.

Я повис на руках, зацепившись за край скалы. Передо мной темный гранит. Смотрю вправо. Тропы, по которой мы шли — не было. Нащупываю ногой крохотный уступ носком кеды. Утверждаюсь на ноге и елзю по стене второй ногой в поисках опоры, но ничего не находится. Тогда вцепляюсь руками покрепче, и чуть отклонившись назад, смотрю... да вниз, но не в пропасть, а на стену. Вот она, нужная расселина. Вставляю ногу, поворачиваю, заклинивая ступню, и приподнимаюсь. Голова оказывается выше края, и я вижу, что Олег с Женька и Ильяс сидят на задницах, испуганно вжимаясь в стену. Глаза у Савина по пять копеек, а Женька вообще зажмурился. Ильяс бормочет что-то.

— Помогите... — но из горла вылетает только хрипение. Прокашливаюсь. Ильяс и Савин тут же кидаются ко мне.

— Серёга!

— Живой!

Олег хватает так, что я чуть не срываюсь вниз.

— Осторожно, мля! — матерюсь сквозь зубы.

— Ильяс, помогай! — кричит Олег и тянет меня за левую руку. Расулов, стремительно бледнея, хватает за правую. Забираюсь на площадку и облегченно вздыхаю, а ценители красоты сразу прилипают к стене.

— Серёг, ты как? — шепчет Савин, и замолкает под моим взглядом.

— До доказывались, мать-перемать?! — рявкнул я, так, что все эстеты вжались в стену ещё сильнее, и уже тише спросил, — где верёвка?

— Там, — и Олег вяло махнул рукой за спину.

— Где там?

— У бревна оставил.

— Охренеть! — Я сел рядом с парнями. Вот тебе, бабушка, и всякий случай! Оставалось сидеть на этой каменной полке, пялиться на обалденный горный пейзаж и выражать свой восторг матом.

— Мой дядя самых честных правил, — вдруг начал читать стих Савин, — когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил. И лучше выдумать не мог...

— Да, — усмехнулся я, — лучше выдумать не могли, как сюда залезть, на этот природный балкон, мля!

Я отвернулся и закрыл глаза. Интересно, обвал услышали? Возможно. Покричать? Нет, крик не услышат. Лагерь находится у подножия горы совсем с другой стороны, а ещё еловый лес крик заглушит. Однако обвал должны были услышать. Хотя...

— Мы все учились понемногу, — продолжал Олег, — чему-нибудь и как-нибудь...

— И мало думали башкою, авось и выйдет что-нибудь! — зло выпалил я, но Савин даже не сбился.

М-да, весело. Женька сидит, вжавшись в скалу и выпучив глаза, словно истукан. Савин, глядя в ясное небо, декламирует «Евгения Онегина». Это чтобы вниз не смотреть и отвлечься от своего страха. Только Ильяс сидит задумчиво.

— Серег, — тихо шепчет он, — ты из-за меня сюда полез? Я ведь молчал...

— Если бы ты крикнул «Слабо», то я бы точно не полез.

— А вид отсюда действительно красив, — хмыкает он.

— Ага, только от этого не легче.

Однако надо что-то делать. Вдруг грохот обвала не услышали, и нас не найдут дотемна? Ночи в горах холодные. Днем может быть очень жарко, но стоит только солнцу зайти за гору...

Так, надо осмотреться и оценить положение. Поднимаюсь, подхожу к правому краю. М-да, в этом месте двадцать пять метров. На высоте я и выше висел. Десятый этаж — это примерно тридцать — тридцать пять метров. С другой стороны площадки шесть метров вниз до осыпи, но каменное крошево внизу выглядит страшно.

— Тут допрыгнуть можно, — говорит Расулов, — я могу попробовать...

— И до низу доедет обтесанный труп, — отвечаю я. — Ты глянь, какие камни острые.

— Эх, не забыл бы Савин веревку...

— Я не нарочно.

Блин, и потянуло же этих оболтусов сюда! Теперь сидят, вжавшись спинами в стену и дрожат. И я тоже хорош, на слабо повелся. Чем думала моя голова? Опять влияние детского тела? Все эти гормоны и гипофизы... тьфу, блин! Теперь, вот, решай проблему — как отсюда выбраться?

Так, что там наверху? До края вершины метров восемь, может и больше. Там, как назло, карниз нависает, не очень большой, но все же...

Так, допустим, я поднимаюсь по стене, затем иду за верёвкой, потом обратно к краю, а дальше? Хм, дальше не знаю, но это единственный шанс выбраться отсюда.

Эх, была — не была!

Поднялся и, разминая кисти, принялся разглядывать стену, прикидывая свой будущий маршрут.

— Ты чего? — одновременно спросили меня Ильяс и Олег.

— Куда собрался?

— Наверх, — отвечаю, присматриваясь к удобному уступу, до которого нужно будет дотянуться, — поднимусь, схожу за веревкой, а затем спустимся по одному.

— Поднимешься? — удивляется Савин, показывая вверх, — здесь?

— Здесь-здесь, не прыгать же вниз...

Расулов посмотрел на стену.

— Так тут зацепиться не за что.

— Значит, прикинемся человеком-пауком.

Я засучил рукава у рубашки, потер ладони.

— П-п-пацаны, — с заиканием выпалил Женька, — я высоты б-б-б-боюсь.

Он поднял руку, и мы увидели, что его очень сильно трясет. Бердников опустил руку и опять вцепился в камень.

— А чего тогда сюда пёрся и на слабо брал? — зло спросил Расулов, — ценитель прекрасного, мля!

И пел нам — какой он крутой...

Но Женька только плечами вздрогнул, а Савин виновато проронил:

— Не кипятись, Ильяс, и так хреново.

— Хреново им, — хмыкаю я, — но Олег прав, не стоит выяснять теперь — кто виноват и насколько. Мы тут и так, как птички в одном гнезде, причем все не умеющие летать. Все виноваты, включая меня.

— Ладно, — махнул рукой, — сначала наверх заберусь, а там поглядим, что дальше делать.

И наставив палец на Переходникова, сказал:

— А ты, Евгеша, пока закрой глаза и представь, что дома на балконе сидишь. Дыши ровно, думай э-э-э... о прекрасном. Олег, Ильяс, проследите, чтоб он спокойно сидел.

— Хорошо, Серёг.

— Есть анекдот в тему. Лезут по горе два альпиниста. Один другому кричит: «Подстрахуй!», тот в ответ: «Сам подстрахуй!», первый: «От подстрахуя слышу!».

Савин хихикнул тихо. Женька только улыбнулся. Ну, что мог сделать — сделал. Еще раз пробежав глазами, и запомнив, все видимые мне уступы и трещины, решительно шагнул к стене.

— Подсадите немного, до того выступа дотянуться надо.

— Удачи, Серёг, — закричал Савин, подсаживая меня.

— Удачи...

— К черту, — отвечаю и начинаю восхождение.

Эх, блин! Кто бы сказал мне, что я без страховки, практически в первый раз в жизни, полезу по скале «соло»? Ни за что не поверил бы. Та жизнь не в счёт. Пусть пройти по стене надо всего десяток метров, но эти метры, для меня с каждым шагом, превращались в километры. Это внизу, кажется — легко, но попробуешь... И, может быть, поздно поймёшь, но об этом нельзя думать, надо о парнях думать и лезть осторожно, продуманно. Ошибаться нельзя.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Вот за этот выступ ухватиться, затем дотянуться до той маленькой трещины...

Пальцы страшно ноют, а пройти надо ещё... а сколько осталось? И что так громко стучит? Как метроном удары мерно отбивает.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Это не метроном. Это моё сердце. Я словно человек-паук раскорячился на отвесе скалы. А ноги и руки, будто и не мои вовсе. Затекли и жуть как болят. Вниз не смотреть, только на стену. Только на стену... только... но взгляд помимо воли отмечает пропасть внизу. Тогда приходится закрывать глаза и опять, вжавшись в гранит, успокаиваться.

Нет, не страшно, но может закружиться голова, а это короткий полет и всё...

Долго стоять на одном месте нельзя, тело затекать начинает, поэтому вперед...

Когда-то, в той жизни, на тренировках лезли по тренировочной стене, со страховкой. Тут нет страховки, и я сам себе подстрахуй...

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Немного осталось. Сколько? Черт его знает! Два метра, или три метра...

Надо идти дальше, но как назло стена пошла ровная — ни выступов, ни трещин. Чуть выше тот самый карниз. Без страховки не обойти. А как? Надо чуть вправо сместиться, там вроде что-то виднеется. Тихо матерюсь, руку от выступа хоть с помощью монтировки отрываю. Скрипя зубами, наконец, отрываю руку от выступа и тянусь к другому, маленькому такому, что только-только тремя пальцами зацепился. Подтягиваюсь. Дальше, как назло, стена будто отшлифована. Кажется, такие поверхности зеркалами называются. Осматриваю стену по

бокам, но там та же проблема. Потянувшись вверх насколько можно, вытягиваю шею и вижу трещину, идущую наискось, но до неё ещё надо как-то дотянуться. Дотянуться не получается — не хватает совсем чуть-чуть, каких-то сантиметров. Опять цепляюсь за тот же выступ и вновь осматриваюсь. Нет других вариантов, только эта трещина, больше зацепиться не за что. А что бы сделал Генка Ким? Прыгнул? Конечно бы прыгнул и зацепился. Его пальцы как крючья стальные, в любую щель вбивай, а я только-только руки начал тренировать...

Долго висеть нельзя — руки начинают затекать, надо решаться...

Присев, шепчу: «Господи, сохрани!»... но не прыгаю. Что-то меня удержало. Что? А то, что будь я в своём взрослом теле, и то бы не прыгнул, потому что я не альп, хоть и приходится иметь дело со снаряжением. Это Генке такие стены как семечки, а мне...

Надо ещё раз попробовать дотянуться, так надёжней будет. А чтобы дотянуться, надо чуть по-другому встать. Итак, новая попытка. Тянусь...

Левая рука хватается за край трещины, в её самом узком месте. Есть, зацепился! Ещё чуть...

Теперь подтянуться. Правой ногой за тот малый выступ. Чёрт, если пальцами там можно было как-то держаться, то кант кеды только-только цеплял гранит в этом месте. Но делать нечего, все равно больше не на что опереться. Начинаю осторожно подтягиваться. Правую руку тяну к трещине...

Вдруг нога соскальзывает, и я чуть не срываюсь вниз. Левую кисть сводит от боли.

— ...! — сиплю, болтаясь над пропастью, судорожно стараясь за что-нибудь ухватиться...

Нога ловит тот маленький выступ, с которого сорвалась мгновение назад. Правой рукой зацепляюсь за ту же трещину и прилипаю к камню. Громкий стук из груди, отдаётся в скалу. Фу-х, чуть птицей не стал. Ещё чуть...

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Правильно — ещё чуть-чуть. С трудом подтягиваюсь и в полуметре вижу край скалы. На последний рывок уходят остатки сил. Переваливаюсь на площадку вершины и какое-то время лежу без движения, чувствуя, как во мне бурлит адреналин. Как там, в песне: «... ты счастлив и нем...»? вот и я сейчас чувствую это. Боль медленно уходит и вместе с этим меня прорывает:

— Да-а-а! Да-а-а! Да-а-а!

Орал во всё горло, от осознания того, что хоть и немного поднимался по стене, но шел «соло». И покорил эту вершину!

Наконец, адреналин схлынул, я поднялся, оглядываясь. Вид отсюда ещё лучше. И чего поперлись на этот уступ на стене? Леня по пологому склону подняться было? Так, вся площадка почти плоская. Только посередине торчит каменный выступ, похожий на табурет, или тумбу в бассейне, у которого я и отходил от трудного восхождения.

Посмотрел на часы. Ого! Я поднимался всего десять минут, а казалось, часы прошли! Как там Савин Переходников и Расулов себя чувствуют? Для них наверно тоже это время как вечность длится.

Подошел к краю обрыва и глянул вниз.

— Олег, Ильяс! Я наверху. Как вы там?

— Нормально, — отозвался Савин.

— А ты чего орал? — кричит Ильяс.

— От восхищения.

— Что дальше?

— Я сейчас за веревкой сбегая. Потом вас вытаскивать буду.

Быстро спустился к бревнам, схватил веревку, забрался обратно на скалу. Бухта выглядела солидно. Сколько тут метров? Начал просматривать её состояние, заодно считая метраж. Что же, немного потертая, но не рваная. А длины... двадцать метров. Отлично! Хватит и с запасом. Только...

Опять внимательно осматриваю верхушку скалы. Блин, ну и ситуация! За что веревку-то закрепить? Обошел гранитный выступ. А что, раз больше вариантов нет, используем этот валун. Петлёй закрепляю один конец за каменный выступ, пробую на крепость узел. Держит нормально, не соскальзывает. Второй конец веревки травлю вниз. Легкое подергивание означало, что она поймана, но тут веревка резко натянулась. Они что, лезть сюда собрались?

— Эй, там, внизу, — ору я, — лезть не надо.

— Почему?! — прокричал Расулов снизу. — Я смогу свободно залезть...

— Нет, сиди пока там. Я спускаюсь. Держи веревку, но не натягивай.

М-да, легко сказать — спускаюсь. Пока просто стоял у края, было всё в порядке, а как обмотался веревкой, так холодок вдоль хребта побежал. Давненько уж свой страх мне не приходилось ломать. Забыл — что это такое...

Шагая за край, шепчу: «Господи помоги!».

Вниз спустился быстро, хоть и пришлось травить веревку медленно, но, может мне это так показалось? Пока проходил стену, разглядывал те выступы и трещины, по которым лез вверх. Сейчас они, почему-то выглядели не совсем удобными. И как я за них цеплялся? Да и неважно теперь.

На уступе ничего не изменилось. Разве что Ильяс стоял и веревку держал, прижимаясь к стене. Переходников так и сидел с закрытыми глазами, спиной к граниту приклеенный. Савин тоже вжимался, только пялился на меня, будто видел во мне что-то необычное.

— Когда ты там заорал, — ворчит Олег, — я уж подумал — все, сорвался.

— Ага, — отвечаю, — и как-то незаметно мимо полетел. Ильяс, веревку отпусти.

Я сравил остатки альп-шнура, глянул вниз и кивнул — хватает. Повернулся к друзьям.

— Сейчас мы начнем спускаться. Там, — я показал пальцем в сторону осыпи, — всего шесть метров. Совсем немного. Пойдем по очереди. Показываю как...

Поднимаю высоко правую ногу и обматываюсь веревкой, зажимаю её у бедра и, выпрямившись,

отрываю левую, зависая в полуметре от площадки.

— Вот таким макаром. — я начинаю стравливать веревку, одновременно поясняя, — только спускаться надо медленно, иначе будет ожог от трения.

Расулов и Савин кивнули. Женька тоже, однако, этот эстет глаз так и не открыл. Ладно, повторим.

— Евгеша, смотри... смотри, мля!

Наконец, тот открывает глаза. Повторяю ещё пару раз. Вроде поняли.

— Первым идет Ильяс, затем Олег, потом Жека, я последний.

— Ильяс, давай.

Он берется за веревку. Помогаю ему обмотаться.

— Попробуй сначала...

— Нет, давай сразу. Я знаю, как спускаться дюльфером.

— Да ну?! — Сюрприз на сюрпризе. Скалолаз, мля.

— Тогда давай. Там на осыпи осторожно ступай. Как спустишься, следующего жди. Страхуй на всякий...

Вместе перешагиваем через Переходникова, поправляю веревку и говорю:

— Только не спеши, хорошо?

— Ладно, Серег, — кивает Расулов и начинает осторожно травить веревку. Контролирую его спуск, готовый подсказать и подстраховать, но Ильяс благополучно достиг осыпи, распутался и глянул вверх.

— Нормаль, жду тут.

Я обмотал Олега.

— Помни, — напоминаю ему, — не спеши.

— Постараюсь...

Савин, опираясь об край, нависает над краем и медленно съезжает вниз. Я придерживаю веревку у стены и смотрю на спуск друга. Олег тоже благополучно достиг осыпи. Он, отпустив веревку, почти садится на камни и, шурша ими, сдвигается в сторону.

— Поднимись к бревнам и жди там. — Кричу я вниз Савину. — Тут Ильяс один справится.

Олег лезет по камням вверх, Расулов приготовился принимать следующего. С Переходниковым, похоже, придется повозиться.

— Жека, — приседаю рядом с ним, — надо спускаться.

— Б-б-боюсь, — отстукивает он челюстью.

— Знаю, что боишься. Олег боится. Ильяс тоже. Я боюсь. Главное побороть свой страх.

— Серег. Я знаю, я... виноват. Но не могу...

Мля, хоть силой обвязывай и спихивай. Может действительно, обвязать и спустить? Только силёнок у меня не хватит. Евгеша сильно напуган и будет цепляться за всё подряд, так что надо уговаривать.

— Тут же не высоко, всего шесть метров, как у тебя дома на третьем этаже. Я и Ильяс тебя страховать будем.

Но тот мотает головой. Глаза закрыты. А если ему глаз и не открывать? Хотя бы пока...

— Значит так, Жека, глаза не открывай. Представь, что ты сейчас у себя дома на балконе сидишь.

Лицо у Переходникова кривится — трудно ему сейчас что-то представить.

— Сейчас ты, не открывая глаз, повернешься, и, опираясь на стену, встанешь. Я рядом, буду помогать тебе. Ну... — и тяну его за плечи.

Женька всхлипнул и начал поворачиваться. Сел и вжался лбом в гранит. Есть прогресс!

— Так, хорошо, — придерживая его, начинаю тянуть вверх, — вставай.

Очень медленно поднимается, буквально по сантиметру перебирая руками вдоль стены. Выпрямляется не до конца, оставшись чуть согнутым. Но и это хорошо.

— Вот так, отлично! — подбадриваю его я, — теперь ногу подними... поднимай ногу-то.

Но Женька стоял и больше не двигался. Тогда я сам приподнял его ногу, пропустил верёвку между ног, обвел ею правое бедро, а затем, оторвав руку от скалы, через грудь и левое плечо опустил за спиной.

— Держи, — я попытался сунуть верёвку в правую руку.

— Не могу... — простонал Переходников.

— Можешь! — обозлился я, — не веда себя как тряпка. Нам нельзя тут сидеть. И так долго валандаемся. Хочешь, чтобы мы из-за тебя в последний раз в поход классом ходили?

— Н-нет...

— Тогда давай, попробуй зависнуть на веревке здесь, пока не спускайся.

— Как?

Я подтянул веревку.

— Вон тут вверху левой рукой ухватись и потянись. И ногу выше подними. Ага, вот так.

Подтянул ему веревку и вложил в правую руку:

— Держи крепче. И не дрожи так, успокойся. Я тебя поддерживать буду, а теперь слушай —

скорость спуска регулируется правой рукой, а левая придерживает верёвку. Чтобы остановить спуск, достаточно только сжать кисть. Понял?

Переходников кивнул.

— Сейчас пару раз попробуешь здесь, потом пойдешь вниз. А теперь левую ногу подними.

Женька поднял ногу осторожно. Я придерживал его за спину правой рукой, а левой держал за натянутую веревку.

— Выше поднимай, ничего не бойся. Теперь ослабляй хват правой.

Переходников, эти полметра съехал мгновенно.

— А вот так нельзя, — сказал я сморщившемуся и дующему на руки Переходникову, — чувствуешь как горячо? Давай, подтянись ещё раз, и попробуй медленно, буквально по сантиметру.

Вторая попытка удалась лучше, Женька даже слабо улыбнулся. Ну, слава Богу, отошел от своего испуга. Значит, можно его спускать.

— Теперь вниз, — я двинул его к краю, — смотри перед собой и помни — ничего страшного тут нет. Гранит, вон разглядывай. Кстати, помнишь, как ты на нитке конфеты со второго этажа спускал?

— Ну да...

— Вот и давай, как...

— Я не конфета, — буркнул Женька и поерзал. Веревка сползла к паху.

— Так тоже не стоит делать, — усмехнулся я и поправил её, переместив петлю к бедру, — прищепишь гордость-то свою.

У Переходникова сначала вытягивается лицо:

— Какую гордость? — а потом доходит и он начинает хихикать. Просто здорово!

— Ильяс, ты как?! — крикнул я.

— Нормально, — кричит в ответ, — сижу, на пейзаж любуюсь и вас жду.

Этот сам шутить начал. Ладно, ребяташки, вот спустимся к лагерю, я тоже пошучу.

— О стену опирайся, — говорю все ещё хихикающему Женьке, — как спускаться начнёшь, отталкивайся слегка от неё.

И уже Расулову:

— Ильяс, принимай.

— Готов, — донеслось снизу.

Переходников старался спускался медленно. Осталось всего два метра, как вдруг он съехал так

быстро, что проскользнул мимо рук Ильяс. Женька плюхнулся на камни задом, вскрикнул, хватаясь за обожжённые места, и поехал по осыпи вниз. Расулов схватил его за воротник, второй рукой за веревку. Я тут же натянул ее, прижимаясь к скале. Вниз покатались камни...

— Перевернись, — шипел внизу Ильяс, — на ноги встань...

Я не видел всего, но представлял — на уклоне, да еще каменном крошечке, не то, что просто стоять, ходить трудно.

— Наверх давайте, — крикнул я, когда им удалось твердо встать на ноги. — Ждите меня там. Я сам спущусь.

Помогая друг другу, Ильяс и Женька, полезли вверх. Я дождался, когда они до бревен доберутся и, обмотавшись, спустился вниз сам. М-да, этот щебень, да на дорогу бы...

— Серега! — кинулись навстречу мне все трое, как только я поднялся.

— Но-но, охолонь! Ценители прекрасного, мля.

Ребята переглянулись и опустили головы.

— Серег... — начал Ильяс.

— Это... — глухо буркнул Переходников.

— Никому... — продолжил Савин.

— Ничего не скажем, — закончил я, усмехнувшись. — Это и так понятно.

— Спасибо тебе, — почти одновременно сказали они, — что вытащил нас.

— Да ладно, — махнул я рукой, — проехали.

И замер.

— Твою ...! — выругался я.

«— Ага, особенно как на Лысый Горшок забрались, и сидели там, пока Серёга не придумал, как спуститься» — это Расулов сказал, тогда, на пикнике. Я как раз про белые пятна в своей голове подумал, потом на розыгрыш пенял. А теперь все сбылось. Что это означает? Все предопределено? А может, я выполняю заложенную программу, полученную с монитора моего бука? Нет, бред, не может быть, просто совпадение. Тогда почему про первый день, то есть про стычку с Громилой мне никто не говорил тогда? Получается я сам, неосознанно повторяю тот путь, который был возможен в той жизни, одна из утраченных в прошлом вероятностей?

Что ж, мечты мои, практически сбылись — в горы походом пошли, на вершину я забрался и орал там от избытка чувств, теперь осталось в водопаде искупнуться и на звезды ночью поглазеть. Вот только в ледяную воду в незакаленном теле, как-то не хочется.

Б-р-р-р! — даже передернуло всего.

— Ты чего? — это на меня друзья непонимающе таращатся.

— Ничего, — буркнул, — мы уже полтора часа тут валандаемся, в лагере нас наверно хватились

уже. Идите к бревнам и стаскивайте их к той тропе, где мы в первый раз отдыхали. А я пока веревку сниму.

Направился к вершине. «Надо же, как вышло, — думая я, поднимаясь, — сидели на Лысом Горшке, точнее на выступе, а я их вытащил. Напророчил генерал Расулов, мля. Кстати, обрадовать что-ль Ильаса? Сказать ему — генералом станешь... Нет, не стоит. Лучше оставить будущую историю в покое, а то вон какие фортеля выкидывает — не знаешь, что дальше случится? Бабочкин эффект, мать его...».

На полпути к вершине обернулся и обнаружил, что Савин, Расулов и Переходников за мной тащатся.

— Вы чего?

— Серег, мы лучше с тобой, — чуть ли не хором ответили пацаны.

Махнул на них, и дальше полез. Поднялся, развязал узел, выбрал веревку, смотал в бухту и сунул Савину, вот пусть хозяин и таскает её. Затем мы спустились, и бревна к тропе носили. Хотя они они не такие и тяжелые оказались, но до тропы по откосу лучше все же было тащить по двое.

От лагеря слышался смех и музыка. А ещё ветерком пахнуло так вкусно, что наши животы сразу урчанием откликнулись. Веселятся там, а мы тут корячимся, бревна таскаем...

Кстати, хватит ли их? Ведь народу-то много и костер не один будет... «Хомячить, так хомячить» — решил я. Кто знает, сколько другие дров принесут? И мы вернулись к остаткам. Пока с Ильасом тащил очередную часть ствола, Олег и Женька несколько раз сбегали за сучьями. Уселись отдохнуть.

— Это все вниз? — спросил Расулов.

М-да, нас четверо, по бревну на брата, сразу забрать все не выйдет, а подниматься потом снова что-то нет никакого желания. Эти бы спустить. Приготовить еду хватит, а ночью все в палатках спать будут, не замерзнем.

— Спускаем только то, что отрубили, — решил я, — а, понадобится ещё, то пусть другие сюда лезут.

— Верно.

Развернув комлем к откосу, толкнули первое бревнышко. Оно съехало пару метров и ткнулось в корневище толстой ели. Следующее полностью повторило путь первого.

— Этак мы долго их спускать будем, — проронил Ильас.

— Может, веревкой обвязать? — подал голос Переходников.

— И что это даст? Только меж стволов запутаемся.

— И что теперь, каждый раз их вот так толкать?

До лагеря метров сто по уклону, и весь путь через ельник лежит. Это дикий лес, не лесопосадки, где деревья вряд растут, а тропка, по которой мы сюда лезли, даже слишком извилистая.

— Его бы вовремя поворачивать... — сказал Савин.

— Поворачивать, говоришь? — Я задумался. — А если действительно рулить?

Я вогнал топор в торец бревна.

— Вот и руль. Толкаем, сами держимся и едем.

— Я первый, — кричит Савин и подталкивает обрубок ели мимо корней.

— Ех-ху! — орет он от восторга.

— Ой-ё-ё! — вторю я, съезжая следом.

Теперь все ели мы удачно обруливаем. Уклон достаточный, под деревьями травы нет, голый грунт без камней, едем не быстро, чуть тормозят не до конца обрубленные сучки. Этаким летний слалом на дровах, а вместо лыж — кеды, только носки вверх задирай.

Впереди кто-то удивленно воскликнул. Проехали мимо поднимавшихся в гору ребят. Это оказались Ульский, Раевская, Кигаев. Засмотревшись на них, Савин не замечает ветки поперек пути и, врезавшись в нее, скатывается в сторону, а бревно доехало до следующего дерева, зацепилось за корни.

— Ёп... — втяхиваюсь в ту же ветку я. Тормозить-то нечем. Моё бревно присоединилось к Савинскому. Только я убрался в сторону, под веткой пролетело ещё одно, а Ильяс, ехавший следом, приложился об ствол, матюкнувшись при этом. Переходников был более удачлив. Он вовремя своё бревно в сторону повернул.

— Их там с дровами ждут, — хмыкает Ульский, — а они тут на них катаются.

— Нас за вами послали, — говорит Лариса, — вы чего так долго?

— Сначала подходящее дерево искали, потом валили, затем рубили, а теперь, чтобы не тащить, скатываем и сами едем.

— Ясно.

— Поехали, — говорю, — есть охота.

Бревна все же тащить пришлось, за двадцать метров до лагеря уклон более пологим стал, да и ивовые кусты обходить пришлось. Бросили эти дрова в общую кучу и осмотрелись.

На поляне почти ровно стояли две больших палатки, три поменьше. Это для всех ребят. Чуть дальше пять маленьких, в них взрослые обосновались. Сами ребята занимались кто чем — в бадминтон играли, в карты, тайком от взрослых. Самая большая компания в волейбол играла, одна команда на одном берегу, вторая на другом. Весело! Даже если мяч высоко пролетит, не беда, все равно обратно с горы скатится. Вот только если в реку попадет, так лови его в быстрине, но именно это было более интересным.

— Что так долго, — спросил меня Григорьев, внезапно вышедший из-за палаток.

Я рассказал то же самое, что и встреченным на пол горы ребятам. Так же упомянул, что там ещё дрова остались, но только за ними пусть другие в гору лезут.

— Хорошо, — кивнул Витя, — идите ешьте, вам кашу оставили.

А сам к палаткам отправился, где все взрослые вокруг расстеленного покрывала сидели, держа железные кружки. Чайника или котелка рядом не стоит, ясно, что вино пьют, только вид делают — чаепитие у них, даже на кружки для вида дуют, конспираторы, блин.

Мы уселись на камни и из котелка кашу принялись есть.

— Ишь, ты, — мотнул головой в сторону взрослых Савин, — типа чаек пьют.

Расулов и Переходников только кивнули.

— Ничего, у нас тоже имеется.

— Что имеется? — повернулись мы к Олегу.

Тот осмотрелся (нет ли кого поблизости) и прошептал:

— У меня коньяк есть. В рюкзаке, в свитере бутылка завернута.

— Ого! Откуда?

— Где взял?

— Дома, где же ещё? Не в магазине же.

— Ну, ты даешь! — качаю головой я. — Совсем страх потерял! Батя тебя точно убьет.

— С кем поведешься, — парирует Олег, — а отец и не знает про этот коньяк. Недавно юбилей у отца был. Много гостей пришло. Таких вот бутылок на столе стояло достаточно, и у дивана с десяток. Когда танцевать стали, видно задели их, вот одна под диван и закатилась. Отец думал — выпили все, вот и не хватился. Пустые бутылки поутру считал и ворчал. А я, за теннисным шариком полез, вижу — бутылка. Спрятал, так, на всякий случай. Вот и пригодится сегодня!

— Коньяк — это хорошо.

— Пробовал?

Последний раз я пил его, когда в самолете сюда летел. Хороший, кстати, коньяк был. Но на вопрос Олега невозмутимо головой помотал.

На лица Расулова, Переходникова и Савина смотреть смешно. Заерзали, кашу мигом проглотили, а глаза блестят, так охота коньчку, как взрослым! Как говорится — если нет возможности пьянку предотвратить, то надо её возглавить. То есть не дать напиться друзьям, и самому, кстати.

— Ладно, как стемнеет — будем брать, то есть пить. Но сразу предупреждаю — по чуть-чуть, только чтобы не окосеть.

— Ага, все-равно спать ляжем потом.

Глава 9

— Серега, бей! — и я мячом выстреливаю в соперников.

Мы играли в волейбол навывлет. По три игрока в команде, этакий пляжно-горный вариант игры. Вместо сетки веревку натянули, поставив по краям вырубленные жерди. Площадку обозначили камушками. Савин, я и Расулов играем против Ульского, Кигаева и Переходникова. Остальные команды ждут своей очереди.

— Серега, лупи! — орет Савин, поднимая над веревкой-сеткой мяч.

— Серега, мочи! — орут болельщики.

Бац! — действительно намочил. Мяч сбил с ног Ульского и срикошетил в речку.

— Лови его! — теперь мы несемся всей толпой вдоль берега. Мяч прыгает, болтаясь в потоке и натыкаясь на валуны.

— Твою...! — орет Женька, окунувшись в холодную воду. Мяч он упускает.

— А-ха-ха... — смеётся Морозова, остановившись рядом с ним. Переходников злобно зыркает и пригоршней воды на неё ух!

Весело и с визгом начинаются водные процедуры!

Солнце склонилось ближе к вершинам, но по-прежнему палило как будто тут не горы, а Сахара какая-то. Легкий ветерок совсем не приносил облегчения, его только и хватало, чтобы траву на склонах чуть пошевелить. Однако нам это не мешало носиться с мячом, изредка макаясь в речку.

Наконец волейбол надоел, верней надоело кое-кому проигрывать. Даже цыкать на Савина начали, за то, что он ходил, скандируя: «Мы чемпионы! Мы чемпионы! Мы всех победили».

Девчонки предложили играть вышибалы, да сами, естественно, первыми повывлетали и теперь болели за свои команды. А мне надоело быть целью «номер один» и, в конце концов, я позволил себя, наконец, вышибить. Ополоснув лицо в речке, присел рядом с ребятами.

— Смотрите, — зашептал Олег и показал на крайнюю палатку, — они опять собрались.

Действительно, взрослые опять делали вид что «чайк» пьют.

— Видно, винца много взяли.

Мы переглянулись.

— Может и нам по капле? — предложил Ильяс.

— Не помешает, — добавляет Савин.

— Как рекомендует газета «Неделя», — усмехаюсь я, — в разделе — для дома и семьи...

— Точно! — кивает Женька.

Подожли к сложенным в центре лагеря рюкзакам. Савин взял свой и спросил:

— Куда пойдём?

Мы одновременно покосились на взрослых. Сидят, пьют, но по сторонам поглядывают. Если мы

сейчас всей компанией в лес двинем — заметят. Тем более поведение у нас заговорщицкое сразу стало. Особенно у Переходникова. Поэтому лучше где-нибудь рядом на грудь принять.

— Давай в палатку, — говорю я, — в крайнюю.

Отошли к противоположному краю палаточного ряда. Из-за огромного валуна, крайняя палатка стояла немного наискось, выходом в сторону. Только мы собрались войти, как из неё голоса прозвучали.

— Там Раевская и Смольнякова, — сразу определил Савин. — И ещё кто-то. Вот блин, что делать будем?

— Сейчас уладим, — хмыкнул Расулов, подобрал с земли сухую веточку и обошел палатку.

— Девчонки, — услышали мы его вкрадчивый голос, — смотрите, я змею поймал!

Булыжники, что держали колышки, дружно звякнули, а мы только-только успели посторониться, как девчонки с визгом вылетели из палатки. И чего так вопить-то! Подумаешь, змея, а точнее веточка простая. А они даже разбираться не стали, так стартанули, что палатка чудом осталась на месте.

— И делов-то! — довольно сказал Ильяс, появившись из-за угла. Он откинул входной клапан. Савин воровато огляделся и внутрь нырнул.

Немного погода выглянул:

— Готово, — прошептал он, косясь по сторонам, — только кружка одна.

— Ничего, — говорю, входя вслед за Ильясом, — по очереди выпьем. Женька, на стреме останься.

— Пятизвездочный, — шепчет Олег, показывая бутылку.

— Да хоть шести, наливай, да по чуть-чуть.

Беру кружку. Ну что же, попробуем — каков он на вкус, пятизвездочный-то?

Вкуса, а тем более букета я не разобрал. Напиток просто огорошил своей крепостью. Аж передернуло всего. Конечно, ничего крепче кефира прежде я не пил, а та жизнь не в счет.

— Ну как? — спрашивает Олег.

— Нормаль, — отвечаю, — а закусить?

— Не доставал. Может хлебом?

Хлебом? Коньяк? Вот, блин, хоть к речке беги запивать! Отдал кружку Олегу. Он плеснул в кружку порцию и тут же протянул Ильясу. Тот проглотил коньяк зажмурившись и тоже заметно вздрогнул.

— Лимон надо было взять, — хрипло говорит он. — Мой отец коньяк лимоном закусывает.

— Коньяк пьют мелкими глотками, — заявляет Савин и наливает себе. Нюхает, отпивает, потом глаза у него выпучиваются, сразу покраснев.

— Алкаш, — хрипит Расулов. — Пойду Женьку на стреме подменю.

Ильяс вышел из палатки, тут же Переходников нарисовался. Плеснули и ему. Женька, выдохнул, выпил залпом, поперхнулся и надрывно закашлял. Лицо его тоже запылало краснотой.

— Слабак, — хмыкнул Расулов снаружи и тут же зашипел:

— Атас!

Олег принялся прятать бутылку, а я вылез наружу.

— Где змея? — спросил подошедший Григорьев.

— Какая змея? — удивился Расулов.

— Никакой змеи тут нет, — подтвердил я, стараясь не дышать, чтобы не выдать запаха. Однако тут же обнаружил, что Григорьев сам в сторону дышит, что меня развеселило.

— Девчонкам наверно показалось. — Некстати высунулся Савин. Уж больно красноречиво глаза его блестели. Хорошо хоть Женька унял свой кашель и теперь тихо сидел в палатке.

— Да? — недоверчиво хмыкнул Витя.

В этот момент подошла Щупко. Она взяла Григорьева за руку.

— Ребята решили к водопаду сходить. Пошли с ними?

— Пошли, — тут же согласился он.

Только они отошли от палатки, как ребята почти одновременно вздохнули.

— Пронесло!

— Не обольщайтесь, — говорю, — Витя понял, что мы тут вовсе не лимонад пили.

— Все равно, пронесло, — повторяет Олег.

— Ладно, — вздыхает Ильяс, — пошли, что ли тоже к водопаду ходим?

— Пошли.

* * *

— Засыпает синий Зурбаган.

А за горизонтом ураган...

С грохотом, и гомоном, и гамом,

Путь свой начинает к Зурбагану.

Петь как Пресняков мне гораздо легче, не то, что под Высоцкого голос подстраивать. И получается вполне похоже.

— Грянет ливень резкий и косой,

И продрогнет юная Ассоль,

И опять понять не смогут люди,

Было это или ещё будет.

Все сидят не шевелясь, песню слушают. Витя как-то странно прислушивается. И не подыгрывает. Не знает её, что ли? И фильм не смотрел?

Наши посиделки напоминали помесь «Угадай мелодию» и «Музыкального ринга». Я и Григорьев соревнуемся — кто, сколько песен знает? Витя, конечно, музыкант профессиональный, по чистоте исполнения меня на раз обставит, вот в знании репертуара, то есть количество песен... тут ему ловить нечего. Пусть не все тексты полностью знаю, но я Григорьеву приличную фору дать могу.

Но это соревнование не я начал.

Вдоволь наполоскавшись под водопадом, мы вернулись в лагерь. Солнце скрылось за горой и в ущелье сразу стало сумрачнее, и прохладнее. Разобрали свои рюкзаки. Я отвязал, спальник, вынул из рюкзака все продукты, сложив их в котелок и, вместе с ребятами, отнес их к одному из костров, где уже кашеварили наши девчонки. Сдали всё Верке. Я на всякий случай предупредил — что один пакет является приправой. А котелок мне вернули, сказав, что добра этого уже навалом, есть и больше, на что Савин победно хмыкнул.

Костер пылал вовсю, огненными языками пытаюсь достать до пока ещё светлого неба. Вокруг кострища ещё засветло пацаны больших камней накатили. Только я сел на один из камней, как рядом материализовался Олег и сунул мне гитару. Взял инструмент со вздохом. Что ж, сам виноват, сейчас начнется концерт по заявкам.

— Ты говорил — песен много знаешь? — присел напротив Витя держа свою гитару. Странно, что я не видел её, когда в автобусе ехали. Вокруг нас тут же образовалось плотное кольцо из ребят. Рядом со мной Раевская уселась, а с другого бока, опередив Олега, Смольнякова пристроилась. Савин поворчал и сел где-то сзади. Установилась тишина. Даже показалось что шум речки стих.

И началось — Григорьев поет, я угадываю, потом наоборот. Если угадал, то подпеваешь и подыгрываешь. Счет у нас получился равным. Зря я думал, что дам Григорьеву фору, скорей он мне её даст. Витя знает почти всю эстраду на данный момент. И нашу и зарубежную. Вот только с песней «Зурбаган» он почему-то не знаком.

— Два часа на часах и не нас и не нашего века.

Смотрит девушка с пристани вслед кораблю.

И плечами поводит, озябнув от ветра.

Я люблю это время безнадежно люблю.

— Здорово, — говорит Григорьев, — а что это за песня? Тоже твоя?

Я даже рот от удивления раскрыл.

— Нет, что вы! «Зурбаган» Дербенев написал, а музыку Чернавский сочинил.

— Не слышал.

— Как не слышал? — говорю. — Её Пресняков поёт!

— Пресняков? — Витя смотрит недоуменно. — Самоцветы её не пели, вроде. Их репертуар я хорошо знаю.

Тут я все понял — «Зурбаган» только в следующем году запишут, а про Вову Преснякова пока никто слыхом не слыхивал. Не знают тут такого певца. Хорошо хоть про фильм «Выше радуги» не брякнул. Объясняй потом — откуда я знаю про все это? Вот бляха муха, как нечаянно вышло!

— Ладно, зачтено. — Григорьев взял пару аккордов, глянул на меня и начал играть.

— Узнаешь? — спросил он.

— Пока нет, — пожал я плечами. А Витя начинает петь:

— Тихий вечер спустился над Камою,
Над тайгой разметался закат.
Ты сегодня с надеждой упрямою
Ждешь письма от московских ребят.

Однако песню я так и не узнал.

— Эта песня Юрия Визбора, — сказал Григорьев, — называется «Тихий вечер спустился над Камою».

Обалдеть! Из Визбора я знаю пару-тройку песен, и все. Не могу я знать абсолютно все песни. М-да, он наверно шутит.

— Извини, — говорит Витя, — эту песню ты мог и не знать.

И начинает другую мелодию, а затем и поёт:

— Над деревней Ключевкой опустился вечер,
Небо залунявилось, звезды — пальцем тронь.
Где-то вдалеке пичуги малые щебечут.
Где-то недалече всхлипнула гармонь.

Песню я узнал сразу. Какой оказывается он хулиган. Мельком глянул на Щупко. Не знает она этой песни и, не дожидаясь финала, сказал:

— «Над деревней Ключевкой», — перебиваю Григорьева. — А написал её Юрий Лоза. У него много отличных песен.

Чуть не сказал, что вырос на его песнях. Делать невозмутимое лицо стало труднее, так как во мне зашевелился хулиган, и, не дав Григорьеву опомниться, начинаю играть и петь:

— На маленьком плоту,
Сквозь бури дождь и грозы...
Взяв только сны и грёзы,
И детскую мечту...

У Григорьева отвисает челюсть. Чего это он?

— ... но мой плот,
Сшитый из песен и слов,
Всем переменам назло,
Вовсе не так уж плох.

— Откуда та её знаешь? — потрясенно спросил Витя. — Эту песню Юра только недавно написал и нигде, кроме как в узком кругу она не звучала.

— Откуда? — от злости на самого себя, так и хотелось про горбатого вернуть, но я сдержался, так как сам виноват. Знал бы он — откуда.

— Слышал её как-то, в узком кругу. А ты вот так говоришь, будто сам Лозу хорошо знаешь.

— Знаю, конечно! — кивает Григорьев. — И очень хорошо знаю. Это сейчас он в столицу подался, а до этого мы часто вместе собирались, тексты сочиняли, идеями делились, играли. Даже группу свою собрать хотели, но как-то не вышло...

Витя задумался, а меня сзади нетерпеливо толкнули, и зашептали: «Играй, давай».

Ладно, я спою то, что давно известно, и начал «Отель Калифорния». Григорьев встрепенулся и тоже включился в мелодию. Вот только оригинальный текст я плохо помнил, и решил спеть русский:

— На пустынной дороге
Кудри ветер трепал...

И вновь Григорьев смотрит удивленно, даже на миг играть перестал.

Словно дымом кальяна,
Над шоссе смог стоял...
Впереди свет призывный
На ночлег намекнул...
И как будто приливной волной
Он меня притянул.

А ребята удивленного состояния Григорьева не замечают. Сидят, слушают и раскачивались в такт песне. Еще немного и, если бы у них были зажигалки, то вокруг нас горели бы маленькие огоньки.

— Милости просим в отель наш «Калифорния»,
Это просто рай!
Это просто рай!
Это просто рай!

— Сам перевел? — спросил меня Витя, как закончили песню.

— Сам. — А как ему ещё ответить? Что этот перевод вовсе не мой, и его я в интернете отыскал? Прогрессия вопросов начнется.

Витя перебирал струны, видно думая — какую бы ещё песню спеть? Я же, перебирал в уме варианты ответов на будущие вопросы по поводу моей «ошибки». Но тут у кого-то заурчало в животе. Да так громко, что все засмеялись.

— Че ржете-то? — смутился Савин. — Есть хочу.

— Да, — встрепенулась Щупко, — ребят, песни песнями, есть мы будем или не будем? Вера, Лариса, что там с ужином?

— Давно готов, Елена Михайловна, — почти в голос ответили Смольнякова и Раевская. Интересно, когда это они успели его приготовить, если все время сидели рядом со мной?

— А не остыло?

— Нет, — ответила Лариса, — мы котелки с огня сняли и рядом с костром поставили.

— Хорошо, — поднялся Григорьев, — давайте ужинать, а то вон какая темень уже!

В горах темнеет быстро. Раз и ни зги не видно, будто выключателем щелкнули. А ещё холодней становится. Ребята-то уже одетыми к костру подошли, а я в рубашке и штанах у костра так и сидел.

Все потянулись к палаткам, спотыкаясь об выступающие камни. Как добрались до рюкзаков, замелькали лучики фонариков. Олег тоже достал свой фонарь. Включил, но лампочка светила еле-еле.

— Батарейки, что ли сели? — затряс он фонарем.

Вокруг зазвенела посуда, ребята выстраивались в очередь у четырех котлов со сваренным супом.

— А, зараза! — выругался Савин, споткнувшись. — Я запасных батарей не взял.

— А я и так все вижу, — хмыкнул Женька и сам тут же споткнулся об растяжку.

— Молчал бы уж, филин.

Олег опять потряс фонарем.

— Да не тряси ты его, — и я протянул ему руку, — давай сюда батарейки.

— Зачем?

— Вынь, говорю.

Савин немного повозился, откручивая колпачок, потом вытряхнул мне на ладони три больших круглых батарейки. Я нашел палаточную растяжку, выбрал небольшой булыжник из кучи и обстукал им все батареи. Затем протянул их Олегу.

— На, вставь и проверь.

— Ого! — удивился он, когда включил фонарь. — Светят, будто новые.

— Серег, — говорит Женька, — а если опять сядут, то ещё раз покоцать? И опять будут ток давать?

— Нет. Но потом что-нибудь придумаем.

Мы задержались у крайней палатки. Подсвечивая фонариком, нашарили свои рюкзаки. Я положил гитару на чехол, из мешка вынул тарелку с ложкой, хлеб. Заодно вытащил куртку. Сразу поддел ещё одни штаны, сверху свитер, только куртку пока не стал надевать.

— Может по капле? — спросил Савин, не вынимая рук из рюкзака. — Все равно в темноте

никто не увидит.

— На голодный желудок не надо, — отвечаю, — вот поедим, тогда...

— Или во время еды, — кивает Ильяс.

Суп мы получали последними. Три котла уже опустели и, принимая миски у нас, Смольнякова ухнула супа из четвертого котла каждому, да чуть ли не до краев.

— Ешьте, — приговаривает Верка, раскладывая варево, — у нас жуть как вкусно получилось.

— Можете ещё за добавкой прийти, — добавляет Лариса, — целый котел остался.

На другой стороне поляны включили магнитофон. Мы, пританцовывая, отошли к крайней палатке, и присели на валуны. Миски поставили на колени. Я отломил хлеба, откусил немного и только запустил ложку в суп, как рядом забился в кашле Женька.

— Ты чего, обжегся, что ли?

— Мать... — выругался Расулов, выплевывая суп.

— Тьфу, — вторит Савин, — пересолено!

Я попробовал малость варева, действительно — есть невозможно.

— Глянь, — вытер рот Олег, — а остальные рубают, как ни в чем небывало.

В отсветах от костров было видно, что ребята сидят и спокойно ужинают. Никто не возмущается соленостью супа.

— А нас что, — сплевывает Переходников, — типа, прикололи, чтоль?

— Пойдем разбираться, — поднимается Расулов.

Неся миски перед собой, гуськом идем обратно к котлам. Возле них, спиной к костру, по-прежнему сидят Раевская со Смольняковой. Едят один хлеб, шушукаются и чему-то смеются.

— Ещё и ржут, — бурчит Ильяс, — я им сейчас этот жутко вкусный суп на голову надену. Нашли над кем приколоться!

Подходим к девчонкам.

— Уже съели? — удивилась Верка.

— Вкусно? — спрашивает Лариса. — Добавки хотите?

А у обоих глазки такие невинные, что именно в злую шутку больше верится.

— Добавки?! — почти рычит Ильяс. — Сейчас будет вам добавка!

И собирается выполнить недавнюю угрозу. Девчонки с визгом отскакивают, хватают крышки от котлов и закрываются ими.

— Вы чего! — пятась за костер, кричат они. — Чего не нравится?

— Издеваетесь, что ли? — в ответ орет Олег.

— Сами хоть пробовали? — говорит Переходников и ставит свою миску у котла. — Пересолено, будто пачку соли в суп насыпали.

— Конечно... — мямлят обе, — пробовали.

— Что тут происходит? — спрашивает Щупко, появляясь из темноты вместе с Григорьевым. — Что за ор?

— Суп нам пересолили! — отвечаю я. — Только одним нам.

— Как это, только вам? — не поняла она.

— А так, — говорит Расулов, — есть невозможно! Сами попробуйте.

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета

мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот

«Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам

способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти.

Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же

усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

Раз уроков задали мало и будет последний день в школе, то можно и расслабиться. И тут же усмехнулся – расслаблялся и снимал стресс я обычно в «Погребке». Где теперь этот «Погребок»? В прошлой жизни остался, будем расслабляться без алкоголя. Здесь пьяный школьник – чудовищное событие республиканского масштаба. А стих я подберу из памяти. Только вот что-нибудь из близкого по годам, а то, что я про автора скажу, если спросят? Ладно, со стихом вечером решу. Выключил телевизор – изображение собралось в яркую точку в центре экрана и постепенно исчезло. Интересно, какой телевизор у Савина? Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org